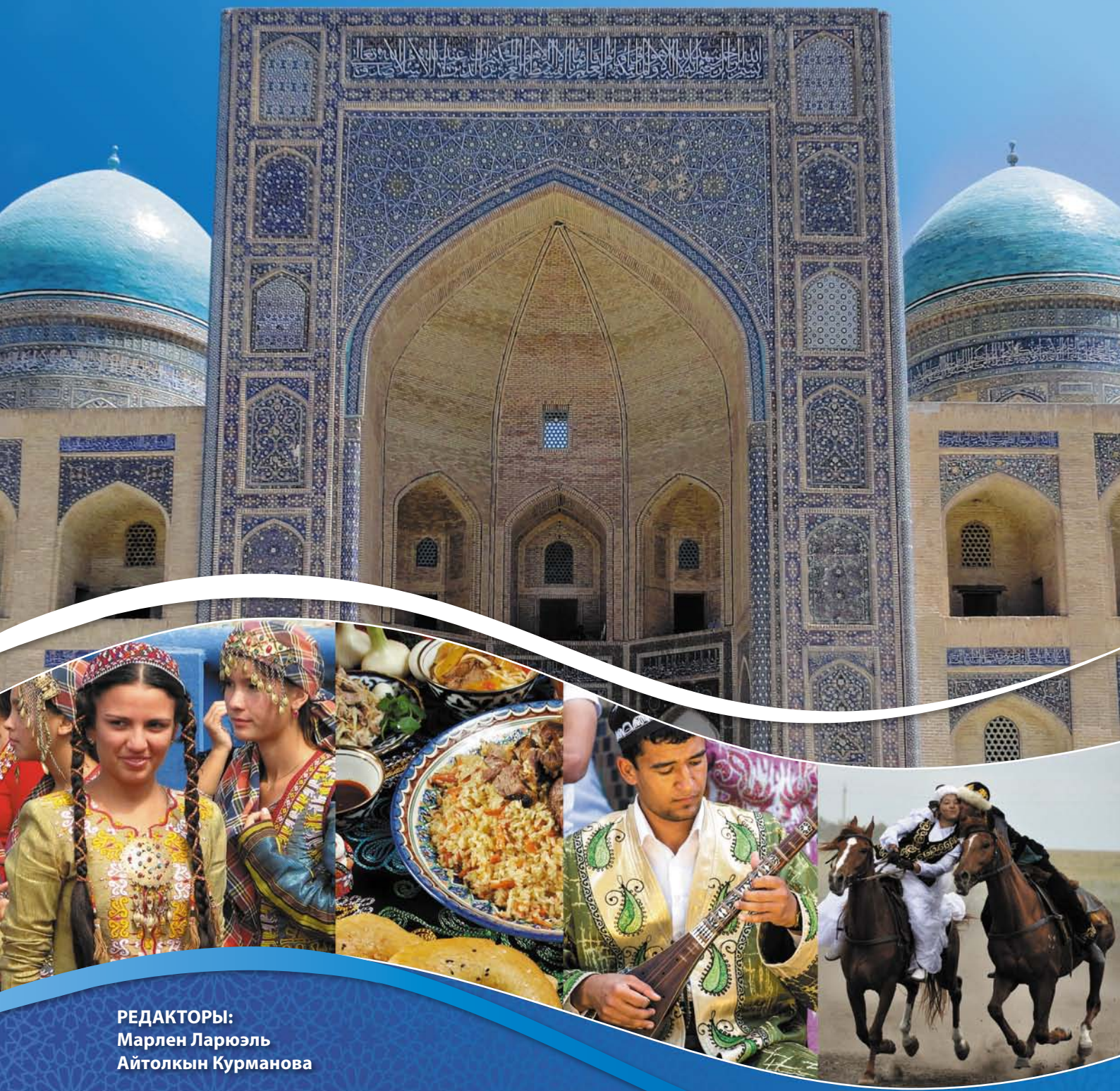
ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ - 25:
МЫСЛИ О ПРОШЛОМ, ПРОЕКЦИЯ БУДУЩЕГО

Сборник эссе из Центральной Азии



РЕДАКТОРЫ:
Марлен Ларюэль
Айтолкын Курманова

Программа изучения Центральной Азии
Институт европейских, российских и евразийских исследований
Школа международных отношений им. Эллиотта
Университет Дж. Вашингтона

Март 2017

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ - 25: МЫСЛИ О ПРОШЛОМ, ПРОЕКЦИЯ БУДУЩЕГО

Сборник эссе из Центральной Азии

РЕДАКТОРЫ:

Марлен Ларюэль
Айтолкын Курманова

Программа изучения Центральной Азии
Институт европейских, российских и евразийских исследований
Школа международных отношений им. Эллиотта
Университет Дж. Вашингтона

Сборник включает статьи экспертов, журналистов и практиков, работающих в Центральной Азии, в которых они высказывают свое мнение об основных достижениях и ошибках 25-летнего периода независимости региона, а также о тех вызовах, с которыми столкнется центральноазиатское общество в краткосрочной и долгосрочной перспективах.

ISBN: 978-0-9988143-0-8

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ
Марлен Ларюэль 5

ЧАСТЬ 1
ИНТЕГРАЦИЯ И ДЕЗИНТЕГРАЦИЯ

25 лет независимости стран Центральной Азии: вызовы из прошлого
Санат Кушкумбаев 7

Центральной Азии 25 лет: неопределенность кризиса среднего возраста
Наргис Касенова 10

Узбекистан – 25 лет независимости
Мирзохид Рахимов 12

Суверенитету Таджикистана 25 лет: история и перспективы развития
Гузель Майтдинова 16

25 лет независимости Кыргызстана
Талант Султанов 21

Центральная Азия: теория дезинтеграции
Фарход Толипов 24

Центральная Азия: теория интеграции
Фарход Толипов 28

Экономика Центральной Азии в ретроспективе: прошлое, настоящее и будущее
Собир Курбанов 32

ЧАСТЬ II
ТРАНСФОРМИРОВАННЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ, ТРАНСФОРМИРУЮЩИЕСЯ ОБЩЕСТВА

К вопросу о формировании и развитии идентичности в Казахстане и Центральной Азии
Валихан Тулешов 36

Кыргызский национализм, проблемы нациестроительства и проект будущего
Анар Мусабаева 39

О нациестроительстве в Казахстане
Айдос Сарым 48

Объекты и субъекты гендерных условностей
Диана Кудайбергенова 53

Один шаг вперед, два шага назад: 25 лет прав женщин Туркменистана
Айнабат Яйлымова 55

«Культурное наследие» Узбекистана и конструирование
«коллективной памяти» в эпоху независимости
Светлана Горшенина 58

Культура Казахстана: In-between story
Александра Цай 62

Все еще постсоветское: вызовы в системе образования в Кыргызстане
Шаирбек Джураев 65

ЧАСТЬ III
НОВЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ СИЛЫ В ДЕЙСТВИИ

Гражданское общество в Кыргызстане: парадоксы развития
Аида Алымбаева 70

Махалла – узбекский прототип гражданского общества?
Санжар Султон 74

25 лет независимости: гражданское общество и государство в Таджикистане
Парвиз Муллоджанов 78

«Мы были немножко беременными…»
Умед Бабаханов 82

Социальные медиа в Центральной Азии
Адиль Нурмаков 84

Возрождение ислама в постсоветской Центральной Азии:
оценивая прошлое, заглядывая в будущее
Алима Бисенова 87

Положение и голоса мигрантов из Центральной Азии в России
Умида Хашимова 90

Диаспоры Центральной Азии в России:
исторический ракурс и современные тренды развития
Парвиз Мухамадиев
Даврон Мухамадиев 93

Узбекская диаспора в США
Дилором Абдуллаева 99

ЧАСТЬ IV:
НОВЫЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ БУДУЩЕГО

Политический ислам в Центральной Азии
по прошествии 25 лет независимости
Галым Жусипбек 102

Евразийское движение в Кыргызстане
Денис Бердаков 109

Этнорелигиозные идентификации казахстанской молодежи
Бахытжамал Бектурганова
Мадина Нургалиева 112

Понимание нелиберальных настроений кыргызской молодежи
Гулжигит Ерматов 117

Долгая трансформация: страны Центральной Азии на пороге перемен
Константин Бондаренко 122

ВВЕДЕНИЕ

Марлен Ларюэль
Директор, Программа Центральной Азии,
Со-директор, Ponars-Eurasia,
Заместитель директора и профессор, IERES
Университет Дж.Вашингтона

С тех пор, как в конце 1991 года центральноазиатские государства обрели независимость в результате распада Советского Союза, изучение региона проводилось преимущественно учеными США и Европы. Российские исследования, потерявшие силу, присущую им в советское время, только сейчас стали набирать новые обороты. Япония начала проводить серьезные исследования региона, но все еще остается слабо задействованной на основных площадках взаимодействия, на которых превалируют англоязычные исследования. Таким образом, Япония пока не влияет на общую картину изучения региона. Китай, Индия, Иран, Турция обладают блестящими экспертами, занятыми в этой сфере, но все они работают индивидуально и пока не создали значительную школу мысли, за исключением, пожалуй, Индии. Более поразительным является отсутствие центральноазиатского голоса на Западе, в частности, в США, если не брать во внимание немногих известных исследователей советской эры. Тем не менее ситуация меняется с быстрым развитием нового поколения международных исследователей, которые не привязывают свою работу к определенным национальным контекстам. Такими исследователями являются представители Запада, проживающие в Центральной Азии, либо представители центральноазиатских государств, работающие на Западе и предпочитающие стиль работы академического «номадизма».

В целях освещения четверти века независимости мы решили предоставить возможность выразиться исключительно представителям рассматриваемого региона. Это возможность высказать свое мнение об основных достижениях и ошибках 25-летнего периода национальной независимости, а также о тех вызовах, с которыми столкнется общество в краткосрочной и долгосрочной перспективах.

Первая часть книги посвящена трем важным элементам 25-летнего периода: процессы интеграции новых государств на международной арене, идеология абсолютизации независимости, обретенной в 1991, как квинтэссенция национального достижения, и во внутренней политике – политический курс отдельных государств, определяемый институтом президентства и страхом плюрализма, который рассматривается как угроза стабильности и государственности как таковой.

Эксперты также рассматривают трудности становления действующей рыночной экономики: экономическое развитие каждой из стран происходило под влиянием выбора институциональной формы (выбор в пользу/против приватизации), а также определялось доступом к сырьевым ресурсам и сырьевой ренте и возможностью развития на этой базе. Позиционирование региона как «хаба» (центра взаимодействия) для крупных игроков и региональных акторов также определяет один из международных статусов Центральной Азии: к лучшему или нет, регион видит себя и рассматривается другими акторами сквозь геополитические линзы. Если в 1990-е годы Центральная Азия находилась в сфере интересов России, США, Турции и Ирана, то сейчас большую роль здесь играет Китай, а также государства ближневосточного региона, Южная Корея и Малайзия.

Центральноазиатские исследователи зачастую с разочарованием отмечают отсутствие регионального сотрудничества и единства. Некоторые из них говорят о дезинтеграции Центральной Азии, другие более оптимистично отмечают появление новых объединяющих тенденций, по крайней мере, в отдельных областях. В частности, они отмечают фактор экономического взаимодополнения. Некоторые эксперты упоминают возрождение определенного чувства тюркского единения среди молодого поколения. В отличие от тюркизма 1990-х, связанного с возможным проектом региональной интеграции, сегодня тюркизм необязательно нацелен непосредственно на региональную интеграцию, а, скорее, рассматривается как проект создания антироссийской идентичности, связанный с идеями государственного национализма.

Вторая часть книги посвящена трансформации идентичности и общества в постсоветский период. Поиск национальной идеологии был важным элементом государственной политики в последние 25 лет прошлого столетия. Национальная идеология должна была не только учитывать этническое многообразие, но, что более важно, неоднозначную историческую память, а порой и конфликтующие точки зрения в отношении понятия «сущности» нации. Поиск национальной идеологии сыграл свою роль в развитии двойного процесса ретрадиционализации и модернизации. Учитывая юный возраст центральноазиатских государств, процесс национального строительства здесь очень плотно связан с

процессом государственного строительства. Сложности в управлении государством и строительстве институтов вызвали критические оценки государственной интерпретации понятия нации. Если развитие «национальной культуры» стало навязчивой целью государственной политики, оно привело к неоднозначным результатам. Оно придало понятию «культуры» статический характер, как историческое наследие или патриархальные традиции, нежели отражение жизни современного общества. Добавьте к этому проблемы системы образования в регионе. Уровень начального образования значительно снизился в результате распада советской системы социального обеспечения, что привело к долгосрочным последствиям, до сих пор неизученным. Несмотря на то, что ситуация с высшим образованием выглядит лучше и это связано с международной системой образования, повсеместная коррупция и низкий уровень академической этики превалируют в этой системе.

Третья часть книги рассматривает новые социальные силы в действии. Основной тенденцией является трудовая миграция. Этот процесс в значительной степени повлиял на социально-экономическую ситуацию в сельской местности, регионах и столицах государств Центральной Азии. Трудовая миграция также значительно повлияла на отношение стран региона – особенно Кыргызстана и Таджикистана – к России, выявив необходимость большей региональной интеграции и свободного передвижения населения. Более того, современная «диаспоризация» центральноазиатского общества простирается за пределы России. Наблюдаются глобализация населения и установление новых связей с Южной Кореей, ОАЭ, Турцией, Европой и Соединенными Штатами Америки. Узбекская диаспора в США является, пожалуй, самым ярким примером этой тенденции. Другие важные социальные изменения происходят в самом центральноазиатском регионе. Развитие гражданского общества в западной, либеральной интерпретации этого термина было ограничено и зачастую воспринималось как импортированный продукт. В то же время наблюдается образование подконтрольных государству гражданских сообществ типа GONGO – так называемые махалля в Узбекистане. Похоже, эта новая тенденция основана на росте традиционного солидарного сообщества, в котором понятие неформальной справедливости основано на размытом понятии канонов ислама и поддерживается гражданским обществом, воодушевленным исламом. Этот процесс сопровождается увеличивающимся влиянием социальных средств массовой информации, не только конкурирующих за влияние с государственной властью, но и создающих новые платформы в профессиональной и непрофессиональной среде социальных отношений. Во всех рассматриваемых изменениях в обществе ислам рассматривается или используется в качестве мерила или системы ценностей, несмотря на то, что ислам подразумевает несколько реальностей и интерпретаций. Ислам не только используется как культурный контекст, но и как двигатель социальной справедливости или слоган, размахиваемый в целях насилия, в особенности во имя «геополитического ислама», как это наблюдается среди воюющих в Сирии выходцев из центральноазиатских республик.

Четвертая часть книги обращается в будущее и изучает новые идеологические тенденции, которые будут определять развитие центральноазиатских государств. Политический плюрализм появится нескоро, за исключением Кыргызстана, но идеологический плюрализм уже в процессе становления в разных слоях общества, особенно среди молодого поколения. Сегодня можно определить несколько тенденций развития и социальных игроков этого процесса. Среди них те, кто призывает к регулированию публичного пространства и общественной морали нормами ислама (как бы они ни интерпретировались – от культурной отсылки до призывов ввести систему права, основанного на шариате). Другая группа игроков поддерживает идеи евразийской цивилизации, в которой Центральная Азия продолжает тесные отношения с Россией и рассматривает себя как часть евроазиатского континента. Есть и такие, кто надеется на центральноазиатское единство, поддерживаемое либо легкой формой пан-тюркской идеологии, либо реалиями внутреннего запроса населения, как на развитие тесных связей между предпринимателями. Есть и те, кто верит в более этнонациональную доктрину, склонную к компромиссу с исламом либо предпочитающую светскую либеральную идеологию. Если рассматривать общую картину, то основная тенденция, охватывающая почти все новые идеологические арсеналы, предполагает рост нелиберальных ценностей: большинство верит в необходимость сильного лидерства, сохранение так называемых «традиционных» культурных ценностей и государственной независимости, определенную осторожность в отношении международного сообщества и институтов и консервативный образ жизни, в особенности в области гендерных вопросов.

Будущее Центральной Азии открыто любым вариантам, и независимо от того, на что рассчитывают авторитарные режимы, находящиеся сейчас у власти, центральноазиатское общество ступило на путь развития и намерено определять свою судьбу в будущем.

ЧАСТЬ I

ИНТЕГРАЦИЯ И ДЕЗИНТЕГРАЦИЯ

25 лет независимости стран Центральной Азии: вызовы из прошлого

Санат Кушкумбаев
политолог, член аналитической платформы «Алматы-клуб» (Казахстан)

Спустя 25 лет после обретения независимости положение Центральной Азии можно охарактеризовать как значимое в региональном плане, но не в глобальном. Учитывая динамику международных процессов, это не заниженная оценка. Мировой опыт показывает, что для регионов и стран с сопоставимым с государствами Центральной Азии потенциалом нахождение в «эпицентре» глобальной (гео)политики зачастую сопряжено с конфликтами, войнами и обостренным соперничеством держав. Яркий пример – Афганистан, Украина, Сирия, Корейский полуостров. Напротив, не «центральное» положение Центральной Азии в мировой политике помогает избегать сложных и острых вопросов международной повестки. Более того, страны региона не имеют масштабных и неразрешимых противоречий, как между собой, так и с внешним окружением, классические угрозы (например, военные) также не являются актуальными.

Хотя после событий 11 сентября 2001 года роль региона возросла, тем не менее, среди некоторых экспертов и политиков была некая переоценка этого. Фактор Афганистана также дает возможность наблюдателям и часто официальным властям стран Центральной Азии повод подчеркнуть свою значимость.

В глобальном контексте нет необходимости преувеличивать значение новых независимых государств: их экономический и политический потенциал в целом вносит свою лепту в международную мозаику. Но в межрегиональной системе координат закономерно роль стран Центральной Азии намного значимее – создается пространство, как для новых возможностей, так и вызовов. Это очевидно в силу ресурсного потенциала и геополитического расположения стран региона. Именно в силу этих причин в начальный период независимости (и нередко сегодня) звучали завышенные оценки роли и значения региона.

Страны Центральной Азии в разных интерпретациях абсолютизируют независимость. Отсюда и преувеличенное восприятие политико-дипломатической стороны этого факта. Безусловно, признание независимости состоялось, но стали ли по настоящему независимыми страны и народы? Ответ на этот вопрос не столь однозначен.

Внутренняя ситуация

Советский Союз исчез, но его политическое, идеологическое, культурное и геоэкономическое наследие все еще довлеет над его бывшими составными частями. Кроме того, носители этого багажа зачастую являются ключевыми фигурами в политических и экономических элитах.

С формальной точки зрения все страны региона имеют атрибуты, характерные для демократических режимов, но структура управления впитала в себя множество советских подходов и больше выглядит как неосоветская модель. Даже приход относительно новых и молодых лиц в сложившуюся деформированную систему не меняет ее сути. Таким образом, власть и собственность остаются у элит, социализировавшихся и впитавших ценности бюрократического и квази-эгалитарного советского общества. Соответственно, неосоветские подходы и установки, парадоксальным образом приобретя национальный колорит, вновь ожили и получили институциональную основу.

Хотя по многим формальным критериям можно видеть смену ориентиров, при этом не произошло глубинного изменения сознания и изменения парадигм. Да, идеология коммунизма сменилась приоритетом независимости, а власть бывших республиканских партийных лидеров стала системой президентского правления, позиции первых секретарей областных комитетов партии трансформировались в должности акимов/хакимов (губернаторов) регионов, верховные советы стали именоваться парламентами (меджлисами, кенешами). Но при этом представительные и судебные институты не стали самостоятельными органами власти, превратившись в имитационный атрибут для формальной легитимации квазисистемы разделения ветвей власти. Кроме того, логика развития подобных политических кон-

струкций требовала контроля и подчинения «четвертой ветви власти» - СМИ, что и произошло с различными вариациями в странах региона.

Политические конструкции в странах региона в большинстве своем персонифицированы и выстроены в соответствии с предпочтениями президентов. Суперпрезидентские политические режимы, возникшие в странах региона, изначально были ориентированы на самосохранение. И в тех вопросах, в которых интересы режимов совпадали с интересами страны, как, например, защита суверенитета, создание баланса интересов в отношениях с внешними игроками и ряд других, происходило их совмещение. При этом деятельность лидеров стран по укреплению суверенитета, часто рутинная, зачастую сакрализовывалась.

Следует отметить, что ряд необходимых реформ, прежде всего в экономической сфере, были осуществлены волевыми усилиями, но их значимость также нередко переоценивается. Часто используемая в политических элитах стран региона формула приоритета экономических реформ перед политическими может быть приемлемой на четко обозначенный небольшой переходный период, но эксплуатация этого тезиса на протяжении 25 лет без конкретного срока является неоправданной.

При отсутствии реальных механизмов общественного контроля, сдержек и противовесов сфера публичной политики сжималась и трансформировалась в кланово-бюрократическую систему отношений, в рамках которой президенты становились верховными арбитрами. Все политико-правовые изменения, связанные с референдумами о продлении полномочий, очередными или досрочными президентскими выборами, постоянными поправками в основной закон, были обусловлены одним – сохранить и усилить президентскую власть. Происходило отождествление понятий «стабильность и безопасность» страны со стабильностью и безопасностью режима, национальных интересов с интересами режима, а критерий лояльности политика или управленца становился важнее принципа компетентности и эффективности.

Снижение функциональности публичных механизмов политики усиливало значение неформальных институтов и связей. Отсюда феномен ретрадиционализации политики, как, например, усиление фактора кланов как естественный и неизбежный результат замены публичной политики борьбой за влияние на первых лиц и за доступ к ресурсам. В этой деформированной системе лояльность режиму и его постоянное подтверждение - единственная возможность для отдельных лиц, групп и/или кланов реализовать свои интересы. Можно варьировать режимы в странах региона по степени авторитарности – от полного табуирования публичности в политике до относительного, но процесс ретрадиционализации политической сферы был характерен для всех.

На этом фоне опыт Кыргызстана стал вызовом для других стран региона. Кыргызское общество после смены власти в 2010 году пытается преодолеть этот тренд, и усиление роли представительных и публичных механизмов в политике дало свои очевидные положительные результаты. Но в условиях, когда смещение одного доминирующего клана в стране заменяется консенсусом нескольких кланов, даже посредством легитимных механизмов, еще не гарантирует скорого оздоровления всего общества.

Вместе с тем, сам кыргызский опыт представляется перспективным. Так как безотносительно того, убеждениями, потребностями или инстинктами руководствуются современные кыргызские политики, публичные механизмы контроля со временем имеют все шансы стать действенными и легитимными инструментами, внедряясь в общественное сознание и становясь неотъемлемой частью общественного договора между властью и обществом.

Очевидно, что рыночная экономика дает значительный эффект при сильных демократических институтах, когда существует функциональная система сдержек и противовесов зачастую неизбежного столкновения частных, групповых и общественных интересов. Механизм гармонизации этих интересов в виде действенной оппозиции, реальной многопартийности, независимых судов и т.д. выражается в поиске постоянного социального консенсуса, достигаемого через политические каналы диалога – представительные органы власти и свободные выборы.

Суперпрезидентские режимы оказались сопряжены с масштабной коррупцией, так как созданные политические конструкции дали близким к властям лицам и группам ключевое преимущество в ходе приватизации, обеспечив контроль над наиболее доходными отраслями экономики. История постсоветской приватизации еще предстоит быть написанной, но уже вполне очевидно, что укрепление президентской власти сопровождалось стремительным расширением контроля над собственностью. Таким образом, власть-собственность стали слившимися понятиями в сформировавшихся политических системах, а тренд усиления президентских полномочий и его переход в суперпрезидентские режимы оказался характерным для всех стран региона.

Еще одним важным трендом в центральноазиатских обществах является усиление роли ислама.

При этом система взаимоотношений государства и религии базируется на неосоветских принципах. Духовные управления мусульман, однотипные в странах Центральной Азии и как институт в советский период, были созданы не столько для взаимодействия светского режима с верующими, а для контроля атеистическим государством религиозной сферы. Иерархическая вертикаль духовных управлений во многом является слепком неосоветской бюрократической модели. Сохранив свои «родовые дефекты», эти структуры зачастую оказываются неотвечающими стремительной динамике процессов в религиозной сфере.

Внешние условия

Внешняя среда во многом благоприятствовала консервации политической ситуации в странах региона. Следует отметить, что страны Центральной Азии не сталкивались с серьезными проблемами с соседними государствами. Часто используемый пример Афганистана выглядит как удобное оправдание для усиления политических режимов в центральноазиатских странах. Россия до начала 2000-х годов была неактивна в регионе, Китай сам был насторожен и опасался за стабильность своей северо-западной периферии и смежных с ней территорий. Не случайно решение пограничных проблем с КНР произошло относительно быстро и взаимоприемлемо. Перед странами региона в первое десятилетие независимости не ставились остро вопросы выбора пути развития или союзничества. Как можно было видеть на примере гражданской войны в Таджикистане, соседние с регионом страны были заинтересованы в стабилизации ситуации.

Первым относительно серьезным тестом стали события после 11 сентября 2001 года. Регион Центральной Азии, конечно, не вышел на первый план мировой политики, но его значимость ощутимо возросла. Военное присутствие США в регионе не могло не усилить интерес и активность России, Китая и Ирана. Тем не менее, страны региона смогли избежать ситуации жесткого выбора во многом и потому, что ключевые внешние игроки имели относительный консенсус, хотя и проявляли взаимную настороженность и недоверие. Поэтому закрытие американских военных объектов в Узбекистане в 2005 году и в Кыргызстане в 2011 году хоть и сопровождалось неприятным для Вашингтона информационным сопровождением, но не стало для США болезненным ходом на мнимой шахматной доске.

При этом страны региона смогли использовать военное присутствие США и НАТО в Афганистане и де-факто продолжать придерживаться многовекторности во внешней политике. Даже после 2011 года из логистических вопросов вывоза военного снаряжения западных стран из Афганистана через так называемую северную распределительную сеть страны Центральной Азии смогли извлечь коммерческие и политические дивиденды.

После 2014 года значение афганского фактора снизилось в мировой политике, особенно на фоне сирийского и украинского кризисов. Соответственно, для Запада значение Центральной Азии уменьшилось. При этом возрос интерес со стороны Китая, России, Ирана и стран Южной Азии.

Россия традиционно продолжает считать регион зоной своих стратегических интересов. Продвижение Евразийского экономического союза (ЕАЭС) стало приоритетным направлением для российской внешней политики. Ожидаемой стала реактивизация КНР в регионе. Анонсированный Пекином масштабный проект «Экономический пояс Шелкового пути», подкрепленный соответствующими финансовыми и экономическими ресурсами, в отличие от абстрактной американской инициативы «Нового Шелкового пути», встретил закономерную заинтересованность в странах Центральной Азии.

Учитывая растущий экономический потенциал КНР, страны региона очень заинтересованы в его использовании и, участвуя в мегапроекте «Один пояс - Один путь», намерены в обозримом будущем решить часть своих инфраструктурных задач и диверсифицировать свои международные связи. В этом контексте это очередной вызов и шанс для стран региона усилить свою субъектность в мире и найти свою оптимальную нишу. Другой вопрос, что растущее экономическое присутствие Китая в регионе предсказуемо усиливает геополитическое влияние Пекина, которое может пересечься с амбициями других крупных внешних игроков.

Нахождение на дистанции от мировой политики имеет свои очевидные преимущества, так как дает шанс странам лучше понимать свои интересы. Зачастую сами страны региона публично переоценивают свою значимость. Очевидно, что в экономическом и геополитическом контексте Центральная Азия далеко не ключевой регион мира. Соответственно, страны региона нуждаются во внешних связях, по крайней мере, не меньше, чем их ближнее и дальнее окружение.

Комбинация внешних и внутрирегиональных факторов дает шанс повысить субъектность стран и региона в целом. Неслучайно в начале независимого пути страны Центральной Азии стремились найти поддержку друг у друга. Были созданы институты и даже организации для углубления межстрановой

кооперации. Тем не менее, несмотря на периодические заявления о необходимости и важности региональной интеграции, страны Центральной Азии не смогли создать действенной региональной организации в силу ряда причин, ключевыми из которых, по нашему мнению, являются непонимание и неготовность нынешнего поколения элит ради достижения стратегических целей идти на компромиссы, в том числе и в вопросах национального суверенитета.

Поэтому находящееся в неактивном состоянии региональное сотрудничество в Центральной Азии также является отражением политических режимов, больше нуждающихся в самосохранении, нежели в решении долгосрочных задач. Тем более что монопольный контроль национальных элит над несколькими сырьевыми экспортными отраслями экономик, как, например, над производством газа, нефти, хлопка, золота, алюминия и другого сырья, в отсутствие реальной конкуренции не является стимулом для углубленной региональной кооперации.

Вместе с тем, учитывая геополитическую ситуацию вокруг Центральной Азии, оптимальным путем видится усиление парадигмы региональной общности, углубление кооперации в противоположность изоляционизму, синхронизация политических и экономических реформ в странах региона. Это позволит дать более адекватные ответы на вызовы геополитического и экономического характера. Нелишним будет напомнить, что страны региона сопоставимы по ряду ключевых параметров и, кооперируясь, усиливая региональную субъектность, тем самым способны укрепить национальные позиции.

Очевидно, в ближайшее десятилетие страны региона столкнутся с ключевыми тестами на независимость и устойчивость, прежде всего с вопросом смены власти, которая все более вероятна до этапа 35-летия независимости. Центральноазиатские общества все более будут нуждаться в прозрачности и подотчетности властей. Сейчас ощутимы признаки того, что новое молодое поколение в странах региона, рожденное в условиях независимости, информационно более открытое, будет не так конформистски настроено по отношению к политической и экономической действительности в сравнении с поздне- и постсоветским поколением.

Таким образом, предстоящее десятилетие будет не менее тревожным, а без масштабных политических и экономических реформ и при попытках консервации существующих условий риски и вызовы только возрастут.

Центральной Азии 25 лет: неопределенность кризиса среднего возраста

Наргис Касенова

Директор Центра центральноазиатских исследований Университета КИМЭП (Казахстан)

Пять центральноазиатских государств были рождены, в целом, в благоприятных условиях. Республики не стремились к независимости, но однажды обретя ее, вступили на путь строительства государственности без особых препятствий. Во внутреннем устройстве унаследованные от Советского Союза институты сохранили государственный порядок, за исключением гражданской войны в Таджикистане в начале 90-х годов. Во внешних отношениях центральноазиатские государства не видели серьезных угроз со стороны соседей. Они сумели на дружественной основе уладить территориальные споры с Китаем и установили взаимовыгодные отношения с Россией. Соединенные Штаты, будучи географически отдаленной, но активно вовлеченной в дела региона супердержавой, поддержали суверенитет государств. Все центральноазиатские страны и их соседи были заинтересованы в стабильности в регионе. В целях обеспечения безопасности и развития региона основные международные доноры оказали поддержку в проведении реформ и строительстве инфраструктуры.

Важным шагом явилось вступление новых независимых центральноазиатских государств в международную систему на условиях либерального мирового порядка. Либеральные демократии, политический Запад играли ведущую роль, предоставив образец развития и установив определенные нормы. Несмотря на то, что центральноазиатские государства не смогли в полной мере внедрить эти нормы, они пытались и перенять, и имитировать либерально-демократические устройства и практики. Они не отрицали демократизацию как окончательную цель, но утверждали, что ход реформ не должен подрывать стабильность. Они не возражали против риторики универсальных человеческих прав и не выдвигали альтернативный набор цен-

ностей (эксцентричное исключение представляет «Рухнама» Туркменбаши). Государства усиливали свои авторитарные защитные механизмы репрессий и кооптации и продолжали формально следовать международным конвенциям и договорам. Это давало определенное пространство для маневра внутренним и внешним проводникам либеральных демократических ценностей.

По прошествии двух десятилетий независимости такое относительно благоприятное положение вещей подходит к концу. Внешние акторы все еще заинтересованы в стабильности региона. Тем не менее правила игры могут измениться. На протяжении двух десятилетий Россия, которая рассматривала постсоветское пространство как «ближнее зарубежье» и «сферу привилегированных интересов», показала, что готова использовать методы «гибридной войны» для самоутверждения и блокирования западной экспансии. Для Запада это отодвинуло дилемму выбора между продвижением ценностей и обеспечением безопасности и экономических интересов, и вывело на первый план вопрос о том, оставлять или не оставлять постсоветское пространство в распоряжении России. Первый вариант преподносится как уважение российских «реальных и законных интересов вдоль ее границ»[1].

Проблема такой «уважительной» позиции заключается в том, что Россия не обладает достаточными ресурсами для обеспечения развития внутри страны, не говоря уже о пространстве за ее пределами. Методы государственного управления устарели и напоминают советы принцу Макиавелли[2], а экономика пребывает в кризисе. Москва развила до совершенства техники манипулирования общественным мнением и развенчивания «врага», но при этом конструктивный потенциал страны остается низким. В Центральной Азии такой уровень управления и нехватка инвестиций представляют как трудности, так и возможности для других игроков, в первую очередь, для Китая с его ресурсами и амбициями (на пути к достижению «китайской мечты»).

Другая проблема состоит в том, что центральноазиатские государства привыкли к независимости и ощущают себя комфортно под крылом принятой «многовекторной» внешней политики, которая балансирует интересы и влияние России с интересами и влиянием других акторов. Правительства этих государств могут с радостью приветствовать ослабление демократической и правозащитной повестки Запада, а также происходящее реформатирование «мягкой силы» в мире на фоне внутренних проблем Запада, но им не понравится ослабление западного вектора их внешней политики.

Если внешняя среда меняется с большой скоростью, то внутреннее развитие происходит медленными темпами. Очевидно, что в области политики, экономики и социальной сферы пять центральноазиатских государств развивались по-разному ввиду различных факторов – начиная от структурных, таких как наличие природных ресурсов и этнодемографический состав населения, до факторов личности политического лидера и его мировосприятия. Политики и эксперты отмечают существующие различия и низкий уровень регионализма. Уровень торговли внутри региона самый низкий в Азии – менее 6% от общего объема торговли[3]. Как таковых центральноазиатских организаций в чистом виде не существует, а региональная идентичность очень слабая.

Тем не менее центральноазиатские государства имеют общее советское прошлое, хотя во всех пяти государствах оно утрачивает свое значение, что приводит как к позитивным, так и негативным результатам. Возобновление отношений с внешним миром, обретение независимости на государственном уровне и значительных свобод на индивидуальном является позитивным результатом. В то же время распад некоторых элементов советского проекта является проблематичным. Как упоминалось, наследие советских институтов способствовало сохранению порядка в государственных органах.

Новые центральноазиатские государства не строились с нуля. Они использовали советскую физическую инфраструктуру (здания, железные дороги, линии электропередач и т. д.), а также полагались на советскую «мягкую инфраструктуру»: государственные институты и систему государственной службы, включая всеобщие и достаточно

1 Leslie H. Gelb, «Russia and America: Toward and New Détente», The National Interest, 9 June 2015, *http://nationalinterest.org/feature/russia-america-toward-new-detente-13077;* По дискуссии о политике Запада в отношении постсоветских государств см. «The Russia Question: Sovereignty and Legitimacy in the Post-Soviet Eurasia», Chatham House, 8 December 2016, *https://www.chathamhouse.org/expert/comment/russia-question-sovereignty-and-legitimacy-post-soviet-eurasia*

2 Alessandro Frigerio and Nargis Kassenova, «Contemporary Security Challenges and Sources of State Resilience», Security and Human Rights, Volume 24, Issue 2, 2013, pp. 123-1356 *http://www.shrblog.org/journal/Central_Asia__Contemporary_Security_Challenges_and_Sources_of_State_Resilience_.html?id=412*

3 Кристин Лагард, директор-распорядитель Международного валютного фонда, «Kazakhstan – Embracing the Next Transformation», речь в Назарбаев Университет, 24 мая 2016 г., https://www.imf.org/en/News/Articles/2015/09/28/04/53/sp052416

однородные системы образования и здравоохранения. После 25 лет независимости эти системы оказались в упадке и стали все больше способствовать неравенству. Получение хорошего образования превратилось в привилегию, а доступ к качественным и своевременным медицинским услугам стало делом везения. Понятие социального лифта почти исчезло, так же, как и система меритократии и тщательная подготовка кадров.

Физическая инфраструктура находится в упадке во всем регионе. В Казахстане, самой крупной экономике в регионе, уровень изношенности производственных мощностей в металлургической промышленности, являющейся экспортоориентированной и, соответственно, привлекательной для инвестиций, достигла 46.5% в 2014 году[4]. Изношенность железнодорожного транспорта в 2013 году составила критические 60%[5]. В менее развитых центральноазиатских странах ситуация еще хуже. Например, в Кыргызстане уровень изношенности железнодорожного транспорта в 2014 году составлял 70%[6].

Упадок советского наследия стал приобретать форму отхода от ценностей просвещения и распространения социального консерватизма в ущерб гендерному равноправию – одному из главных достижений советского проекта. Национальные традиции (в основном сконструированные) почитаются, а нормы морали черпаются из религии. В попытках продвижения вперед государства и общества все больше оглядываются назад, а видения великого будущего, предлагаемые государствами, не вдохновляют.

Все эти тенденции указывают на то, что следующие 10 лет будут более сложными, чем предыдущие два десятилетия. Мы наблюдаем крупные изменения, происходящие во внешнем мире: великие державы становятся менее предсказуемыми, и значительные разногласия между ними в процессе спора могут превратить небольшие страны, как наши, в «яблоко раздора» или «разменную монету». Эта угроза усугубляется внутренней слабостью центральноазиатских государств. Для того чтобы ответить на эти вызовы, Центральная Азия нуждается в дальновидном, умном и упорном лидерстве и элите, способной вести страны региона через турбулентные условия и создавать основу для лучшей жизни их граждан.

Узбекистан – 25 лет независимости

Мирзохид Рахимов

Заведующий отделом «Новой и новейшей истории» Института истории при Национальном Университете Узбекистана

Многие страны мира проходят собственный путь исторических трансформаций, и ключевым аспектом сравнительных исследований является определение особенностей и различий в политике разных стран[7]. В этом смысле современная история Узбекистана, будучи частью новейшей истории цивилизации, тесно переплетена с глобальными и региональными процессами. Объявив государственную независимость, Узбекистан прошел непростой путь становления институциональных основ новой политической системы с юридическим разделением функций и полномочий законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти. Были сформированы Министерство иностранных дел, Министерство внешнеэкономических связей, Таможенный и Налоговый комитеты, другие специализированные ведомства и учреждения. Либерализация политической и социально-экономической жизни республики осуществляется поэтапно, без революционных разрывов, ставя во главу угла обеспечение системной стабильности. Следует особо отметить, что путь развития Узбекистан основывает как на творческом использовании накопленного международного опыта, так и при всестороннем учете национальных особенностей, традиций и культуры[8]. Идет поступательное укре-

4 «Металлургическая отрасль Республики Казахстан. Статистические показатели», Банк развития Казахстана, 2015, *www.kdb.kz/file.php?id_file=5991*

5 Жанат Ромазанов, «Железные дороги. Факты и цифры», National Business, 12 декабря 2016 г., *http://nb.kz/6392/*

6 Марат Мусуралиев, «Проблемы Кыргызстана в сфере электроэнергетики: есть ли выход?», Central Asian Bureau of Analytical Reporting, 19 апреля 2016г., *http://cabar.asia/ru/marat-musuraliev-problemy-kyrgyzstana-v-sfere-elektroenergetiki-est-li-vyhod/*

7 J. Kopstein and M. Lichbach (ed), «Comparative politics. Interests, Identities, and Institutions in a Changing Global Order», Cambridge University Press. 2009

8 Central Asia Today: Countries, Neighbors, and the Region». Peter Lang Publishing House, Frankfurt/Berlin/Bern/Brussels, New York/Oxford/Vienna, 2014

пление гражданского общества, и хотя процесс этот протекает медленно и не без проблем, тем не менее если в начале 1990-х годов в Узбекистане насчитывалось всего несколько десятков НПО, то к началу 2015 года их было уже более 8 тысяч. Имеющий древние корни своеобразный и важный орган местного самоуправления граждан – *махалля* – был возрожден, и к сегодняшнему дню трансформировался в важный институт гражданского общества. В то же время политические партии пусть и медленно, но тоже входят в жизнь узбекистанского общества, становясь неотъемлемой ее частью и играя все более заметную роль в законодательных и исполнительных инициативах.

Что касается экономики, стратегия постепенных преобразований в этой сфере позволила перевести сложившуюся ее структуру от экономики моноукладной к многоукладной, от аграрно-индустриальной – к индустриально-аграрной; от завозной – к экспортно-ориентированной и т.д. Можно сказать, несмотря на вызовы глобализации, республика достаточно активно модернизируется на основе структурной перестройки и диверсификации, и как результат, в течение последних 10 лет ежегодный рост ВВП республики составлял 8 процентов. Как отмечал Первый Президент Узбекистана Ислам Каримов: «Мы добились значительных успехов во многом благодаря тому, что следовали принципу «семь раз отмерь и один раз отрежь»[9]. Изменения в экономической сфере отразились и в структуре общества: появились новые социальные группы, изменилась динамика вертикальной и горизонтальной мобильности населения, особенно молодежи[10].

В области образования, которое объявлено важнейшим компонентом реформ, на основе международного опыта принята национальная система подготовки кадров Узбекистана, открыты филиалы ряда университетов – Великобритании, России, Республики Корея, Сингапур, Италии и др. Ключевой задачей системы образования является подготовка высокообразованных и высококвалифицированных кадров, знающих иностранные языки, владеющих передовыми современными технологиями и т.д. Не менее важно и широкое изучение, сохранение и развитие культурно-исторического наследия, возрождение национальных традиций, языков и культур народов, проживающих в республике. Поддержание межрелигиозного и межнационального согласия в стране – важнейшая задача не только образовательной, но и всей внутренней политики Узбекистана как полиэтнического и поликонфессионального государства.

Заметим, что указанные тенденции в развитии современного Узбекистана получали и получают неоднозначную оценку со стороны международных наблюдателей. Например, Всемирный банк, МВФ, АБР, ЮНЕСКО, Гэллапа (США), Давосский форум и др. дают им в целом положительную оценку, но вместе с тем ряд правозащитных организаций весьма критически, а подчас тенденциозно освещают уровень развития демократии в республике и положение с правами и свободами человека.

В условиях сложных геополитических реалий Узбекистан выработал собственные приоритетные направления внешнеполитической стратегии, охватывающей как двустороннюю, так и многостороннюю дипломатию. Внешнеполитический курс Узбекистана корректировался с учетом трансформаций в современных международных и региональных отношениях, включая обострение вопросов безопасности и стабильности в Центральной Азии. Узбекистан расположен в центре этого важного геополитического региона, в котором проявляются геостратегические интересы ведущих мировых и региональных акторов. Республика установила сбалансированные и прагматичные отношения с Россией, Китаем, США, Евросоюзом, Японией, Республикой Корея, Казахстаном, Индией и многими другими. Следуя путем развития многосторонних отношений, Узбекистан стал членом десятков международных и соучредителем ряда крупных региональных организаций, активно участвует в различных проектах возрождения Великого шелкового пути, стимулирующих экономическое сотрудничество государств ЦА с другими государствами Азии и Европы.

Трудности и вызовы

Достижение Узбекистаном государственной независимости создало условия для свободного развития республики, но вместе с тем это была и огромная ответственность. Будущее зависело от того, способна ли республика реализовать открывшиеся возможности, успешно решать сложнейшие задачи обновления государства и общества. Так, в первые годы независимого развития необходимо было остановить спад экономики, предотвратить опасность возникновения межнациональных конфликтов, подобных Ферганской (1989) и Ошской (1990) траге-

9 Ислам Каримов, «Выступление на первом заседании Законодательной палаты Республики Узбекистан», *http://uza.uz/ru/politics/informatsionnoe-soobshchenie-o-pervom-zasedanii-zakonodateln-12-01-2015*

10 Рахимов М., Махкамова Н. (ред), «Социальная стратификация современного общества Узбекистана в контексте исторических процессов». Коллективная монография, Ташкент, 2014

диям, обеспечить безопасность республики. В этот период первостепенное значение имела выработка самостоятельной стратегии развития государства, а также воля к ее последовательной реализации.

В декабре 1991 года группа радикально настроенных людей овладела зданием исполкома Наманганской области и потребовала объявить Узбекистан «исламским государством», упразднить светские законы и ввести в стране законы шариата. Было очевидно, что исполнение этих требований означало бы сворачивание светского пути развития. Этот инцидент стал, можно сказать, «моментом истины» в определении дальнейшего пути развития Узбекистана, обнаружил пропасть между возрождением религиозных ценностей и использованием религии в деструктивных целях, позволил выработать ясную позицию по выявлению групп религиозных экстремистов и предотвращению актов насилия. Эта позиция актуальна и сегодня, судя по тому хаосу, который охватил ряд стран Ближнего Востока, Африки и СНГ.

На начальном этапе системного обновления в Узбекистане, как и в сопредельных постсоветских государствах, наблюдалась концентрация значительных полномочий в руках Президента. Это было объективно необходимо в условиях сложнейших политических трансформаций, и это было целесообразно, учитывая, что, во-первых, Узбекистан провозгласил создание демократического общества, основанного как на универсальных ценностях, так и на особенностях национальной культуры и исторических традициях. Как справедливо отмечает профессор Л. Руе, патерналистская природа азиатской политической культуры характеризуется зависимостью от авторитета, преодолением открытого конфликта и акцентом на стабильность[11]. Во-вторых, в этом проявлялась закономерная тенденция общественного развития в переходный период. Освобождение от тоталитаризма требовало усилий и постепенности. Однако в последующие годы в Узбекистане наблюдается процесс передачи ряда полномочий Президента, с учетом требований обеспечения системы сдержек и противовесов, исполнительной власти и двухпалатному парламенту.

В экономику Узбекистана за 25 лет были привлечены десятки миллиардов долларов США зарубежных инвестиций на осуществление ряда комплексных экономических и структурных реформ, однако в некоторых направлениях ощущалась нехватка финансовых ресурсов и квалифицированных кадров. Кроме того, мировой финансово-экономический кризис и политическая дестабилизация в некоторых регионах, например на Украине, оказали негативное влияние на внешнеэкономические показатели стран ЦА, в том числе Узбекистана. Учитывая сложные региональные процессы, Первый Президент Ислам Каримов отмечал, что чрезвычайно важно «трезво и самокритично оценивать свое место в сегодняшнем мире и идти в ногу с непрерывно растущими требованиями времени, видеть свою перспективу»[12]. По мнению известного политолога Карла Дойча, среди многих целей, которые частные лица и правительства преследуют, широчайшим, наиболее распространенным и общим является безопасность[13]. Ключевыми вопросами практически для всех новых независимых государств нашего региона были и остаются устойчивость и динамизм политических систем, возникновение и обострение региональных и этнических конфликтов, угрозы международного терроризма, наркотрафика, экономические, социальные и экологические (например Арал) проблемы, которые несут угрозу дестабилизации не только для стран ЦА, но и для планетарной системы в целом.

Будущее

Как выразился Роберт Сох, нет общей модели, которая могла бы объяснить прошлое, настоящее и будущее[14]. Разнообразие происходящих трансформаций на постсоветском пространстве и в мире свидетельствует о неоднозначной динамике межгосударственных, межрегиональных и межцивилизационных отношений, их влияния на развитие отдельных государств и регионов. Для изучения этих сложных процессов, для компаративного анализа параллелей и закономерностей развития обществ и государств необходима твердая основа в виде глубоких исторических знаний. И верно, что взгляд на историю помогает определить альтернативные варианты будущего развития взаимоотношений[15]. Новейшая история Узбекистана, как и любой другой страны мира, – это сравнительно новое направление,

11 L. Rye, «Asian Power and Politics: Cultural Dimensions of Authority», Cambridge, 1985.

12 Ислам Каримов, «Доклад на торжественном собрании, посвящённом 21-й годовщине Конституции Республики Узбекистан», 12 декабря 2013 г., *http://www.press-service.uz/ru/news/4533/*

13 Karl Deutsch, «The analysis of International Relations», Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall, 1988.

14 Robert W. Cox, «On Thinking About Future World Order. In Theories of International Relations», Volume 3, Stephen Chan and Cerwyn Moore (ed), «Approaches to International Relations: Structuralism», SAGE, 2006.

15 Richard E. Neustadt and Ernest R. May, «Thinking in Time: The Uses of History for Decision-Makers», New York, 1986.

и целесообразно, во-первых, выработать междисциплинарные подходы к изучению истории новейшего периода; во-вторых, на основе изучения национальных, региональных и глобальных аспектов системно проанализировать современные процессы как на практическом, так и теоретическом уровнях. Комплексное и всестороннее изучение новейшей истории позволяет прогнозировать развитие стран в среднесрочной и долгосрочной перспективах как на локальном, так и на глобальном уровне. В данном случае изучение современной истории Узбекистана помогает определить контуры развития республики в ближайшие десятилетия, а также приоритеты межгосударственных взаимоотношений в ЦА с учетом региональных и глобальных процессов.

Мировые процессы весьма взаимосвязаны, различные страны могут учиться друг у друга, могут создать свои модели или же заимствовать иностранные, чтобы совершенствовать свои институты. Сравнение позволяет выводить положительные уроки из успешных экспериментов и отрицательные – из неудавшихся[16]. Говоря о перспективах Узбекистана, главное, что мне хотелось бы отметить, это то, что незыблемым останется приоритет сохранения политической и экономической стабильности в стране в сочетании с постепенным расширением и углублением демократических реформ. С этим связана дальнейшая реализация концепции совершенствования законодательной, исполнительной и судебной власти с целью создания эффективной системы сдержек и противовесов ветвей власти, поступательного развития гражданского общества. Здесь также важны задачи дальнейшей диверсификации экономики, расширения частного сектора и привлечения инвестиций, широкое внедрение альтернативной энергетики, например солнечной. Следует ожидать углубления реформ в сфере образования, особенно высшего, появления тенденции к интернационализации университетов и научных институтов, к укреплению университетской автономии и академической свободы. И что касается молодежи – повышения и расширения ее мобильности: вертикальной и горизонтальной, транснациональной. В международных отношениях стоит надеяться на завершение процесса правового оформления линии прохождения межгосударственных границ Узбекистана с Кыргызстаном и Таджикистаном, на запуск ряда новых международных коммуникационных проектов, которые свяжут Узбекистан и ЦА с другими странами и регионами мира. Несмотря на геополитические пертурбации, Узбекистан вместе с другими государствами мира будет стремиться продолжать путь поэтапного развития, включающее обновление всех сфер жизни общества на основе национальных приоритетов и международного опыта. В дальнейшем, возможно, появятся новые элиты, политические и экономические, однако в ближайшее десятилетие могут возникнуть и определенные трудности, вызовы нашей безопасности и стабильности, и их преодоление может потребовать совершенствование и мобилизацию государственной системы, финансовых и человеческих ресурсов.

Региональная среда

Новые государства Центральной Азии встали на путь формирования национальной государственности и стратегии развития. Каждая республика выбрала собственный путь, исходя из конкретной общественно-политической ситуации, историко-культурных особенностей, экономических и политических возможностей. Так, Казахстан достиг определенных результатов в проведении экономических реформ и привлечения зарубежных инвестиций, однако основная их концентрация наблюдается в энергетическом секторе, и здесь важна диверсификация экономики. Кыргызстан форсировал демократические реформы, но вместе с тем обнаружил ряд негативных моментов в функционировании власти как государственной системы управления. После гражданской войны Таджикистан постепенно формирует свою модель развития, однако сталкивается с рядом экономических проблем и вызовов своей безопасности. Туркменистан избрал путь строгого нейтралитета, но в то же время активно участвует в реализации международных энергетических и коммуникационных проектов. В государствах ЦА также есть общие тенденции реформ, например, в сфере высшего образования, где были внедрены система магистратуры и PhD, однако в процессе реализации практически все республики региона сталкиваются с идентичными проблемами, связанными с качеством и уровнем данных нововведений, что требует дальнейшего совершенствования системы подготовки магистрантов и докторов PhD. Говоря в целом о реформах, хотелось привести недавнее высказывание Президента Нурсултана Назарбаева о Казахстане, что «это вопрос выживаемости нации в сложных условиях новой глобальной реальности».[17]

16 J.Kopstein and M.Lichbach, «What is Comparative Politics?» in «Comparative Politics. Interests, Identities, and Institutions in a Changing Global Order», Cambridge University Press, 2009.

17 «Кто хочет принести в Казахстан украинские события, пусть слышат - мы примем самые жестокие меры – Назарбаев», CA-News.org, 6 мая 2016 г., *http://ca-news.org/news:1186583*

В современных сложных международных процессах выживаемость в той или иной форме становится актуальной темой практически для всех стран мира.

Процесс формирования межгосударственных и многосторонних отношений между странами ЦА был достаточно непростым, с успехами и неудачами. Так, республики региона совместно реализовали идею «Центральная Азия – зона, свободная от ядерного оружия», создали Международный фонд спасения Арала, однако, с другой стороны, уровень внутрирегиональной торговли нуждается в расширении, нерешенными остаются вопросы водопользования и некоторых участков межгосударственных границ и др. Объективными факторами интеграции экологической политики государств региона являются общность природно-климатических и географических условий, экологическая проблематика и интересы проживающих здесь народов. К примеру, Казахстан, Туркменистан и Узбекистан сталкиваются с проблемами в обеспечении водой населения и сельхозугодий, а в Таджикистане и Кыргызстане стремительно тают ледники, от которых питаются все крупные реки среднеазиатского региона. Проблемой экологической безопасности также является зона высокой сейсмичности, которая охватывает практически всю территорию ЦА. В связи с чем формирование концепции устойчивого развития нашего региона требует сегодня нового подхода в решении экологических проблем и совместных действий в согласии с принципами международного права.

Республики ЦА пытаются определить свое место и роль в международных процессах, часто непредсказуемых и сложных. Перед ними возникают новые вызовы, наблюдается усиление конкуренции и конфликтности между крупнейшими геополитическими игроками, в том числе из-за наличия в регионе значительных запасов минерально-сырьевых ресурсов. В связи с этим одним из главных факторов обеспечения региональной безопасности и стабильности становится поддержание в ЦА геополитического равновесия, формирование сбалансированной, многоплановой системы стратегического партнерства с ведущими государствами мира и международными организациями.

Существующий комплекс проблем в ЦА требует расширения и углубления всего спектра отношений, включающих, помимо плодотворного политического и экономического сотрудничества, и богатую культурно-гуманитарную составляющую, в том числе творческие и академические связи. Представляется целесообразным, чтобы республики ЦА в целях достижения устойчивости в дву- и многосторонних связях интенсифицировали совместные усилия в реализации совместных интеграционных проектов в ЦА, включая международный и региональный туризм. Страны ЦА обладают богатейшим и уникальным культурным наследием, входящим в сокровищницу мировой цивилизации, и оно указывает на несостоятельность однобоко ориентированных концепций развития Востока или Запада, подтверждая тезис о единстве и взаимосвязи исторических процессов в различных регионах мира. В завершение хотелось бы процитировать слова Солона: «Если мы хотим знать, куда мы направляемся, мы должны знать, что мы хотим». А для этого необходимо расширение диалога, поиск взаимопонимания в решении сложных проблем региона во имя мирного и устойчивого развития всех народов ЦА.

Суверенитету Таджикистана 25 лет: история и перспективы развития

Гузель Майтдинова
Профессор кафедры истории и теории международных отношений Российско-Таджикского (славянского) университета, директор Центра геополитических исследований РТСУ

Становление таджикской государственности: этапы развития и достижения

За последнее столетие центральноазиатский регион претерпел серьезные структурные изменения. Интеграция советских республик в рамках СССР укрепила экономические связи, создала основы для промышленного развития региона, способствовала вестернизации культуры, ускорению трансформационных процессов в традиционных обществах и формированию общей советской идентичности. Конец XX века ознаменовался в Центральной Азии становлением новых государств на постсоветском пространстве. С момента провозглашения своего суверенитета новые государства региона руководствовались принципами Вестфальской системы международных отношений: взаимного признания суверенитета, территориальной целостности, приоритета международного права в межгосударственных отношениях.

9 сентября 1991 года на внеочередной сессии Верховного Совета Таджикистана было принято Постановление «О государственной независимо-

сти Республики Таджикистан». К февралю 1992 года суверенный Таджикистан официально признали 83 государства мира, в том числе все постоянные члены Совета безопасности ООН[18]. Этот период в истории Республики Таджикистан можно обозначить «полосой дипломатического признания». На этом этапе шел процесс интеграции Таджикистана в глобальные и региональные организации – ООН, МВФ, ЕБРР, СБСЕ, СНГ, ДКБ. Становление таджикской государственности происходило в условиях кровопролитной гражданской войны в стране, постепенного разрыва традиционных экономических связей, перехода государства к рыночной экономике и переформатирования государственных структур в новых условиях и системного социально-экономического кризиса. В условиях гражданской войны стране необходимо было решать важнейшие проблемы внутренней и внешней политики. С 1991 года по 1996 год объем реального ВВП Таджикистана сократился почти на 68%. Удельный вес промышленности в отраслевой структуре ВВП республики за 1992–1994 годы сократился на 14,3%, транспорта - на 2,1%. В промышленности объем производства в 1994 году по отношению к 1990 году составил 41,9%[19]. Между тем существенно менялся государственный аппарат и подходы к управлению государством. В этот период происходили перемены в структуре правительства, становление дипломатии нового государства, создание вооруженных сил, переформатирование структур спецслужб. 28 декабря 1993 года впервые в новейшей истории Председателем Верховного Совета Республики Таджикистан Эмомали Рахмоновым были очерчены контуры концепции внешней политики суверенного Таджикистана и обозначены внешнеполитические приоритеты: первый пояс - СНГ; второй пояс - Центральная Азия; третий пояс - Пространство персоязычных государств; четвертый пояс - мусульманские страны Востока; пятый пояс - мировое сообщество[20]. В 1994 году была принята первая Конституция Республики Таджикистан, а с 1995 года стал функционировать Маджлиси Оли – новый парламент Таджикистана. В период становления государственности вновь актуальными стали вопросы урегулирования таджикско-китайской, таджикско-кыргызской, таджикско-узбекской границ, где существовали спорные территории.

После ноябрьской XVI сессии Верховного Совета Республики Таджикистан в 1993 году, когда в районах Каратегинской зоны и Припамирья продолжались боестолкновения, правительство вело крупномасштабную работу по стабилизации политической обстановки внутри республики, возвращению беженцев и вынужденных переселенцев на места постоянного жительства, восстановлению разрушенного хозяйства, подключив к этим процессам мировое сообщество. В ходе межтаджикских переговоров, которые начались 5 апреля 1994 года и завершились 27 июня 1997 года подписанием Общего соглашения об установлении мира и национального согласия в Таджикистане, правительству удалось договориться с оппозицией о временном прекращении огня, об обмене военнопленными и о сближении позиций по многим проблемам[21]. Подписание «Общего соглашения о достижении мира и национального согласия» было одним из важных достижений в истории суверенного Таджикистана, которое привело к созданию в стране определенного политического баланса, к сохранению национального единства и целостности государства. В результате реализации Соглашения 30% членов Объединенной Таджикской оппозиции (ОТО) были включены в государственную политическую систему. С 1997 года начала работу Комиссия по национальному примирению, которая начала реализацию договоренностей по расформированию вооруженных групп оппозиции, ликвидации криминальных бандформирований. Эти процессы заложили основу не только мирному политическому процессу, но и способствовали проведению экономических реформ, и к 2000 году республика обеспечила относительную политическую стабильность в стране. Во второй половине 1990-х годов завершилась трансформация прежних межреспубликанских связей в международные отношения. Новые государства выработали свои внешнеполитические приоритеты, и в центральноазиатском регионе складывается новая подсистема международных отношений. Именно завершение к 1 апреля 2000 года процесса выполнения межтаджикского Соглашения об установлении мира и национального согласия стало началом нового этапа истории суверенного Таджикистана, и это стало важным политическим достижением нового государства. Свидетельством признания мировым сообще-

18 Назаров Т.,Сатторзода А., «Дипломатияи муосири точик», Душанбе, 2006, с.90-92.

19 Дадабаева З., «Республика Таджикистан: некоторые итоги развития за 25 лет независимости», Rescue.org, 3 июня 2016 г., *http://rescue.org.ru/ru/news/analytics/1906-respublika-tadzhikistan-nekotorye-itogi-razvitiya-za-25-let-nezavisimosti-3b1d84*

20 Рахмонов Э., «Независимость Таджикистана и возрождение нации». В 8 т., Душанбе,2006-2010,Т.1, с.156-157.

21 Зарифи Х., «Многовекторная дипломатия Таджикистана», Душанбе, 2010, с.15-16.

ством суверенного Таджикистана в качестве субъекта международных отношений стало принятие по инициативе Республики Таджикистан в декабре 2000 года Генеральной ассамблеей ООН резолюции «Международный год пресной воды - 2003».

Первое десятилетие молодого таджикского государства было этапом формирования и стабилизации политической системы, интеграции в мировое сообщество, осознания своих национальных интересов, решения пограничных проблем, определения геостратегии страны, становления внешней политики и формирования внешнеполитической концепции. В начале второго десятилетия независимости таджикского государства был достигнут определенный подъем в экономике, что послужило в дальнейшем основой для начала структурных реформ: были начаты реструктуризация и приватизация предприятий, реформа аграрной системы, начата реализация коммуникационных проектов, разработана Стратегия развития страны до 2015 года и пр.

Гражданская война в Таджикистане показала необходимость принятия мер по консолидации нации и защите территориальной целостности страны. Национальные интересы Таджикистана сформировались на основе идеи о ведущей роли государства Саманидов в формировании таджикского народа и приобретении таджиками спустя тысячелетие своей государственности. Поэтому проблемы сохранения исторической памяти, традиционной культуры, нравственных ценностей играли важную роль при определении национальных интересов и формировании внутренней и внешней политики Таджикистана. Необходимость сохранения и укрепления национального государства стали жизненно важными интересами государства, учитывая, что существование и сохранение таджикской идентичности возможно только в рамках национального государства. Стало очевидно, что отсутствие системы коммуникаций, сокращение экономических отношений внутри страны, тесных культурных связей между населением разных областей страны, разрыв информационного пространства мешают единению народа и государства. В 2002 году Таджикистан как субъект геополитики в целях реализации своих национальных интересов озвучил свою первую геостратегию: 1) достижение энергетической независимости для обеспечения экономического роста и укрепления информационного пространства; 2) вывод страны из транспортно-коммуникационного тупика для интеграции в геополитическом пространстве и консолидации нации; 3) обеспечение продовольственной безопасности и сокращение бедности. Для достижения этих целей действия Таджикистана во внутренней политике были направлены на сохранение политической стабильности, на экономическое развитие и сокращение бедности населения. Для развития экономики страны стали активно привлекать зарубежные финансовые инвестиции. 24 сентября 2002 года была утверждена первая Концепция внешней политики Республики Таджикистан, в которой были изложены основные внешнеполитические приоритеты государства и механизмы их реализации. В декабре 2002 года Таджикистан впервые озвучил тезис о том, что в своей внешнеполитической деятельности отныне государство будет руководствоваться своими национальными интересами и избирает многовекторную внешнюю политику, которая должна способствовать решению внутристрановых задач и, прежде всего, экономических проблем. В Концепции многовекторной внешней политики Таджикистана подчеркивается, что она опирается на такие принципы, как «демонополизация» внешнеполитических приоритетов, диверсификация связей с зарубежными партнерами, равноудаленность или равноприближенность к глобальным политическим лидерам-странам[22]. В апреле 2003 года в послании Президента РТ Парламенту страны было заявлено, что основой внешней политики Таджикистана является «политика открытых дверей» - готовность к сотрудничеству со всеми субъектами международных отношений на основе соблюдения общепринятых международных норм и принципов[23]. Данный внешнеполитический принцип был продиктован необходимостью сохранения, развития национального государства, а также для выхода из социально-экономического кризиса.

За последние 10 лет в стране реализовано более 90 государственных инвестиционных проектов на общую сумму 12 млрд сомони. В рамках реализации коммуникационной стратегии Таджикистана за годы независимости в транспортной сфере реализовано 45 государственных инвестиционных проектов на более 12 млрд сомони. В этот период сдано в эксплуатацию более 2 тысяч км автомобильных дорог, построено более 190 км железной дороги. Реализуя энергетическую стратегию, Таджикистан осуществил 32 государственных инвестиционных

22 Саидов З., «Актуальные аспекты внешнеполитического механизма и международной деятельности Республики Таджикистан», Душанбе, 2010, с.8-9

23 Рахмонов Э., «Ответственность за будущее нации. Независимость Таджикистана и возрождение нации». В 8 т., Душанбе,2006-2010, Т. 5, с.120.

проекта с привлечением более 12 млрд сомони. За это время были пущены в строй ГЭС «Сангтуда-1», «Памир-1», создано 249 малых гидроэлектростанций, проведены ЛЭП «Юг-Север» в 500 кВ, ЛЭП «Лолазор–Хатлон» в 220 кВ, проведена модернизация Нурекской ГЭС, введен в строй ГЭС «Сантуда -1», «Сангтуда-2», продолжается строительство Рогунской ГЭС. До 2020 года в стране планируется запустить еще 190 малых гидроэлектростанций.

В рамках реализации стратегии продовольственной безопасности в последние 15 лет в сельскохозяйственной отрасли реализовано 42 государственных инвестиционных проекта на сумму более 3,7 млрд сомони. В 2015 году ВВП на душу населения увеличился по отношению к 1990 году почти на 56%, но по-прежнему является низким среди экономик мира. Замедленные темпы развития экономики страны ограничивают рост и создание рабочих мест, что в свою очередь вынуждает мигрировать более 40% трудоспособного населения за рубеж в поисках работы[24].

Таджикистан, несмотря на трудности в экономике, взял курс на индустриализацию страны, планируя к 2030 году стать индустриально-аграрной страной. В ближайшее время в эксплуатацию будут сданы ряд крупных промышленных предприятий: завод по производству цемента, заводы по производству гипсокартона, криолита, фтористого алюминия, сульфатной кислоты в районе Яван, предприятия по производству золота в городе Вахдат, ряд текстильных предприятий в районах Дангара и Фархор, металлургический комбинат в Гиссаре, железнодорожная ветка Вахдат-Яван, вторая очередь ТЭЦ-2 Душанбе. В общей сложности будет сдано в эксплуатацию 161 промышленное предприятие.

За годы независимости Таджикистана шел постепенный процесс снижения бедности населения: если в 1999 году уровень бедности достигал 81%, то к 2015 году уровень бедности в стране составил 31%, что все еще является высоким показателем.

Таким образом, основными достижениями суверенного Таджикистана являются: 1) становление государственности и достижение стабильного политического развития после гражданской войны в стране; 2) создание основ национальной экономики; 3) определение и реализация своих национальных интересов; 4) создание международно-правовых основ внешнеполитического сотрудничества; 5) интеграция в мировое сообщество, укрепление международных позиций в Евразии и стабильные двусторонние отношения с ведущими государствами мира; 6) определение и выработка механизмов реализации своей геостратегии; 7) окончательное разрешение таджикско-китайских пограничных проблем; 8) создание двухпалатного парламента и многопартийной политической системы; 9) возрождение, укрепление роли традиционной культуры в жизни таджикского общества и повышение уровня интеграции в глобальное культурное пространство.

Проблемы становления государственности и основные вызовы национальной безопасности Таджикистана

Наряду с определенными достижениями в становлении таджикской государственности, имеется немало нерешенных проблем. Таджикистан сталкивается с проблемами, характерными и для других государств постсоветской Азии, – они связаны с экономическими, политическими, культурными кризисными факторами. Реализация отдельных экономических реформ носит половинчатый характер, некоторые реформы остались нереализованными, так как были рекомендованы ВБ, МВФ без учета экономической базы страны, качества кадрового потенциала, уровня развития гражданского общества и не были адаптированы к условиям Таджикистана. Из-за финансовых трудностей имеются серьезные упущения в развитии образования, здравоохранения, науки, кинематографа и театрального искусства, которые требуют серьезной государственной поддержки. Ограничивает привлечение высокопрофессиональных молодых кадров для работы в государственных структурах крайне низкий уровень оплаты труда. Требуется реформа пенсионной системы. Все эти факторы мешают реализации национальных интересов и обеспечению национальной безопасности.

Если до 1999 года безопасность в Таджикистане понималась исключительно как прекращение гражданской войны, обеспечение защиты от распространения дестабилизирующего афганского конфликта, то в настоящее время на первый план вышли угрозы терроризма и организованной преступности, политического и религиозного экстремизма, сепаратизма, межэтнических конфликтов, информационных войн, а также незаконного оборота оружия, наркотиков. В настоящее время они представляют собой реальную угрозу стабильности

24 Дадабаева З., «Республика Таджикистан: некоторые итоги развития за 25 лет независимости», Rescue.org, 3 июня 2016 г., *http://rescue.org.ru/ru/news/analytics/1906-respublika-tadzhikistan-nekotorye-itogi-razvitiya-za-25-let-nezavisimosti-3b1d84*

и безопасности не только для Таджикистана, но и всего мирового сообщества. Эти факторы, ныне угрожающие международной и национальной безопасности, носят транснациональный и трансграничный характер. На пути реализации конкретных проектов развития Таджикистана препятствия создают афганский фактор и существующие в регионе этнополитические проблемы. Реализация предлагаемых таджикской стороной проектов (таких как строительство железнодорожной ветки Туркменистан-Афганистан (Мазори Шариф) – Таджикистан, газопровода по данному маршруту, а также ускорение строительства энергетического проекта ЛЭП CASA -1000 и Рогун-Мазори-Шариф-Герат-Мешхед, которые могли бы соединить электрические сети Кыргызстана, Таджикистана, Афганистана и Пакистана) серьезно содействовали бы развитию Северного Афганистана, способствовали укреплению регионального взаимодействия и обеспечению безопасности, однако современная геополитическая динамика Афганистана не способствует эффективной реализации вышеуказанных проектов. Актуальной проблемой для Таджикистана в настоящее время являются существующие этнотерриториальные проблемы Ферганской долины, где остро стоят, наряду с социальными вопросами, и нерешенные пограничные проблемы с Узбекистаном и Кыргызстаном.

Перспективы развития Республики Таджикистан на ближайшие 10 лет

При стабильном развитии государств Центральной Азии в ближайшие 10 лет, при ответственном подходе к кадровой политике и эффективной реализации Национальной стратегии развития до 2030 года Таджикистан с учетом своего потенциала сможет стать индустриально-аграрной страной. Важно, чтобы многопартийная система в Таджикистане играла действенную роль в политической жизни. В стране должна быть усилена роль СМИ и гражданского общества. В Таджикистане должны быть реализованы проекты вторичной индустриализации страны. Этот шаг, способствуя увеличению полной переработки сырья, росту объема производства отечественной конкурентоспособной продукции и усилению экспортного потенциала страны, создаст реальную основу для баланса внешней торговли, обеспечения занятости населения, сокращения миграции трудоспособного населения и решения социальных проблем. Основу модернизационных процессов в Таджикистане будут составлять переход от обеспечения энергетической независимости к эффективному использованию электроэнергии, от выхода из коммуникационного тупика к превращению Таджикистана в транзитную страну и от обеспечения продовольственной безопасности к доступу населения к качественному питанию. Таджикистан будет стремиться во внешней торговле к стимулированию экспорта, развитию экспортоориентированного производства и упрощению процедуры торговли. В этом процессе приоритет будет отдаваться эффективности институционального усиления и развития регионов страны. Считая гидроэнергетические ресурсы национальным достоянием, Таджикистан во взаимодействии с международными партнерами определяет сферу гидроэнергетики как одно из приоритетных направлений сотрудничества. Усилится место и роль Таджикистана в интеграционных организациях СНГ, ОДКБ, ШОС, ОИС и др. Возможно вступление Таджикистана в ЕАЭС. Усилятся тенденции меридиональной интеграции Южной и Центральной Азии и роль Таджикистана как транзитного государства должна усилиться в этом процессе.

Геополитические реалии и основные вызовы безопасности государств Центральной Азии

В настоящее время Центральная Азия является одним из самых динамичных регионов мира. Успешно прошел этап становления новых государств. Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Туркменистан и Таджикистан выбрали свои модели развития с учетом своих геополитических потенциалов. Наложение друг на друга исторических, этнических, конфессиональных, хозяйственных, культурных, административно-территориальных и других факторов обусловили современное геополитическое положение в регионе. Все эти факторы играют существенную роль при реализации национальных интересов новых государств региона. Геополитическая неопределенность в центрально-азиатском регионе усиливается, и на острые внутристрановые проблемы накладываются: непредсказуемость развития социально-политической ситуации, рост коррупции и клановости, отсутствие механизма преемственности власти в государствах постсоветской Азии, усиление давления на светские режимы региона, растущее снижение эффективности управления и ослабление государственных механизмов для реализации национальных интересов и обеспечения национальной безопасности, отсутствие эффективных механизмов социальной мобилизации. В регионе уже существуют отдельные элементы безопасности. В качестве элементов системы региональной безопасности могут рассматриваться инициативы по созданию зоны свободной от ядерного оружия, Совещание по взаи-

модействию и мерам доверия в Азии, Евразийский экономический союз, Организация Договора о коллективной безопасности, Шанхайская организация сотрудничества.

На современном этапе геополитическую ситуацию в постсоветской Азии определяют следующие факторы: сохраняющийся конфликтный потенциал в Афганистане; определенная напряженность в таджикско-узбекских отношениях; латентный конфликтный потенциал Ферганской долины; высокие риски и вызовы, вызванные снижением социально-экономического развития государств региона в условиях кризиса; столкновение интересов ведущих государств мира (в первую очередь влияет на геополитическую ситуацию треугольник - Россия, США и Китай), где в двусторонних отношениях этих акторов идет поиск баланса интересов в регионе; актуализируется теперь, наряду с нетрадиционными угрозами безопасности (периодически обостряются проблемы: водные, этнотерриториальные, пограничные, межэтнические, внутриэтнические-клановые, трайбализма, нерегулируемой миграции, трансграничной торговли, транзита и т.д.), и традиционные военные угрозы (угроза проникновения внешних сил со стороны Афганистана). В Афганистане берут начало маршруты наркотрафика, на территорию соседних государств просачиваются незаконные вооруженные формирования, происходит незаконная миграция, экспортируется фундаменталистская идеология. Основу для активизации регионального сотрудничества создают общие интересы, такие как борьба с террористическими сетями, организованной преступностью и наркоторговлей, а также общая заинтересованность в развитии Афганистана. Сотрудничество ОДКБ-ШОС-ОБСЕ-НАТО в афганском направлении в обеспечении всеобщей безопасности может стать основой формирования трансевразийской системы безопасности. Система безопасности Центральной Азии, включающая ООН, СНГ, ШОС, ЕАЭС, Таможенный Союз, ОДКБ, ОБСЕ, ОИС и др., должна обладать эффективными механизмами обеспечения долговременной региональной стабильности. Важнейшей задачей регионального развития уже в ближайшем будущем является подготовка к созданию зоны свободной торговли в Центральной Азии, включающей, помимо ЕАЭС, также Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан, Афганистан, Иран, Пакистан, Индию.

25 лет независимости Кыргызстана

Талант Султанов
Директор, Центр изучения Шелкового пути, Кыргызстан

Главные успехи независимости

В 2016 году Кыргызстан, как и другие страны бывшего СССР, отмечает 25-летие своей независимости. Этот год является юбилейным для страны также и по другим событиям - и хорошим, и трагичным. Во-первых, в этом году мы отмечаем 1000-летие великого тюркского деятеля Жусупа Баласагына, который жил в городе Баласагын (Токмок), на территории современного Кыргызстана. Во-вторых, на государственном уровне отмечается 100-летие Уркуна, трагических событий 1916 года, повлекших гибель сотен тысяч людей. И в-третьих, в этом году отмечается 90-летие создания Киргизской автономной республики, и 80-летие создания Киргизской ССР. Прошло более 10 лет с даты тюльпановой революции и более 5 лет со дня апрельской революции.

За сравнительно короткий срок независимый Кыргызстан прошел через сложные испытания и оказался в очень уязвимом положении. Поэтому на первом месте в повестке у руководителей страны всегда стояло достижение политической стабильности.

С 2010 года Кыргызстан стал первой и пока единственной страной в регионе с парламентской системой правления. Мало кто верил, что это система продержится. В 2010 году предрекали, что парламентская демократия в условиях Центральной Азии не приживется и через пару лет в стране снова возникнет кризис. Однако успешные парламентские выборы осени 2015 года показали, что Кыргызстан состоялся как демократичная страна, и политическая стабильность была достигнута.

После достижения политической стабильности экономика страны стала показывать хорошие результаты. Среди стран Евразийского экономического союза (ЕЭС) в 2016 году в Кыргызстане отмечен один из наиболее высоких темпов роста ВВП, низкая инфляция и сравнительно невысокая девальвация.

В 2016 году впервые в истории Кыргызстан получил суверенный кредитный рейтинг. Это оценка двух из трех крупнейших независимых рейтинговых компаний Moody's и Standar&Poors.

Стране присвоили рейтинг B2 с прогнозом «стабильный». Это можно назвать историческим событием. Когда крупный инвестор планирует инвестировать деньги в какую-то страну, в какую-то компанию, в первую очередь он обращается к рейтингам, читает отчет о данной стране или компании. Рейтинг состоит из двух компонентов: B-2 показывает, какая ситуация сейчас, и она на одном уровне с Монголией. А Монголия считается в мире одной из прогрессивных, инвестиционно привлекательных стран. Многие государства Евросоюза имеют рейтинг на две-три ступени ниже, чем у нас. Второй компонент - «стабильный» - говорит о прогнозе. Самое главное, эти оценки независимы, никто не может на них повлиять. Это говорит о том, что экономическая ситуация в Кыргызстане далеко не так плоха, как нам кажется, разумеется, в условиях кризиса.

Недавно Европейский Союз предоставил стране статус ВСП+ (Всеобщая система преференций+), которая позволяет поставлять товары на рынки Европы без пошлин. Только 10 стран в мире обладают таким статусом. Для получения подобного статуса страна-претендент должна ратифицировать и применять основополагающие международные конвенции по правам человека и трудовым правам, устойчивому развитию и эффективному государственному управлению.

Кыргызстан по классификации Всемирного Банка больше не является бедной страной. Мы вошли в список стран с уровнем достатка на душу населения немного ниже среднего. Все эти годы после обретения независимости мы входили в список беднейших стран. В 2016 году нам удалось перешагнуть этот порог и перейти в категорию стран со средним достатком.

Достижения Кыргызстана отразились и в мировых рейтингах. Так, например, международная организация Freedom House признает Кыргызстан как одну из самых свободных стран на евразийском континенте. Достижение такого статуса довольно сложная задача, учитывая, что две из пяти республик в Центральной Азии вошли в десятку самых несвободных стран мира, а еще одна из стран региона показала наибольшие в мире темпы ухудшения в данном рейтинге.

Перед нашей страной открываются новые возможности. После многих лет планирования заработал Евразийский экономический союз (ЕЭС), который объединяет пять стран Евразии в единый 180-миллионный рынок

В 2013 году в Назарбаев Университете в Астане, а затем в Бишкеке на Саммите ШОС дан старт концепции Экономического пояса шелкового пути (ЭПШП). Хотя многие считали, что эти две идеи противоречат друг другу, год назад в Москве Президенты Путин и Си Цзиньпин подписали соглашение о сопряжении ЕЭС и ЭПШП. В то же время в Астане Президент Назарбаев объявил о стыковке стратегии «Нурлы Жол» и ЭПШП. Благодаря этим интеграционным проектам и концепциям, Центральная Азия снова становится одним из ключевых регионов мира. Однако перед нашими странами стоят и насущные задачи, которые необходимо решать.

Вызовы 25 лет независимости

С сожалением надо отметить, что в целом «первые два десятилетия независимости оказались временем упущенных возможностей»[25] для страны.

По ряду причин, в том числе объективных, таких как географическая периферийность, коммуникационная изолированность от основных транспортных артерий и отсутствие выхода к морю, а также придаточный и преимущественно сырьевой характер экономики, Кыргызстан не сумел провести кардинальную структурную реформу экономики, диверсифицировать ее с учетом требований времени и полностью преодолеть бедность. Как следствие, республика по-прежнему не нашла своей ниши в глобальном разделении производства, труда и услуг. Это те вопросы, над которыми правительство должно работать в ближайшей перспективе, – не решив их, страна не сможет продвинуться вперед, оставаясь «терра инкогнита» для инвесторов, туристов и просто для другого мира. Пока же перед страной стоит много вызовов. Перечислим главные из них.

Коррупция. Вопрос коррупции все еще остро стоит перед властями Кыргызстана. Если представить, какие объемы денег крутятся в коррупционной составляющей, государство просто не в состоянии выделять подобные суммы на борьбу с этим злом. Но сегодня прикладываются большие усилия, и они приводят к определенным результатам. Постепенно ситуация улучшается, например, *Transparency International* отмечает, что уровень восприятия коррупции в нашей стране падает. В 2014 году Кыргызстан вошел в первую тройку стран, больше всех улучшивших свои позиции в Индексе восприятия коррупции; в 2015 году страна вошла в первую десятку.

Миграция. Больным вопросом является вопрос трудовой миграции. По некоторым подсчетам около

25 Указ Президента КР «Об объявлении 2014 года Годом укрепления государственности».

полумиллиона граждан Кыргызстана работают за рубежом. Это почти 10% всего населения страны. Большой всплеск миграции наблюдался в первые годы независимости. Также граждане Кыргызстана уезжали после политических потрясений, например, после Баткенских событий, после революций 2005 и 2010 годов. Когда устанавливается политическая и экономическая стабильность, динамика трудовой миграции идет на снижение: отмечается значительно меньше желающих выехать за рубеж в поисках работы.

Энергетика. С 2014 года Кыргызстан становится импортером электроэнергии. Несмотря на огромный гидропотенциал, страна генерирует меньше энергии, чем потребляет, что сказывается на экономическом росте. Уже на протяжении нескольких лет местный бизнес испытывает нехватку электрических мощностей. Между тем, согласно международной статистике, стоимость электроэнергии в Кыргызстане является чуть ли не самой низкой в мире – около 1 цента за квтч. Необходимо или вводить новые мощности, использовать альтернативные источники электроэнергии, или останавливать рост потребления электроэнергии. Самым первым шагом, однако, должно быть сокращение потерь. При уровне 15% от общего объема потери в Кыргызстане являются одними из самых высоких в мире.

Политика. Кыргызстану свойственна политическая нестабильность. За 25 лет в стране сменилось 29 премьер-министров, 16 спикеров, 10 раз менялась Конституция. Однако есть и позитивные тренды. Кыргызстан – практически единственная страна в СНГ, где президент добровольно сложил полномочия после истечения срока. И одна из немногих стран мира, где президентом была женщина.

Признавая сложность проблем, с которыми столкнулся народ Кыргызстана в процессе построения и укрепления своей государственности, хочется надеяться, что откровенный диалог, глубокий самоанализ и конструктивная критика действий представителей разных уровней государственной власти позволит превратить предстоящее десятилетие в период реализованных возможностей и крупных побед.

В ближайшие 10 лет …

35 лет независимости в постсоветских реалиях и в условиях усиливающейся глобализации – это небольшой срок для достижения высоких целей. В политическом плане Кыргызстан будет оставаться страной, приверженной идеалам демократии и свободы. Страной будет руководить шестой президент и восьмой созыв парламента.

Необходимо признать, что за этот период государство выступало инструментом риторики, посредством которого осуществлялось управление народом. Однако в истинно демократических обществах государство становится частью внутреннего и личного, для того чтобы народ сам управлял собой. Есть надежда, что мы в скором будущем добьемся подлинно народного суверенитета и начнем формировать новый исторический процесс.

Региональная среда

Региональная среда в регионе остается сложной. Перед всеми странами стоят общие вызовы.

Отсутствие доверия. На первом месте из вызовов стоит низкий уровень сотрудничества и доверия между странами Центральной Азии. Нерешенные вопросы, оставшиеся в наследие после развала СССР, не позволяют поднять уровень сотрудничества на высокий уровень. Это включает вопросы и границ, и воды, и энергетики. Говоря о границах, следует отметить, что из четырех соседей с двумя – Казахстаном и Китаем – этот вопрос полностью решен. В 2017 году произошел существенный прорыв в процессе переговоров между Кыргызстаном и Таджикистаном, и продолжается рабочий процесс между Кыргызстаном и Узбекистаном.

Экстремизм. Проблемы экстремизма становятся все более острыми для Центральной Азии. Все пять республик региона входят в список стран, чьи граждане воюют в рядах ИГИЛ. Наряду с этим, растет радикализация общества внутри стран региона. После развала Союза в умах людей возник вакуум, который за это время был заполнен разным содержимым, к сожалению, не всегда конструктивным. Угроза экстремизма и терроризма - одна из самых опасных идеологий, поразивших сознание некоторой части наших сограждан.

Наркотрафик. В 2013 году, согласно данным ООН, производство опия в Афганистане достигло 6,4 тысячи тонн. Сегодня на долю Афганистана приходится примерно три четверти поставок героина в мире с увеличивающейся долей трафика этих препаратов через государства Центральной Азии: Таджикистан, Узбекистан, Кыргызстан, Туркменистан и Казахстан («северный маршрут»). По оценкам экспертов, «северный маршрут» в основном используется для поставки опиата на рынки Центральной Азии и Российской Федерации. От 14 до 25 процентов производимых в Афганистане наркотиков направляется по северному маршруту в Центральную Азию и Российскую Федерацию. Регион испытывает негативные последствия их транзита через свою территорию. Их трафик способствовал как росту потребления, так и вовлечению в криминаль-

ный наркобизнес определенной части населения.

Изменение климата. Январь 2016 года отмечен как рекордно теплый в мире. А в Центральной Азии в этом месяце отмечено наибольшее потепление – отклонение доходило до 13 градусов, согласно данным сайта climatecentral.org. По прогнозам экспертов, наш регион подвержен наиболее высокому риску изменения климата в будущем. Для Центральной Азии в практическом плане это значит, что проблемы с доступом к воде будут увеличиваться. Потепление климата ведет к таянию ледников и может так оказаться, что в какой-то момент в будущем пресной воды просто перестанет хватать.

Технологическое отставание. Помимо рисков традиционных, существуют и вызовы нетрадиционные. К примеру, хотя в мире и происходит «четвертая индустриальная революция», в нашем регионе это особо не чувствуется. Например, даже по сравнению с Россией и Казахстаном, в республиках региона скорость интернета медленнее, а стоимость выше. В результате, уровень проникновения интернета является очень низким – глобальной сетью пользуется менее половины населения. Между тем, по прогнозам экспертов, через 20 лет новые технологии и роботы могут заменить до 50% рабочих мест в США, 40% в Австралии (60% в сельской местности) и до 35% в Великобритании. Если такая угрожающая статистика стоит перед самыми продвинутыми в технологическом плане странами, что же ожидает такие страны, как наши?

Заключение

За четверть века независимости в Кыргызской Республике, благодаря политике открытости, ориентации на демократические ценности, выросло поколение свободных молодых граждан, владеющих современными знаниями и иностранными языками, и это один из самых очевидных активов страны.

Важно заметить, что доля граждан, выросших свободными и раскрепощенными, растет из года в год, их голоса слышатся громче, увереннее. Это и есть тот заслон - точка невозврата к авторитарному прошлому. Это и является гарантией и условием успеха Кыргызстана в будущем, поскольку мир давно перешел в стадию интеллектуальной конкуренции, где все будет определять человеческий капитал.

Центральная Азия: теория дезинтеграции

Фарход Толипов

Директор негосударственного научного учреждения «Караван знаний», Ташкент, Узбекистан

Введение

В данной краткой статье я пытаюсь рассмотреть проблему, которую условно можно назвать теорией дезинтеграции. Это, конечно, не есть теория в строгом понимании этого термина, а определенный набор теоретических положений, которые служат для раскрытия причин и закономерностей уникального для региона Центральной Азии явления – резкого прерывания успешно начатого в 1991 году интеграционного проекта. Действительно, если мы хотим осмыслить перспективы интеграции в регионе и разработать концептуальные и практические предложения для возобновления этого процесса, нам следовало бы, прежде всего, фундаментально проанализировать, так сказать, движущие силы дезинтеграции.

Спектр теоретических инструментов исследования данной проблематики, как известно, широк – от школ политического реализма, либерализма и марксизма до новомодных подходов в рамках школы конструктивизма. Думается, не только процесс региональной интеграции/дезинтеграции требует критического анализа, но и того же требуют собственно теории, которые мы применяем для этого.

Рассмотрев теорию дезинтеграции, в следующей статье я постараюсь обсудить противоположную теорию – теорию интеграции в Центральной Азии, ибо нельзя дальше продолжать строить региональные отношения государств методом «втыка» без надлежащего теоретического и концептуального обеспечения этого проекта.

Эклектика в теории и политике

Четвертьвековая история становления и развития независимых государств на постсоветском пространстве дает нам серьезный повод подвергнуть ревизии некоторые теоретические положения и постулаты, используемые в исследовании постсоветской действительности. Пять государств Центральной Азии – Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан – за прошедший 25-летний период прошли довольно замысловатый путь, обозначив его пресловутым термином

«переходный период». Однако это был переходный период не только для пяти стран региона, которые были заняты одновременно строительством своей государственности и региона, но и для внерегиональных держав, а также международных организаций, также занятых конструированием этих стран как индивидуальных субъектов и как группу государств, образующих единый регион.

Как при индивидуальном, так и при групповом рассмотрении искомых пяти стран обнаруживается довольно противоречивая реальность: столкновение вызовов современного мира – с одной стороны, и архаического национализма – с другой. Причем как вызовы глобализации, так и архаическое бытие были взяты общественным сознанием и национальными элитами, так сказать, в чистом виде – как идеальные типы и как исторические константы. Что же мы имеем в сухом остатке после 25 лет политологических изысканий и политических зигзагов? Мы имеем эклектическое смешение представлений, понятий, концепций, теорий – причем как устаревших, так и новых. В рамках краткого анализа я остановлюсь только на самых видных, доминирующих подходах к исследованию региона.

Обращает на себя внимание увлечение с первых лет независимости геополитикой в анализе постсоветской трансформации Центральной Азии. Выходит целый ряд работ по геополитике в Центральной Азии в духе классических геополитических школ мысли[26]. Представление и утверждение о геополитическом соперничестве великих держав в данном регионе стало непререкаемым тезисом, мантрой центральноазиатских исследований. Оседание такого представления в научном и политическом сознании отразилось на упражнениях по пресловутому балансированию государств Центральной Азии между великими державами.

Побочным эффектом подобных упражнений стало такое явление, как микрогеополитика малых государств Центральной Азии в их отношениях с исполнителями макрогеополитики, т.е. с великими державами, а также, что более важно, в их взаимоотношениях друг с другом внутри региона[27]. Увлекшись или артикулируя некие преимущества (чаще всего надуманные), предоставляемые им географией, руководства центральноазиатских государств стали обособлять свои территории и народы друг от друга. Каждое из этих государств стало изображать себя в качестве «моста», «перекрестка», «центра», «острова» и т.п[28].

Еще одной школой мысли, пришедшей в подмогу классическим школам, стал конструктивизм с его вниманием к социально обусловленным и субъективным идентичностям, ценностям, индивидуальным представлениям и т.д. Но и конструктивизм, первоначально, казалось бы, нащупав, где «собака зарыта» не смог переломить доминирующие школы мысли политического реализма и либерализма, поскольку поведение государств, которое мы изучаем, мало чем отличается от того поведения, которое давно описано в упоминавшихся выше классических школах. Ведь если конструктивизм берет за основу индивидуальные и социальные (элитные) конструкты, ценности и т.п. вещи, то эти конструкты и ценности должны были вывести нас на некий широкий спектр критической рефлексии, дискурса и, соответственно, действий. Но что мы видим? Дискурс о «национальных интересах», «балансе сил», «большой игре», новой «холодной войне» и т.д., что, собственно, было понятно и объяснимо как объект исследования всегда и без конструктивизма. Последний, по-моему, вряд ли потянет на статус новой более фундаментальной теории, хотя бы потому, что он не упорядочивает наши знания и подходы к предмету, а разлаживает их, якобы указывая на то, что один лидер может принять одно решение, исходя из «своих» взглядов и «идентичности», а другой – другое.

На ум приходит старая советская поговорка: «что бы мы ни строили, а в итоге получается Калашников». Как бы мы ни смешивали теоретические принципы и ни стремились найти новые аспекты и закономерности изучаемого процесса, в итоге чаще всего получается продукт политического реализма (хотя я ему полностью и не привержен).

В результате, многие стали приписывать поведению центральноазиатских государств такие эпитеты, как проамериканская, пророссийская, проевропейская, прокитайская, проиранская внешнеполитические ориентации. Кроме того, многие исследователи региона механистически подошли к проблеме различия политических и экономических систем, которые были созданы за годы независимости в искомых государствах, к различию их интересов в региональных делах. Это нашло свое отражение в проблеме дуализмов, таких, как дуализм

26 См. например: Banuazizi A. and Weiner M., eds., «The New Geopolitics of Central Asia and Its Borderlands», Bloomington: Indiana University Press, 1994

27 Tolipov, F. «Micro-Geopolitics of Central Asia: A Uzbekistan Perspective», Strategic Analysis, Volume 35, Issue 4, July 2011

28 Толипов Ф., «Микро-геополитическая семиотика Центральной Азии: перекрестки и мосты», Центральная Азия и Кавказ, Т.18, Вып.2, 2015.

верховья-низовья рек; дуализм тюрко-персидских народов; дуализм оседло-кочевого образа жизни, дуализм демократии-автократии и др., которые якобы радикально разделяют регион и служат препятствием для его объединения[29].

Но мало кто обращает внимание на то, что собственно интеграционный процесс в Центральной Азии имеет внушительные активы, накопленные за прошедший период, а также на то, что интеграция оказалась искусственно прерванной.

Совместимость государство- и регионостроительства

Это тоже сложный вопрос, относительно которого упрощенные и стереотипные суждения о несовместимости этих двух кажущихся противоположными процессов вряд ли оправданы. В диалектическом подходе (а именно такой подход я предлагаю использовать в нашем анализе) они совместимы не только как единство противоположностей, но и как движение от простого к сложному и как циклический процесс взаимных переходов этих двух процессов на все более высокой степени своего развития.

Многие предрекали молодым центральноазиатским государствам судьбу «failed state». Однако такие «прогнозы» оказались несостоятельными. Все пять государств региона стали полноценными членами международной системы и вносят заметный вклад в формирующийся новый миропорядок. Теперь Центральной Азии предрекают судьбу, если так можно выразиться, «failed region». Указывая на упоминавшиеся выше дуализмы, а также на то, что во всех государствах региона построены различные политические и экономические модели, многие утверждают, что эти государства все больше расходятся в региональных делах и что, следовательно, региональная интеграция в Центральной Азии невозможна.

Должен заметить, что до сих пор еще слабо исследована такая проблема, как тип постсоветских государств, построенных центральноазиатами, особенности политических и экономических систем, степень и особенности региональной взаимозависимости пяти стран. Многие исследования этих стран ограничиваются констатацией видимых на поверхности фактов, с акцентом на противоречия и конфликтный потенциал в их взаимоотношениях, тем самым порождая новые мифы о них.

Приведу один из примеров. Несомненно, судьба регионального сотрудничества и интеграции в решающей степени зависит от двух ключевых государств региона – Казахстана и Узбекистана. Это самые крупные, наиболее развитые в экономическом плане, наиболее сильные в военном отношении и наиболее стабильные в государственном управлении страны Центральной Азии. Казахский и узбекский народы – это два родственных народа.

Однако именно этим двум государствам Центральной Азии и в основном их лидерам приписывают сегодня скрытую борьбу за лидерство в регионе. Об этом пресловутом соперничестве пишут и говорят так много в разных политических и экспертных кругах, что в него почти уверовали в самих этих странах. Внешне кажущиеся очевидными признаки соперничества на самом деле не были никак материализованы в некие политические активы и односторонние преимущества той или иной страны в регионе. Более того, те, кто утверждает о соперничестве, не удосуживаются показать на конкретном примере, в чем же оно выражается, раздувая, тем самым, новый миф о регионе.

Лидерство Казахстана и Узбекистана не состоялось в институциональном смысле, так как эти два государства стремились к пресловутому лидерству ради собственных национальных, а не региональных интересов. Псевдолидерство Казахстана было искажено его, так сказать, эклектической многовекторной внешней политикой и желанием выглядеть лидером не только в Центральной Азии, но и в Евразии, Европе и Азии. А псевдолидерство Узбекистана застопорилось из-за его эгоистического изоляционизма в регионе и идеологически тенденциозной убежденности в самоочевидности своего лидерства. В результате, пожертвовав региональной интеграцией в 2005 году, когда была прекращена деятельность Организации Центрально-Азиатского Сотрудничества (ОЦАС), Астана и Ташкент, по сути, пожертвовали и своим региональным лидерством.

С начала эры независимости государствостроение в Центральной Азии осуществлялось в очевидном контексте регионостроительства. Можно сказать, эти два процесса взаимно дополняли друг друга. Существовала даже не только эйфория независимости и суверенитета, но и сильный оптимизм относительно регионального политического объединения всех государств региона. Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев эмоционально заявлял в апреле 2007 года: «Самым лучшим был бы Союз центральноазиатских государств, в которые я включаю Казахстан и Среднюю Азию... Нам сам Бог велел: 55 млн населения, нет

29 Относительно полный анализ дуализмов представлен в работе группы экспертов «Almaty-Club» «Пять государств и/или один регион? Национально-региональный дуализм в Центральной Азии», Фонд им. Ф. Эберта, Алматы, 2015.

барьера по языку, взаимодополняемая экономика, на одном пространстве, транспортные, энергетические связи. Этот регион может полностью обеспечить себя продовольствием, полностью обеспечить себя энергетикой и так далее. Даже рынок самодостаточный был бы. Спрашивается, чего еще надо?»[30] Оказалось, нужно еще кое-что.

Элитистская дезинтеграция

Именно потому процесс региональных взаимоотношений скатился с интеграционного на дезинтеграционный путь, что он был и остается элитистским по своему характеру. Элитистская составляющая региональных взаимоотношений стала преобладать над народной. Еще в начале эры независимости Первый президент Узбекистана Ислам Каримов в своей книге писал: «Эта интеграция всегда была и остается *народной* по своей сути… Отметим, что интеграция народов Центральной Азии – это не мечта или проект на будущее, *это данность,* это реальность, которая лишь нуждается в *организационных и политических формах»*[31]. *(курсив автора – Ф. Т.)* Однако народная по своей сути интеграция превратилась в элитистскую по своему характеру дезинтеграцию.

В рассматриваемых государствах застопорился процесс демократических реформ. Укрепление режима автократии в странах региона породил (точнее питал и укрепил) класс привилегированной национальной политической элиты как источника и опоры авторитарной власти. Именно этот класс и задействован в таких вещах, как создание национальных идеологий, переписывание национальных историй, сакрализация власти; создание национального капитализма; формулирование национальных интересов; возбуждение межэтнического напряжения; создание образа внешнего врага и т.д. и т.п.

Всякие дискуссии о целесообразности или нецелесообразности присоединения того или иного государства к той или иной международной или региональной структуре велись, а политические решения по этим вопросам принимались в явном отрыве от того, что мы называем народным волеизъявлением. Точно таким же образом было принято решение о прекращении деятельности такой уникальной интеграционной структуры, как ОЦАС. Таким же образом Казахстан и Кыргызстан, так сказать, не демократически вступили в Евразийский Союз. Кстати, замечено, что после остановки деятельности ОЦАС в регионе возрос конфликтогенный потенциал между центральноазиатскими странами.

Резюмируя, хотелось бы внести на обсуждение тезис, что ни «failed state», ни «failed region», а скорее, феномен «failed democracy» является тем ключевым фактором, предопределившим судьбу интеграционного проекта в Центральной Азии. Уместно вспомнить для сравнения, в этой связи, что феноменальный успех европейской интеграции оказался обязанным во многом тому, что европейские страны были демократическими. Интересно сделать такое гипотетическое утверждение, что кризис и дискредитация демократических и либеральных ценностей в последнее время в Европе (в силу гипертрофированной формы их нынешнего воплощения) во многом стали причиной дезинтеграционных тенденций в рамках ЕС.[32] Интересно также заметить, что в свете кризисных явлений и ослабления европейского единства уже раздаются призывы к демократическому реформированию ЕС.

Я считаю, что существует строгая взаимозависимость между процессом интеграции государств и их демократическим политическим развитием. Кроме того, мало исследована проблема экономической взаимозависимости и взаимодополняемости стран Центральной Азии. Большинство работ, в которых поднимается эта тема, ограничивается в основном констатацией различия экономических систем этих стран, малыми масштабами внутрирегиональной торговли и существованием искусственных барьеров для такой торговли. Но этого недостаточно для понимания перспектив экономического сотрудничества в рамках региона, тем более что еще в начале 1990-х уже было провозглашено о создании единого экономического пространства и совместных консорциумов. Все это требует более тщательного рассмотрения.

Заключение

Сегодня мы можем наблюдать множество взаимно переплетающихся вопросов о сущности, характере и направлении развития региональных отношений в Центральной Азии, начиная от

30 Нурсултан Назарбаев: «Если бы я думал только о себе...», Наша Газета, 12 апреля 2007 г., *http://www.ng.kz/modules/newspaper/article.php?numberid=21&storyid=1201*

31 Каримов И.А., «Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, гарантии и условия прогресса». Т.: «Узбекистан», 1997.

32 Этот вопрос требует, разумеется, отдельного обсуждения и анализа. Ограничусь лишь указанием на то, что в Европе наметился кризис либеральных ценностей, который ударил по основам европейского единства. Выход Великобритании из состава ЕС с последующим всплеском общественного недовольства в самой Великобритании таким решением и обострением шотландского сепаратизма в пользу ЕС – это лишь «верхушка айсберга», название которого – кризис либерализма и демократии.

географических пределов понятия Центральная Азия и заканчивая вопросом о взаимозависимости и «взаимонезависимости» для перспектив объединения.

Макро- и микрогеополитика стала серьезным испытанием для государств данного региона, заметно усложнившим процесс нормального развития региональной интеграции. Важно понимать, что при анализе (геополитического) поведения государств Центральной Азии следует не только искать причины и закономерности того или иного поведения этих государств как производной идентичности и (субъективной) воли своих лидеров и политических режимов, но и международные системные и структурные причины и закономерности, вызывающие такое поведение. Проще говоря, Узбекистан или Казахстан или другое государство региона строит свою специфическую региональную и особенно международную политику не исключительно по воле своих президентов, но и потому, что в такое положение их ставят характер формирующегося нового миропорядка, поведение великих держав, а также особенности незавершенной еще геополитической трансформации постсоветского пространства.

Теоретический арсенал центральноазиатских политических исследований также требует совершенствования. Ни политический реализм, ни либерализм, ни конструктивизм не могут пока предоставить лучший метод исследования – здесь нужен, как мне представляется, более диалектический подход к этим исследованиям.

Центральная Азия: теория интеграции

Фарход Толипов

Директор негосударственного научного учреждения «Караван знаний», Ташкент, Узбекистан

«Building Union among people, not cooperation between states»
(Jean Monnet)

Введение

В предыдущей статье «Центральная Азия: теория дезинтеграции» я попытался обсудить вопрос о дефиците строгих теоретических и концептуальных разработок в центральноазиатских исследованиях, которые пока не смогли объяснить достаточно полно ни процесс дезинтеграции, ни процесс интеграции государств данного региона. Предыдущую статью можно было бы даже символически назвать «Вперед к дезинтеграции». А данную можно символически назвать «Назад к интеграции».

Действительно, может показаться странным, что успешно начатый и успешно развивавшийся во всех аспектах вплоть до 2005 года процесс объединения стран Центральной Азии столь внезапно, без насильственных воздействий извне региона и каких-то крупных конфликтов внутри, был прерван. Это был закономерный процесс или искусственный? Актуален ли все еще вопрос о региональной интеграции в Центральной Азии? Как, на какой основе, в какой форме можно восстановить этот интеграционный процесс? Располагаем ли мы достаточным научным инструментарием для анализа всех этих вопросов?

Слишком много интеграций

Не все, что называется интеграцией, есть интеграция. Этим термином обозначают часто обычное многостороннее сотрудничество государств в рамках международных организаций, что приводит к терминологической путанице. Существует ряд определений интеграции, данных различными учеными, исследующими этот феномен. Некоторые из них стали классическими и общепринятыми.

Так, один из основоположников теории интеграции Эрнст Хаас определяет ее как «процесс, при котором политические акторы в нескольких отдельных национальных образованиях решаются передать свою лояльность, ожидания и политическую деятельность новому центру, институты которого обладают или требуют юрисдикцию над предшествовавшими национальными государствами. Конечным результатом процесса политической интеграции является новое политическое сообщество, накладываемое на предшествующие сообщества»[33]. Карл Дойч считал, что она происходит через растущие трансграничные коммуникации и взаимодействия. Кроме того, он ввел в оби-

33 Haas, E.B., «The Uniting Europe: Political, Social and Economic Forces, 1950-7», London: Stevens, 1958.

ход термин «сообщество безопасности», которое образуется в ходе такого взаимодействия.

На постсоветском пространстве появились различные объединения государств, включая само СНГ, однако ни одно из них не соответствует определению интеграции. Что интересно, без преувеличения можно констатировать, что единственным объединением, действительно обладавшим потенциалом для региональной интеграции, было объединение пяти центральноазиатских государств, которое просуществовало с 1990-го до 2005 года. Т.е. оно просуществовало около 15 лет, превзойдя по продолжительности своего функционирования все другие ad-hoc объединения бывших советских республик.

Конструктивизм не способен объяснить произошедший полураспад центральноазиатского объединения при помощи инструментализации таких понятий, как ценности, идентичности, представления (perceptions) и тому подобных надстроечных явлений, поскольку причина кроется в геополитике. Но и политический реализм вместе с либерализмом не обладают всеми картами для фундаментальной дискуссии по этому вопросу, поскольку, несмотря на имеющиеся разногласия (а где их не бывает) по ряду региональных проблем, страны региона одновременно держались вместе в объединении ОЦАС и, тем не менее, сохраняли до последнего свои позиции по этим проблемам, пока собственноручно не пожертвовали ОЦАС.

Остается перейти на новый (а может и старый) уровень более диалектического рассмотрения всего круга вопросов региональных отношений в Центральной Азии. Свой подход я бы обозначил термином «диалектический универсализм»[34]. По большому счету, *любой интеграционный процесс – это диалектическое противодействие и единство центростремительных и центробежных сил.* Игнорирование этой истины часто приводит центральноазиатские исследования либо к умалчиванию факта имевшей место интеграции, либо к искажению причин дезинтеграции.

В результате, по прошествии 25 лет независимости центральноазиатский региональный интеграционный процесс, провозглашенный сразу после распада советского государства, столкнулся с пятью главными проблемами – онтологической, доктринальной, концептуальной, институциональной и политической.

Онтологическая проблема

Кризис центральноазиатских исследований в плане регионализма уже стал порождать сомнения о существовании самого региона, о релевантности даже названия «Центральная Азия». Авторы подобных утверждений даже не замечают, что, выражая свои сомнения относительно региона и интеграции, продолжают писать и специализироваться на Центральной Азии. А то, что регион признан в мире в качестве такового, как отдельная территориальная, историческая и политическая сущность, чаще всего не замечается. «Алматы Клуб» постарался разобраться в этом вопросе и пришел к выводу, что Центральная Азия имеет самостоятельное значение и самоценность. Иногда даже сами центральноазиаты не замечают того, что видят в них внерегиональные державы, а именно: регион как пространство их совместного бытия[35].

Отрицание существования региона мне напоминает басню Крылова «Лисица и виноград».

Доктринальная проблема

Она включает в себя вопросы определения региона; признания исторического совместного проживания народов региона; отказа от деструктивной геополитики и признания новой демократической перспективы; провозглашения приверженности идее регионостроительства. Это, по сути, парадигмальная проблема.

Можно бесконечно твердить о бесперспективности интеграции в Центральной Азии в силу тех или причин, опускать руки перед проблемами и идти по наиболее легкому, и мало к чему обязывающему, пути отрицания единства между странами региона. А можно вести работу, в том числе исследовательскую, на основе более основательной парадигмы. Такой парадигмой может быть признание региона в составе пяти государств и предопределенности их интеграционного развития. Доктрина – это стратегическое заявление на высшем уровне о выборе главного *modus vivendi* и *modus operandi,* следовательно, интеграционная доктрина должна провозгласить, что государства Центральной Азии будут последовательно строить свою внутреннюю, региональную и международную политику в соответствии с целями и ценностями региональной интеграции.

Концептуальные проблемы

Проблема концептуализации означает разработку новых концептуальных решений, касательно модели, масштаба и уровня региональной интеграции. Можно строить концепцию Центральной Азии как самостоятельного региона, развивающегося по своим внутренним законам, а можно встраивать

34 Изложение данного подхода будет дано в другой работе. Здесь я лишь вкратце обозначу важность диалектики и отказ от пост-модернистского критицизма, а также от редукционизма и релятивизма известных основных теорий международных отношений.

35 «Центральноазиатское LEGO: кто конструирует регион?», Работа «Алматы Клуба», *Фонд им. Ф. Эберта,* Алматы, 2016.

Центральную Азию в состав более крупных структур, таких как, например, Евразийский Экономический Союз (ЕЭС).

Можно говорить об открытом регионализме или закрытом. К примеру, известная группа, осуществляющая мониторинг европейской стратегии в Центральной Азии, EUCAM обратила внимание на особый дуализм «внешнего-внутреннего регионализма». Под внешним регионализмом понимается открытый, а под внутренним – закрытый регионализм. В первом случае в региональное сотрудничество вовлекаются прилегающие к Центральной Азии страны, во втором оно ограничено рамками пяти стран[36]. При этом EUCAM верно обращает внимание на то, что при сравнительно небольшом общем населении внутрирегиональное сотрудничество в Центральной Азии имеет небольшой потенциал, если оно не будет частью более широкого трансграничного экономического сотрудничества[37]. Одновременно с этим в докладе EUCAM говорится, что, несмотря на то, что не должно быть преувеличенных или преждевременных надежд на региональное сотрудничество в Центральной Азии, тем не менее, стремление к новой современной центральноазиатской региональной идентичности заслуживает поддержки в надежде, что это естественно приведет к созданию аутентичных нормативных оснований[38].

Как видно из этого анализа и многих других работ по Центральной Азии, Европа, США, Япония и другие великие и крупные державы a priori признают региональную общность в Центральной Азии и даже готовы поддержать строительство единого региона. Астана, Бишкек, Душанбе, Ашгабад и Ташкент должны, очевидно, выйти из замкнутого и узкого круга, внутри которого они поглощены исключительно своим, так сказать, фундаменталистским суверенитетом, и заняться строительством общего региона. Для этого необходимо определиться относительно концепции объединения. Существует ряд концептуальных подходов к данной проблеме, например, федеративная концепция, конфедеративная концепция, кооперативная концепция, концепция содружества. Существует ряд в той или иной мере успешных интеграционных моделей: модель ЕС, модель АСЕАН, модель НАФТА, модель МЕРКОСУР, модель СНГ.

Некоторые считают, что модель АСЕАН наиболее подходит к условиям Центральной Азии. Я думаю, с учетом пройденного пути в деле интеграции и накопленного позитивного опыта нужно с самого начала ставить планку интеграции на высокую отметку и развивать процесс по модели ЕС. Этого требует как быстро меняющаяся окружающая действительность и усиливающаяся международная турбулентность, так и задача реверса центробежных тенденций в регионе, пока, как говорится, не пройдена точка невозврата.

Институциональные проблемы

Институциональная проблема отражает слабость или неадекватность существующих институтов и необходимость создания новых, которые призваны обеспечивать реальный интеграционный процесс. Европейский опыт институционализации интеграции мог бы служить точным ориентиром в этом деле для стран *Центральной Азии. Центральная Азия могла бы учесть этот опыт в своем интеграционном проекте, поскольку ничто (или мало что) в этом опыте не является чуждым центральноазиатским особенностям и нынешним политическим реалиям* (с точки зрения диалектического универсализма). Ни культура, ни религия, ни история, ни география не предоставляют нам убедительных и полных доказательств несовместимости опыта двух регионов в деле объединения. Наоборот, мы можем в этом опыте обнаружить много поучительных аналогий и схожестей.

Вместе с тем есть одно немаловажное отличие двух регионов. Европейская интеграция, очевидно, не была легким процессом, где были и кризисы, и откаты назад, и движение вперед, и большие успехи. При этом, столкнувшись с трудностями в интеграционном взаимодействии друг с другом, они (европейцы) не «опускали руки», не отчаивались и искали новые решения. В случае же Центральной Азии, к сожалению, мы часто наблюдаем больше отчаяния и разочарования в региональном интеграционном взаимодействии перед лицом возникающих трудностей и кризисов. В экспертном сообществе стало модным нынче приписывать неудачи в сотрудничестве искомых стран разным идентичностям, ценностям, представлениям, разным экономическим и политическим моделям и т.д., отвлекая общественное внимание, политический выбор, а также аналитику на постмодернистские упражнения.

А ведь страны Центральной Азии уже имели в своем распоряжении систему основополагающих институтов интеграции, таких как, например,

36 Michael Emerson, Jon Boonstra, et al «Into EurAsia, Monitoring the EU's Central Asia Strategy», CEPS-FRIDE, 22 February 2010, *https://www.ceps.eu/publications/eurasia-%E2%80%93-monitoring-eu%E2%80%99s-central-asia-strategy*

37 Там же, с. 112.

38 Там же, с. 122.

ЦАС-ЦАЭС-ОЦАС, ЦА-парламент, Совет глав государств, Совет глав правительств, Совет министров иностранных дел, Совет министров обороны, договор о Зоне Свободной от Ядерного Оружия (ЗСЯО), Центральноазиатский миротворческий батальон (Центразбат), Фонд спасения Арала, функциональные консорциумы. В моменты обострения террористической угрозы, по крайней мере, три страны, непосредственно подверженные угрозе, создали совместный штаб контр-террористической операции. Как это звучит в одном стихотворении поэта «И что ж теперь, И где все это?».

В этой связи уместно заметить, что попытка переноса региональных проблем на уровень внерегиональных институтов (типа СНГ, ЕврАзЭС, ОДКБ или ШОС), а также институционализации возможного посредничества великой державы в разрешении этих проблем показали свою несостоятельность. Позиция Узбекистана (хотя и не полностью разделяемая соседними государствами), что региональные проблемы в Центральной Азии должны решаться самими странами региона без какого-либо посредничества извне, очевидно, верна, но остается пока на декларативном уровне.

«Ничего не возможно без людей, и ничего не будет устойчивым без институтов»[39]. Итак, институты и еще раз институты – вот, что нужно Центральной Азии.

Политические проблемы

Наконец, политическая проблема отражает дефицит политической воли в странах региона в отношении перспективы регионального объединения, включая мифическую проблему соперничества между странами Центральной Азии за региональное лидерство. Позволю себе гипотетическое утверждение: с одной стороны, руководство рассматриваемых нами государств не востребовало и не получило существенной помощи со стороны экспертного сообщества, ученых и аналитиков в разработке соответствующих политических решений в сфере региональных отношений в рамках центральноазиатского формата, а с другой – само экспертное сообщество в этих странах и не предоставило пока инновационных и концептуальных разработок. Тем временем в сотрудничестве экспертного сообщества и политиков скрыт значительный потенциал для более адекватного и эффективного обращения к такому материалу, как региональные взаимоотношения в Центральной Азии.

Многие исследователи феномена интеграции указывают на важность наращивания привычки совместного обращения к имеющимся региональным проблемам и решения их совместными усилиями. Для описания нюансов этого процесса были введены в обиход такие термины, как функционально-экономическое перетекание (functional-economic spillover), политическое перетекание (political spillover), культивированное перетекание (cultivated spillover). В первом случае (упомянутом выше) увеличиваются в количестве функциональные, отраслевые объединения (по типу Европейского Объединения Угля и Стали), благодаря позитивному влиянию успеха сотрудничества в одной отрасли на сотрудничество в другой. Во втором случае все больше вопросов делегируется и решается на наднациональном политическом уровне (например, как в Комиссии ЕС), что постепенно приводит к эффекту переноса лояльности и ожиданий людей и заинтересованных групп с национальных правительств на наднациональные органы. Наконец, в третьем случае наднациональные органы все больше вовлекают представителей заинтересованных групп в обсуждение и решение общерегиональных проблем; происходит своеобразная кооптация элит и представителей гражданского общества на формальном и неформальном уровне и, таким образом, достигается эффект культивирования большего интереса и активного участия в интеграционном процессе представителей различных слоев общества.

Отсутствие политической воли к усилению интеграционного процесса в государствах Центральной Азии, несомненно, является серьезной проблемой. Но многие останавливаются в своем экспертном самовыражении на этой видимой невооруженным экспертным глазом истине и не идут дальше от описательной позиции в сторону инновационных решений. Ведь даже если крепко держаться скептической позиции в вопросе об интеграции, региональные проблемы никто не может отрицать и их надо решать! Ведь ясно, что нельзя эти проблемы оставлять на произвол судьбы и авторитарных правителей. И я уверен, собственно сам заинтересованный поиск, нахождение и внедрение новых политических решений накопившихся региональных проблем, вызывающих недоверие, напряжения и иногда конфликтные ситуации в отношениях стран Центральной Азии, выведут эти страны на интеграционный путь.

Заключение

В исследовательском творчестве ученых и аналитиков за годы независимости накоплено немало описательных (descriptive) работ по Центральной Азии. Однако меньше объяснительных (explanatory)

39 Цитата Жана Монне: *http://www.azquotes.com/author/36946-Jean_Monnet*

и еще меньше предписательных (prescriptive) работ. Почему важен последний тип работ? Во всех наших диссертациях мы пишем о практической значимости наших исследований. Так вот, настало время эту практическую значимость продемонстрировать.

Государства региона за весь прошедший период с момента обретения независимости показали, что умеют легко ссориться, но меньше всего показали, что могут крепко дружить. Но это все, я считаю, симптомы болезни роста, это все преходяще, диалектический процесс. Надо только вести постоянный поиск новых решений по уменьшению факторов конфликта и усилению факторов объединения.

Когда говорят об отсутствии политической воли в странах Центральной Азии к решению региональных проблем и к интеграции, то видят только одну сторону медали. На политическую волю надо еще и влиять (референдумы, опросы общественного мнения, политические партии, общественная активность). Стоит напомнить, что эта воля, которая, как кажется сегодня, отсутствует, присутствовала с первых дней независимости, вплоть до внезапного и искусственного замораживания ОЦАС.

В конце хотелось бы еще раз вспомнить европейский опыт: один из наиболее выдающихся отцов-основателей европейской интеграции Жан Монэ утверждал, что «в Европе не будет мира, если государства будут вновь возрождаться на основе национального суверенитета, ведущего к политике престижа и экономическому протекционизму. Страны Европы слишком малы, чтобы обеспечить своим народам ту степень благополучия, которая в нынешних условиях будет возможна и необходима. Благосостояние и обязательное социальное развитие немыслимы, если страны Европы не создадут федерацию или «европейскую конфигурацию», которая сформирует их в экономическое единство»[40]. Без сомнения, все эти слова в полной мере можно сказать и по отношению к центральноазиатским странам.

Экономика Центральной Азии в ретроспективе: прошлое, настоящее и будущее

Собир Курбанов
Страновой координатор,
Всемирный Банк, Таджикистан

Ровно четверть века назад, в 1991 году, на политической карте мира появились новые независимые государства в регионе Центральной Азии, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан и Кыргызстан. Произошло это достаточно неожиданно и довольно тривиально. Так называемое Единое Союзное Государство как квазинаследство СССР, за которое республики Центральной Азии держались до конца, развалилось само по себе после так называемого парада суверенитетов во второй половине 1991 года, в ходе которого парламенты республик ЦА объявили себя независимыми государствами. С окончательным распадом СССР в конце 1991 года государства Центральной Азии фактически стали ощущать плоды независимости с 1992 года. Регион, ранее являвшийся ресурсным придатком Москвы, называемый «Средняя Азия», о котором раньше многие практически не знали, громко заявил о себе как полноценное сообщество независимых государств. Однако до сих пор зарубежные партнеры неформально называют страны ЦА так называемыми «stans».

Очевидно, что первые годы независимости поставили множество вызовов и сложностей перед амбициозными элитами новых независимых республик.

В сравнении со странами Балтии, Украиной, Беларусью и даже Кавказом, экономическое наследие независимости обретших суверенитет стран ЦА оказалось, пожалуй, самым незавидным. Дело в том, что в рамках централизованной экономической системы СССР региону было отведено незавидное место сырьевого придатка, при том что 80-90% производимого сырья, в частности хлопка-сырца, фруктов и овощей, металлов и минералов, отправлялось на переработку в центральные регионы России и республики Прибалтики. При этом в качестве компенсации республиканские бюджеты республик Центральной Азии получали т.н. централизованные субвенции и дотации из Москвы в рамках капитальных вложений. Данные капвложения составляли от 60% в бюджете Таджикистана до 20-30% в бюджете Казахстана. Потенциально продуктивные сельское хозяйство и ирригационные системы были полностью сориентированы на про-

40 Цитата Жана Монне: *http://www.azquotes.com/author/36946-Jean_Monnet*

изводство монокультуры хлопка, выгоды от переработки которого на 80% получали крупные текстильные предприятия в Центральной полосе России.

Таким образом, главным вызовами в течение первого этапа экономического развития независимых государств Центральной Азии, который длился с 1991 по 1997-2000 годы, были макроэкономическая и бюджетная стабилизация и восстановление экономической стабильности, создание независимых финансовых, денежных институтов. Спад экономики в первые годы независимости составил от 30% в Казахстане, Узбекистане до 50-60% в Таджикистане и Кыргызстане. Богатые ресурсами нефти, газа и обладающие более развитой промышленной инфраструктурой Узбекистан, Казахстан и Туркменистан легче преодолели данный этап, в то время как беднейшие и обделенные экспортными ресурсами Таджикистан и Кыргызстан испытали сильный экономический шок, который в Таджикистане был усилен гражданской войной, жертвами и огромным ущербом, оцениваемым в сумму до 7 миллиарда долларов США. Последствиями «шоковой терапии», через которую вынуждены были пройти все независимые государства Центральной Азии, стала болезненная реструктуризация, обнищание населения, рост бедности, закрытие множества крупных предприятий и потеря рабочих мест, сокращение бюджетного финансирования и резкий рост цен и инфляции. Тем не менее к концу 1990-х при поддержке международных финансовых институтов, в целом, в странах региона была восстановлена макроэкономическая стабильность, появились национальные валюты и независимые экономические институты как предпосылки для будущего роста.

С начала 2000-х на повестку дня экономической политики правительств Центральной Азии стало проведение серьезных экономических реформ, направленных на переход от сырьевой к более продвинутой модели диверсифицированной экономики. Практически во всех странах были продекларированы амбициозные цели диверсификации, отхода от сырьевой ориентации через переработку собственных сельскохозяйственных и минеральных ресурсов, выход на мировые рынки и развитие конкуренции. Проблема в том, что инструментами данной политики осталась активная политика государственного вмешательства и регулирования, приоритизация отдельных проектов и секторов через т.н. «cherry picking», нарушение норм и правил конкуренции при сохранении высокого уровня коррупции, барьеров для развития частного сектора, непрозрачных и неэффективных институтов.

Узбекистан и Туркменистан, в свою очередь, практически сохранили модель экономики на основе сильного госсектора с упором на импортозамещение и развитие внутреннего производства, особенно на примере автомобилестроения в Узбекистане. Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан предоставили больше свобод частному сектору и приоритезировали развитие экспорта и либерализацию внешней торговли, финансового сектора и регулирования. Пожалуй, самые либеральные экономические реформы были проведены в Кыргызстане, который первым в далеком уже 1999 году вступил в члены ВТО. Тем не менее игнорирование фундаментальных институциональных реформ, старые институты, ведомые старой постсоветской элитой, высокая коррупция и отсутствие прозрачности и подотчетности не позволили как Кыргызстану, так и всем другим странам региона построить новую динамичную модель экономики, основанную на свободной конкуренции, малом и эффективном государственном секторе и развитом частном секторе.

Череда кризисов в 1998, 2008-09 годах и настоящего момента является очевидным индикатором провала попыток изменить сырьевую модель экономики, переориентировав ее на внутренние ресурсы и потенциал. Как только страны сталкиваются с внешними шоками, как то: спад цен на нефтегазовое сырье в случае с богатыми сырьем странами региона или снижение внешних поступлений от трудовой миграции в случае с бедными ресурсами Таджикистаном и Кыргызстаном, происходит немедленный шок внутри экономик. Однако текущий кризис предоставляет уникальную и до сих пор нереализованную возможность наконец провести серьезные структурные реформы в экономике и государственном управлении, снизить высокую коррупцию и создать более инклюзивную равноправную модель, основанную на справедливом распределении ресурсов.

Таким образом, будущее развитие внутренних социально-экономических моделей государств ЦА будет во многом зависеть от того, насколько правительствам региона удастся повернуть существующие серьезные вызовы как внешнего, так и внутреннего характера, в возможности, в первую очередь, создания устойчивой к внешним шокам, конкурентной, разноплановой эффективно регулируемой и свободной внутренней экономики.

Текущий, системный и, в отличие от предыдущих, очевидно долгосрочный кризис подталкивает политические элиты к радикальным решениям, но далеко не факт, выберут ли последние путь трансформаций в сторону инклюзивной модели экономики и либерального регулирования или продолжат политику ужесточения, чтобы пытаться

адаптироваться к внешним шокам, которые, скорее всего, будут только усиливаться, ограничивая экономические свободы и игнорируя реформы институтов и государственного регулирования. На самом деле выбор достаточно прост и очевиден. Он зависит в первую очередь от того, захотят ли на верхах власти поделиться суммой сокращающихся активов и ресурсной ренты с остальной частью населения или будут и далее пытаться получать выгоды от доступа к все более сокращающемуся пирогу экономических и финансовых активов. Первое - это путь, выгодный для всех (win-win solution), так как при увеличении общего пирога выигрывают все. Опыт Грузии периода Михаила Саакашвили – это самый, пожалуй, наглядный пример того, как страна повернула вызовы в возможности. Второе – это так называемый путь в никуда, или, как в «теории игр» называется, – «дилемма заключенного» (prisoner's dilemma).

Маловероятно, что текущие правящие элиты региона, отягощенные наследием, обязательствами и командами прошлого, проявят реальную политическую волю для проведения в жизнь такого рода реформ. Кроме того, в странах региона практически отсутствуют серьезные силы и среда активного гражданского общества, которые могли бы привести к власти новые, более креативные элиты, у которых была бы политическая воля к инклюзивным преобразованиям на основе открытой модели экономики, на основе частного сектора и предсказуемых и единых для всех законов. Реальные преобразования в экономической модели могут начаться только тогда, когда придет наконец осознание полной нежизнеспособности существующей модели развития. Однако данный этап может длиться еще долгие годы и может находиться под воздействием множества внешних факторов, как то: развитие ситуации с безопасностью и стабильностью в регионе Ближнего Востока и Афганистана, уровень оказываемой политической и экономической поддержки со стороны мировых и региональных супердержав.

Безусловно и то, что развитие ситуации как во всем регионе, так и в отдельных экономиках Центральной Азии в ближайшие 10 лет будет находиться под серьезным воздействием внешних факторов и современных тенденций глобализации и информатизации. К последним можно отнести: (1) дальнейший сдвиг геополитических преференций, диверсификация и усиление сотрудничества с регионом Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока; (2) процессы изменения климата и сокращение водных ресурсов во всем регионе; (3) усиление нестабильности на южных рубежах Центральной Азии, особенно в связи со сценариями развития ситуации в Афганистане; (4) усиление роли и мощи Китая в регионе, а также возможное появление новых игроков, включая Индию, Корею, Малайзию и прочие страны; (5) усиление роли региональных финансовых институтов и организаций развития, в числе которых Азиатский инфраструктурный банк, банк стран БРИКС, Исламский банк развития, на фоне ослабления роли и влияния на внутреннюю политику со стороны традиционных международных финансовых институтов, и, наконец, (6) развитие информационных сетей и усиление т.н. «экономик, основанных на знаниях».

В части первых трех пунктов на фоне тенденции диверсификации и выхода на рынки Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока очевидно, что получат новый импульс продвижение и активное строительство дорожных и энергетических проектов. Это могут быть проекты как в рамках коридоров ЦАРЕС АБР, «Нового Шелкового Пути», лоббируемого США и странами Запада для вовлечения Афганистана, и проекта «Великого Экономического Пояса», лоббируемого КНР для экономического развития региона СУАР в Китае с получением доступа к энергетическим ресурсам богатых нефтегазовым сырьем стран Центральной Азии. Немаловажно и то, что страны региона получат возможность экспортировать избыточную электроэнергию на Юг в рамках проектов ТУТАП, финансируемых АБР (Узбекистан и Туркменистан – тепловая энергия), и проекта CASA1000, финансируемого ВБ и прочими донорами (экспорт избыточной летней гидроэлектроэнергии из Кыргызстана и Таджикистана в Пакистан). Однако серьезным фактором риска для реализации обоих проектов будет оставаться ситуация с безопасностью в Афганистане. Несмотря на огромные усилия и многомиллиардные вливания внешней помощи со стороны стран Запада, Афганистан остается крайне фрагментированной и раздробленной страной как политически, этнически, так и экономически. В потенциале страны Центральной Азии могли бы активнее вовлекаться в экономические и культурные связи с Афганистаном. Однако, к сожалению, правительства стран Центральной Азии стараются пока отгораживаться от сотрудничества с Афганистаном из соображений безопасности, даже в таких потенциально взаимовыгодных направлениях, как развитие приграничной торговли, экспорт товаров и услуг в которых Афганистан.

Процессы изменения климата, парниковый эффект, ведущие к повышению среднегодовых температур и сокращению площади ледников в странах верховья, очевидно, будут вести к усугублению про-

блем в региональном водно-энергетическом сотрудничестве между странами верховья (Таджикистан и Кыргызстан) и низовья (Узбекистан, Казахстан и Туркменистан). Учитывая развал Единой Энергетической Системы ЦА в 2009 году, наличие амбициозных проектов стран верховья в части строительства высоких плотин для разрешения энергодефицита и экономических проблем, нельзя исключить возможное обострение взаимоотношений и возникновение локальных конфликтов из-за доступа к воде и контроля над этим ресурсом. Данные конфликты уже происходят в локальном пока масштабе в приграничных регионах. Успех в развитии водно-энергетического сотрудничества в Центральной Азии будет зависеть от того, удастся ли странам региона создать доверительную платформу внутреннего диалога, восстановить единую энергосистему и договориться о четких нормах водозабора, реформировать пока что крайне неэффективную систему ирригации, ведущую к высоким потерям воды, особенно в Узбекистане.

В долгосрочной перспективе не менее важно снижать потери в энергетической системе и внедрять новые энергосберегающие технологии, развивать солнечную энергию и энергию ветра. Данные тенденции будут зависеть от того, как скоро страны региона осознают, что ресурсы нефти и газа, запасы ледников конечны, и нужно развивать альтернативные источники энергетики.

В случае прогресса в части либеральных реформ уникальной возможностью для экономик региона был бы отход от модели крупных мегапроектов, секторов и предприятий, особенно в сырьевых и горнорудных секторах, к модели экономики, основанной на либеральном регулировании, способствующей всестороннему развитию и поддержке частного сектора, различных цепочек добавленной стоимости в агробизнесе, текстиле, туризме, созданию логистических центров и «хабов». Данная модель могла бы в перспективе также вести к снятию региональных барьеров для торговли и инвестиций, особенно неторгового характера, увеличивать привлекательность Центральной Азии для внешних инвесторов, а также способствовать появлению региональных цепочек добавленной стоимости, единых рынков и свободных экономических зон. В этой связи особый интерес представляет перспектива появления свободной региональной экономической зоны в Ферганской долине, где пересекаются множество экономических и транспортных коридоров и имеют место уникальные перспективы для развития эффективных цепочек добавленной стоимости в агробизнесе, туризме и прочих секторах. Это, однако, потребует политической воли правительств вовлеченных государств, которой пока не наблюдается.

В заключение хотелось бы отметить, что странам региона еще предстоит войти в мировой тренд создания «экономики, основанной на знаниях», подразумевающей информационные сети, преимущественное развитие активов знаний, навыков, в отличие от эксплуатации активов природных ресурсов. Т.н. «экономика, основанная на знаниях» потребует от правительств стран региона Центральной Азии крупных усилий в части модернизации системы образования, поддержку сектора ИТ, внедрения принципов электронного правительства, развития инноваций, либерализации рынка информации. Классическим примером успеха данной модели, на котором страны ЦА могли бы учиться, являются Корея, Индия, Малайзия, Вьетнам, Сингапур, Пакистан. Для успеха такой модели правительства и регуляторы должны осознать, что жесткий контроль рынка информации ведет к стагнации развития потенциально крайне эффективной модели электронной экономики и электронного правительства и не дает возможности получать выгоды от нее, соответственно.

Часть II

ТРАНСФОРМИРОВАННЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ, ТРАНСФОРМИРУЮЩИЕСЯ ОБЩЕСТВА

К вопросу о формировании и развитии идентичности в Казахстане и Центральной Азии

Валихан Тулешов

Директор Института регионального развития Almaty Management University (ALMAU), Казахстан

Появление 25 лет назад вместо Средней Азии как географической части Советского Союза, где проживали представители автохтонных тюркских и других переселенных и депортированных народностей, нового региона – Центральной Азии – как отдельного геополитического региона ознаменовало формирование новых независимых государств, этносы которых обрели возможность стать полноценными современными нациями.

Признание мировым сообществом независимости новообразованных государств Центральной Азии, поддержка спонсорами и инвесторами политико-экономических проектов новых национальных элит, которые оформили свой статус-кво через незрелые, порой просто рейдерские, формы приватизации и общественного договора, оказались для новых независимых государств Центральной Азии внешними и неосознанными до конца факторами их легитимации в мировом политическом процессе, характерными признаками которого стали коррупционные скандалы и продажа национальных интересов. Но защищенные собственным законодательством, больше похожим на индульгенцию, политические элиты сосредоточились на реализации собственных меркантильных целей, стали подменять гипертрофированным феноменом собственной значимости национальные цели. Идеалы, принципы, стандарты развитых сообществ, как и подлинно национальные доктрины, были подменены эрзацами, демократия заменена видимостью, перспективные национальные проекты по развитию государственного языка, истории и культуры народа стали декоративными.

«Перешагнувшие» в советское время «из феодализма в социализм, минуя капитализм» народы Центральной Азии не могли самостоятельно обзавестись тем колоссальным опытом социально-экономической жизни, который в западных странах начался задолго до Великой Французской революции, ознаменовавшей переход к новой политико-правовой системе на основе рыночно-капиталистических отношений. Более того, то, что капиталистическая форма общественного развития, получившая после Реформации христианства новую систему международных отношений, основанную на суверенитете национальных государств (Вестфальская система), сделала этот грандиозный опыт фундаментальной основой дальнейшего прогресса, также осталось за границами интереса этнического сознания народов Центральной Азии на этапе обретения и становления их политической независимости.

Поэтому и независимость, доставшаяся в наследство от развала СССР, этносами Центральной Азии, по сути, оказалась невыстраданной.

Процесс государственного и национального строительства стал набирать обороты, зачастую игнорируя глобальные тренды социально-экономического прогресса, где государства, каждое по своему, стали эмпирически определять свои национальные интересы. Поэтому до полного и функционально мощного государственного национализма как философии и мировоззрения нации, естественноисторически достигнувшего уровня развитого либерального самосознания, остается очень далеко. Ограниченный суверенитет, политическая и экономическая зависимость, информационная и военная подконтрольность, сохранившиеся в менее масштабных и фундаментальных формах со времени доминирования метрополии, до сих пор не сподвигли гражданские сообщества к реформации национального религиозного чувства, активизации экономической субъектности и конкурентоспособности, становлению новой политико-правовой системы, соответствующей экономическим способностям капиталистического уклада жизни.

Капитализм и демократия как реальности новейшего времени для государств ЦА остались в главном непостижимыми.

В целом, ухватившись за авторитарный способ управления общественной жизнью в процессе

перехода от тоталитаризма к демократии, новые центральноазиатские нации не преодолели барьер культурно-цивилизационного выбора. И редкие призывы к становлению на европейский путь государственно-национального строительства, в целом, остаются неуслышанными. То есть ни государства в Центральной Азии не стали убежищем для своих нарождающихся наций, ни нации не стали выразителями воли государств. Поэтому процесс государственного и национального строительства в этих странах можно охарактеризовать как авторитарный, основанный на патернализме власти над обществом, а саму систему управления - как рыночно ориентированный авторитаризм (В.Гавел).

Все это имеет большое значение для вопроса об идентичности людей в государствах ЦА.

Все привыкли считать, что идентичность - это принадлежность к этнической группе, что это групповое определение, понятие. Однако если на это посмотреть с личностной точки зрения, а следовательно, нравственно, то это скорее личностное понятие, поскольку из выбора людей как личностей формируется группа. И тем более, идентичность - не этническое понятие, а полисоциокультурное или цивилизационное понятие, поскольку общая метафизическая платформа сознания людей в государстве, например, в Казахстане, по определению должна являться общенациональной казахской (или национальной казахстанской) идентичностью.

Идентичность личности в государстве, или гражданская идентичность, - это такое единство в многообразии (этническом, культурном), которое делает всех людей представителями одной национальной судьбы и общей длительной исторической перспективы, когда все вокруг становится мировоззренчески и ментально общими феноменами. В Казахстане, в отличие от Узбекистана, где коренное население значительно преобладает над некоренным и люди также отчуждены от власти, например, в меньшей степени наблюдается единый выбор судьбы и люди многократно исторически разделены по другим мировоззренческим и культурным основаниям.

Во-первых, отсутствие строгого институциализма в демократической системе, засилье исполнительной ветви власти, невыполнение судом функций гарантии конституционных прав и свобод - самые главные препятствия на пути развития форм новой гражданско-правовой идентичности. Они существенно искажают ориентиры и цели модернизации идентификационных параметров экономики, социальной сферы и политики, растягивают их на неопределенное время. Институциональная слабость и неорганизованность государства ведет к ослаблению функциональной силы модернизационных процессов, дезинтегрирует общество даже по формальным признакам.

Во-вторых, мультикультурализм проявляется практически во всех основных сферах общественной жизни. Как неструктурированное отношение к современности, эклектика и пестрота идентификаций постоянно разрушают подлинно национальные основания, складывающееся отношение к истории, к государственному языку, к доминирующей на подсознательном уровне культуре. Единственным количественным показателем роста унитаризма остается показатель меняющегося национального состава в стране, где преобладание казахов достигло уровня в 65%. Однако и здесь мультикультурная политика делает государственнообразующий этнос заложником предшествующей истории, когда казахи были лишь частью искусственно формируемой исторической общности - советского народа. Иными словами, советские и постсоветские идеологические тренды до сих пор сильно мешают становлению и развитию национальной идентичности, формированию подлинного национального патриотизма и национального социального капитала, который и является в современное время основным показателем сплоченности нации, единства духовных и практических оснований общественной и личной жизни.

В-третьих, учитывая геополитическое окружение, когда после развала СССР Россия сначала бессознательно, а теперь осознанно («Русский мир») в Украине предприняла силовые способы сохранения социально-политического господства и российско-православного цивилизационного кода над постсоветским пространством, давление данного внешнеполитического фактора будет долгое время определяющим для формирования в регионе Центральной Азии и особенно в Казахстане общей для людей разных национальностей цивилизационно-культурной идентичности.

Поэтому изначально ценностный формат, общие ценности будут пробивать себе дорогу через формирование в каждой из стран региона глубокой приверженности собственной национальной истории и культуре, тех моделей культуры, которые прежде функционировали на основе кровнородственных отношений и этических кодексов поведения, объединявших их ранее в тюркский этнос. Этот процесс можно будет назвать, с одной стороны, ретрадиционализацией, когда будут восстановлены во всей полноте культурные традиции народов. Тем не менее, при этом, традиционная идентичность казахов, кыргызов, узбеков, туркмен и таджиков, поддерживаемая традицион-

ным авторитарным способом управления, должна быть существенным образом модернизирована инновациями политико-правового и социально-экономического характера, раскрепощающими и освобождающими людей от сугубо традиционных и зачастую архаичных способов реализации единства и наделяющими их правами и свободами, характерными для модернистских и постмодернистских обществ. И данный же процесс, с другой стороны, можно будет назвать модернизацией, когда инновации во всех сферах жизни и, прежде всего, в культурной сфере начнут преобладать над традициями. Эти изменения в моделях культуры и глубокие реформы, к примеру, подобно тем, которые были начаты реставрацией Мэйдзи и закончены после поражения Японии во Второй Мировой войне, должны сформировать современные нации в центральноазиатском регионе, вписанном таким образом в общечеловеческий, культурно-исторический и мировой политический контекст. И хотя предстоит пройти все этапы развития свободного рынка и переболеть соответствующими этим этапам ксенофобскими болячками, реформировать религиозное чувство и развить философию нации, без этого будет невозможным обретение подлинной национальной свободы, где каждому члену общества предстоит ежедневно участвовать в тех или иных видах национальных плебисцитов.

Конечно, надо помнить, что обратной стороной, результатом развития идентичности, ее наглядным выражением всегда становятся интеграционные характеристики, функциональные способности и возможности сотрудничества, будь то этнос или отдельная личность. Этнос как субъект развивающейся идентичности проявляет готовность включения в более широкую культурно-цивилизационную группу наций, а индивид - в более широкую социальную группу или общественную среду, если ширящаяся и углубляющаяся система прав и свобод личности в государстве будет увеличивать возможности социальной, экономической и политической интеграции граждан в государстве. Если процессы спонтанной социализации и солидарности, набирая обороты, будут вести каждого в отдельности человека дальше по общим расширяющимся дорожкам общественной и личной свободы. Точно так же в международных отношениях идентичность может проявляться в интеграционных объединениях, и если Казахстан, например, состоит не только в ЕАЭС, то это наилучший показатель его идентификационных характеристик, которые надо научиться правильно интерпретировать. Что бы ни говорили противники ЕАЭС, по всей видимости, большинство простых граждан государства не видят в членстве Казахстана в ЕАЭС ничего плохого, хотя истинные цели вхождения Казахстана в ЕАЭС лежат за пределами бытового понимания.

ЕАЭС держится на прагматизме авторитарных элит, и это то главное, что задает регулятивно-ограничительный формат для идентификационно-интегративных процессов. Ведь все за 25 с небольшим лет увидели, что без «умного», «хитрого» прагматизма, без расставания «с сохранением достоинства и уважения к прошлому» государства постсоветского пространства превращаются в место столкновения геополитических интересов, а их территории становятся регионами длительных конфликтов и нестабильности. Войны, которые уносят жизнь простых людей, как раз и являются результатом простого факта: политика есть концентрированное выражение экономики, а война есть продолжение политики насильственными средствами. Таким образом, определяющим фактором создания ЕАЭС, как и в случае с созданием ЕС, стала «боязнь конфликтов» на постсоветском пространстве, которая текущим эволюционным порядком предопределила именно тот способ, те формы и направления интеграции, которые, в конечном счете, имеются в наличии. Это квазимежгосударственное объединение, в сущности, стало временной переходной формой дальнейшей мирной и спокойной дезинтеграции постсоветского пространства, оно есть способ дальнейшего расхождения, независимо от того, какие результаты оно показывало с самого начала. Интеграция, по сути, не задалась (она осуществлялась под давлением), хотя в явлении она сыграла свою формальную, внешне объединительную роль, поскольку ни сами элиты наших стран, ни население не имело опыта длительной капиталистической эволюции, общества не привыкли работать так, как к этому приучает длительное развитие капитализма. И то, к чему ведет нынешняя постсоветская интеграция, - это лишь временная политическая кооперация неконкурентоспособных экономик и обществ, которые лишь хотят стать конкурентоспособными, но не могут себе позволить сделать это по-настоящему. Это, в конечном счете, говорит о том, что ЕАЭС является идеологическим продуктом концепции доминирования в Евразии - концепции «русского мира», то есть своего рода виртуальной реальностью в потустороннем мире. Данное зазеркалье опасно тем, что, не сделав перехода на политические, правовые, экономические и социальные стандарты передовых стран, из него не выберешься никогда. Хорошо, что в Казахстане начали понимать это раньше, чем некоторые другие страны постсоветского пространства.

Известный финансист и филантроп Джордж Сорос подтверждает такое мнение: «Это очень инте-

ресный вопрос, на который нет простого ответа. Иными словами, это не просто постсоветские страны – они другие. И больше всего обособиться от России удалось, как ни странно, Казахстану. Назарбаев был всегда немного более просвещенным, чем другие, в прежние времена. Несмотря на то, что он уже очень долго у власти и допустил множество ошибок, в стране появился образованный средний класс, получивший образование, в том числе и за границей. И даже в государственном университете… имеются более высокие стандарты, чем в других университетах в этом регионе. Там много преподавателей из-за границы. Режим заключил очень важное соглашение о сотрудничестве с ОЭСР. Они пытаются привлечь иностранный капитал для того, чтобы выйти на рынок России. Казахстан прилагает большие усилия, чтобы обособиться от России, и я бы сказал, что именно Казахстан — наиболее развитая и независимая из этих стран».

Поэтому в ближайшие 10 лет будущее центральноазиатской или казахстанской идентичности, таким образом, будет выглядеть в целом как обнадеживающее, поскольку государства Центральной Азии – каждое по своему и в частности на примере Казахстана – научились преодолевать геополитическое давление бывшей метрополии и обрели мировоззренческое единство в понимании того, что такое преодоление не должно носить характер противостояния с наследницей бывшей советской империи - Россией. Это единство, как и рост тюркского населения в данном регионе, конечно, будет определяющим фактором и для формирования еще одной цивилизационной идентификации по общему культурному основанию - общему происхождению тюркских этносов новых государств. Единая по моделям культура, прошлая и настоящая история, родственные языки и примерно близкие социально-экономические и политико-правовые системы государств ЦА сделают этот процесс более концентрированным, где политическим результатом развития тюркской культурной идентификационной составляющей станет центростремительные импульсы к созданию, прежде всего, центральноазиатской региональной интеграционной структуры.

С вопросом об общетюркской суперэтнической интеграционной структуре, по всей видимости, будет повременено, ибо, не решив частный вопрос о центральноазиатской регионально-этнической интеграционной структуре, решить в дальнейшем вопрос об общетюркской интеграционной структуре будет невозможно. Ведь настоящая идентификация и интеграция начинается с самых простых шагов и движется к более сложным, от абстрактного, бедного и функционально слабого состояния к конкретному, богатому и функционально мощному состоянию.

Наконец, в центре идентификационных/интеграционных процессов будут лежать, прежде всего, внутринациональные факторы сплочения на новой цивилизационно-правовой и культурной основе — реформы, которые будут изменять облик стран, делать его не просто привлекательным, примерным для других государств региона, но, по сути и прежде всего, «для себя» развитым и конкурентоспособным. Только так, перефразируя Барака Обаму, можно сохранить и развить как собственную национальную идентичность, так и преимущества грядущей настоящей свободной интеграции.

Кыргызский национализм, проблемы нациестроительства и проект будущего

Анар Мусабаева
Независимый исследователь, Кыргызстан

Контекст

Национализм – тема весьма сложная, прежде всего, потому что существуют разные подходы к тому, как определять нацию, этнос, национальность, государство, и собственно термин «национализм» В основе данной статьи – попытка рассмотреть особенности процессов самоидентификации во взаимосвязи с процессами государственного и нациестроительства в Кыргызстане.

К большому сожалению, обсуждение на экспертном уровне проблем национализма, строительства нации и государства в Кыргызстане на протяжении всего транзитного периода шло достаточно вяло и спорадически. Кыргызстан не может похвастаться серьезными научными исследованиями в этой сфере. Если сравнивать в этом контексте дискуссионное пространство Кыргызстана с таковыми в соседних странах, заметно наше отставание. Проблемы национализма обсуждались по большей части в СМИ, среди деятелей культуры, лидеров этнических объединений, иногда среди обычных людей, но голоса экспертов терялись в этой массе.

Объясняется это рядом причин. Во-первых, сама проблема национализма долгое время была запретной и политически чувствительной. Такое положение дел, к сожалению, не способствовало

изучению на научном уровне проблем строительства национального государства в Кыргызстане. Существовавшие в советское время теоретические подходы, ментальные установки, идеологические клише в отношении так называемого «национального вопроса» остаются достаточно сильными и по сей день. В результате, в академических дискуссиях о национализме присутствует смешение разных концептуальных и доктринальных подходов и установок, отчасти оставшихся нам в наследство от советской науки, а отчасти - приобретенных в попытках приобщиться к мировому теоретическому и практическому опыту нациестроительства. Про эту ситуацию историк Элери Битикчи сказал: «Следует признать, что наше нациестроительство забуксовало в терминах и понятиях, закрепленных историческим прошлым и современным настоящим».[41]

Во-вторых, любые попытки экспертных обсуждений о строительстве национального государства, о предпосылках и природе кыргызского национализма и его современных проявлениях неизбежно наталкивались на критику с разных сторон. Экспертов могли обвинить в продвижении идеи кыргызского этнократического государства, в расколе общества, дискриминации этнических меньшинств и прочих грехах. Во многом это объясняется тем, что в обыденном сознании глубоко укоренился советский понятийный аппарат, когда националистами называли шовинистов, ксенофобов или тех, кто не соглашался с политикой центра. Соответственно, обсуждение национализма априори считалось чем-то нехорошим. Необходимо отметить, что еще одной причиной существования настороженного отношения к обсуждению вопросов национализма является трагический опыт межэтнических конфликтов в Кыргызстане в недавнем прошлом.

Межэтнический конфликт на юге Кыргызстана в 2010 году способствовал возобновлению дискуссий о национализме, но сложный контекст того времени наложил еще больший отпечаток на течение и содержание подобных дискуссий. Вопросы национализма стали чрезмерно чувствительными, говорить о них стало еще труднее и болезненнее. Учитывая, что страна только что пережила политическое потрясение и перед ней стояла первоочередная задача политической стабилизации и установления межэтнического мира, существовал некоторый страх спровоцировать и усложнить и без того непростую политическую обстановку, и особенно – страх усилить напряженность в сфере межэтнических отношений.

Важно также отметить, что реакция международных организаций на конфликт сыграла весьма негативную роль в крайне напряженной постконфликтной ситуации. В своих попытках способствовать восстановлению мира и обеспечить защиту прав этнического меньшинства, международное сообщество, само того не желая, усугубило и без того сложную ситуацию и ухудшило положение узбекского населения. Тогда в международных СМИ и отчетах разных комиссий, изучавших причины и последствия конфликта, был явным «обвинительный» крен в отношении кыргызского государства, оказавшегося неспособным предотвратить конфликт, а в качестве основной причины конфликта назывался кыргызский этнонационализм. Такая упрощенная интерпретация конфликта международными организациями многих в Кыргызстане не устраивала, особенно основные политические силы, действовавшие на юге страны. Представителей международных организаций (ОБСЕ, Амнести Интернешнл и др.) обвиняли в поддержке сепаратистов и попытках разделить кыргызское государство. Высказываемые представителями международных организаций предположения о том, что узбекское население пострадало в конфликте в гораздо большей степени, воспринимались кыргызами как предвзятые и лишь усиливали националистические чувства. Некоторые местные политологи заговорили о намеренной «демонизации» кыргызов и Кыргызстана международными СМИ.

Вероятно, в то время было бы нереалистично ожидать объективной оценки причин и последствий конфликта со стороны международного сообщества, которое мало знало о сложном политическом контексте 2010 года, равно как и о глубинных исторических и социально-экономических причинах межэтнических трений в Кыргызстане.

До сих пор тема национализма достаточно сложна для обсуждения, хотя она остается одной из актуальнейших для Кыргызстана, поскольку связана с незавершенными процессами государственного и нациестроительства. На сегодняшний день мы имеем ситуацию, когда о национализме и нациестроительстве в Кыргызстане больше пишут зарубежные исследователи, а не местные ученые. Безусловно, исследования зарубежных ученых полезны и позволяют взглянуть на вопросы нациестроительства с позиции внешних наблюдателей. Однако гораздо важнее, чтобы понимание процессов самоидентификации и построения нации появилось внутри самой страны. Только таким путем мы придем к пониманию путей и инструментов обращения национализма в здоровое русло, прежде всего - в русло интеграции общества.

41 Элери Битикчи «Элки – гражданство как братство», История Кыргызстана и кыргызов, 26 января 2015 г., *http://kghistory.akipress.org/unews/un_post:2365*

Основной вопрос государствостроительства – сможем ли мы, сообщество людей, живущих в Кыргызстане, управлять собой самостоятельно и без давления извне, иначе говоря, речь идет о субъектности Кыргызстана в мировой политике, его способности обеспечить безопасность и благополучие своим гражданам, а также о состоятельности государства как политического института. Но без сформировавшейся самоидентификации в качестве нации этого достичь практически невозможно. Поэтому вопрос о том, станем ли мы, жители страны, сплоченным согражданством, признающим одну суверенную власть, и объединенным общим самосознанием, ценностной системой, культурой и историей, остается главным вопросом нациестроительства.

Какими характеристиками должна обладать кыргызская модель построения нации, будет ли эта модель основана на принципах эксклюзивизма или будет максимально инклюзивной? Какие механизмы и инструменты будут использованы для формирования общей идентичности?

На эти вопросы нет пока четких ответов, что отражает незавершенность процессов – государственного и нациестроительства. И факт наличия концепции укрепления межэтнического согласия или риторики политических лидеров об ориентации на создание сильной гражданской нации не меняет этого. Общество в Кыргызстане остается сильно фрагментированным по множеству критериев, в том числе по этнической и субэтнической самоидентификации, по вероисповеданию, идеологии и др.

Вопросы государственности и самоидентификация кыргызов в транзитном периоде

С распадом СССР Кыргызстан оказался перед необходимостью строительства самостоятельного государства. Это был достаточно болезненный процесс, поскольку находясь в составе СССР и обладая всеми формальными признаками государства, Кыргызстан, тем не менее, не обладал реальным суверенитетом и не мог проводить самостоятельную политику. Понятно, что политическая элита Кыргызстана, состоявшая из советской номенклатуры и привыкшая получать указания из «Центра», оказалась в полной растерянности, получив неожиданную «независимость». Она не смогла предложить адекватных ответов на вызовы времени, а само общество было далеко от идеи построения нации-государства, поскольку советская идеология «дружбы народов» и формирования новой исторической общности «советский народ» оказала достаточно сильное воздействие на общественное сознание.

Советский период объективно сыграл положительную роль в консолидации кыргызов, а советская государственность, несмотря на ее усеченность, все же была этапом становления протогосударства. Кыргызстанский историк Нур Омаров в свое время положительно оценивал процессы национального самоопределения и национально-территориального размежевания в Средней Азии в 20-х годах прошлого столетия как заложившие основы национально-государственного строительства. Он отмечал: «В этом смысле современный кыргызский этнос может быть только признателен власти Советов, благодаря которой он сумел не только сохраниться, но и закрепил за собой исконную территорию расселения».[42]

Экономическая модернизация Кыргызстана в советское время, а также развитие образования и культуры создали предпосылки для формирования общей идентичности. Однако идея советского плавильного котла стала препятствием для развития национального самосознания и создания полноценного государства. До сих пор в Кыргызстане существует «синдром младшего брата», хотя с момента получения независимости прошло почти четверть века. Превратившись в титульный, или, как сейчас говорят, в государствообразующий этнос, кыргызы не перестали воспринимать себя «меньшинством».

Синдром меньшинства дополняется внедряемым в сознание людей чувством вины, или синдромом «неблагодарного младшего брата», которого поставили на путь цивилизации, помогли развиться экономически, однако «неблагодарный младший брат» не полностью лоялен и позволяет себе выпады против «старшего брата». Это сложная этнопсихологическая проблема, которая еще более усугубляется другими сконструированными в период независимости синдромами, в том числе – синдромами бедного, малого, несостоявшегося или деградирующего государства; государства, значительное число граждан которых вынуждено жить в трудовой миграции; полукриминального или коррумпированного государства.

Кстати, синдром младшего брата – многослойный и проявляется не только в отношении русского этноса, но нередко и в отношении казахов. Реверансы нашего политического руководства в отношении руководителей России и Казахстана, безусловно, имеют политическую составляющую, например включающую членство в ЕАЭС или миграционную зависимость Кыргызстана от этих двух стран. Тем не менее, они также являются отражением этнических комплексов, имеющих в своей основе память о существовании ранжирования

42 Нур Омаров, «Суверенная этнократия» и поиски национальной идентичности», KGinKZ, 9 октября 2007 г., *http://kginkz.clan.su/publ/3-1-0-46*

формально равноправных республик Советского Союза. Более мощная экономика современного Казахстана, размер ВВП, а также достаточно распространенные восприятия о сильном казахском государстве, достойно представленном на международной арене, также влияют на формирование собирательного образа Казахстана как сильного соседа. Но важно отметить, что одновременно имеет место и восприятие своей страны гражданами Кыргызстана как более демократической в сравнении с Казахстаном (и другими соседями) и динамичной открытой страны с политически активным населением, способным требовать от своего правительства подотчетности. Наличие подобных восприятий как среди кыргызов, так и других этносов может говорить в пользу формирования компонентов общей идентичности.

Отдельно нужно отметить геополитические страхи кыргызов, которые также имеют влияние на процессы национальной самоидентификации и государствостроительства. Причем эти страхи характерны как для обычных людей, так и для наиболее образованной части населения.

В первую очередь, это страхи «китайской угрозы», проявляющейся в боязни территориальных уступок мощному соседу. Одной из причин Аксыйских событий 2002 года в Кыргызстане считается обвинение гражданами властей в передаче Китаю предположительно 150 гектаров земли[43].

С другой стороны, «китайская угроза» воспринимается как процесс «тихой колонизации» территории страны китайскими гражданами, которые приезжают сюда работать и оседают, создавая семьи. Иногда это называется ползучей миграцией или экспансией. В ряду подобных страхов можно назвать и страхи замещения кыргызского населения в приграничных территориях гражданами соседних стран, в первую очередь таджиками и узбеками. Эти страхи подкрепляются демографическими показателями, и в частности более высокими, чем в Кыргызстане, темпами прироста населения в соседних странах. В отношении Узбекистана эти страхи особенно сильны, ввиду широко распространенного восприятия Узбекистана как гораздо более сильного в военном отношении государства, имеющего, ко всему прочему, значительную диаспору на юге Кыргызстана. Нерешенность вопросов границ и довольно частые инциденты на границе с Таджикистаном и Узбекистаном дополняют копилку страхов.

Само же узбекское меньшинство внутри Кыргызстана уже по факту того, что имеет рядом «большую родину», воспринимается как угроза территориальному единству страны. Такие мнения базируются на страхах и подозрениях о возможной нелояльности к кыргызскому государству других этнических сообществ. Гораздо в меньшей степени подобные страхи о нелояльности к государству по причине наличия «большой» этнической родины существуют и в отношении русских и так называемых русскоязычных граждан. Однако во втором случае существуют еще и «исторические обиды» в отношении царской и затем - советской России, которые ошибочно проецируются на наших современников – представителей русского этноса. Это «обиды» и за 1916 год, за деформации советской национальной политики, за политический террор 1930-х годов, за вытеснение кыргызского языка из сфер управления и образования и др.

Вступление Кыргызстана в Евразийский экономический союз в определенной степени можно также объяснить геополитическими страхами, в первую очередь распространенными среди руководства страны. Не секрет, что, объединяясь с более сильными государствами, в первую очередь с Россией, Кыргызстан надеялся на помощь союзников в обеспечении национальной безопасности, в т.ч. в защите границ и борьбе с терроризмом. Минимизация китайской экономической экспансии в Кыргызстане была также одним из аргументов вступления Кыргызстана в ЕАЭС. Интересно, что в данном случае Россия (в отличие от Китая) воспринимается как дружественная страна, с которой кыргызы имеют общую историю.

Вероятно, наличие значительного числа геополитических страхов отчасти объясняет, почему так сильно распространены среди местных экспертов конспирологические теории, объясняющие многие политические процессы в Кыргызстане влиянием и действиями так называемых «внешних сил».

Что касается парадигм нациестроительства и конкретных националистических практик, то необходимо отметить, что на протяжении последних 25 лет менялись подходы и политика государства.

После развала СССР в Кыргызстане, как и в других республиках бывшего СССР, наблюдалось усиление национализма, но здесь это в основном касалось уровня бытового общения. Были определенные запросы на самоутверждение кыргызов в качестве титульного этноса, но такие идеи были слабо оформленными и не играли доминирующей роли в политическом пространстве. Если в некоторых советских республиках уже в период «перестройки» Горбачева появились предпосылки для национального объединения и существовали общественные движения, требовавшие реализации прав на национальное само-

43 Укуляй Бестай, «Аксыйским событиям 10 лет», Радио Азаттык, 16 марта 2012 г. *http://rus.azattyq.org/a/aksy_kyrgyzstan_akaev_bakiev_beknazarov/24517258.html*

определение (например, в Прибалтике, Казахстане) в Кыргызстане не было каких-то организованных политических сил или движений с националистической платформой, хотя и были отдельные политики с риторикой националистов. Демократическое Движение Кыргызстана (ДДК), образовавшееся почти накануне распада Советского Союза, хотя и выступало в защиту прав кыргызской сельской молодежи на работу, земельные наделы и жилье, скорее, было движением за социально-экономические права, нежели националистическим.

Примерно ко второй половине 90-х годов националистический дискурс значительно ослаб, и все чаще стали звучать задачи о необходимости сплочения всех этносов, построения мультикультурного общества, где все этносы равноправны. Акаев пытался во главу идеологии поставить ценности межэтнической и межкультурной гармонии. В 2004 году была разработана и принята Концепция этнического развития Кыргызской Республики, которая подтверждала принципы равного развития всех этносов. По образному выражению социолога Нурбека Омуралиева, период правления Акаева был «золотым веком межэтнических отношений»[44]. Для подтверждения того, что подобная идеология сплочения разных народов является истинной ценностью кыргызов, была использована идея семи заповедей Манаса. Одной из заповедей был призыв к единству нации и гармонии между разными этносами.

Неспроста появился акаевский лозунг «Кыргызстан – наш общий дом», который, впрочем, оказался контрпродуктивным и за который позднее первого президента будут сильно критиковать. После бегства президента Акаева и так называемой «революции тюльпанов» в 2005 году ряд политиков начал резко критиковать политику Акаева в сфере межэтнических отношений, считая ее противоречащей национальным интересам. Руководитель отдела этнической, религиозной политики и взаимодействия с гражданским обществом аппарата президента КР Мира Карыбаева в одном из своих интервью отмечала, что позитивная идея в реальности породила негативные ассоциации, вроде таких как «Кыргызстан – проходной двор», «Кыргызстан – это коммуналка», «Мы – квартиранты в своем доме»[45]. Другими словами, фраза «Кыргызстан – наш общий дом» воспринималась как повышенное внимание этническим меньшинствам, отодвигавшим на задний план титульный этнос, его язык и культуру. Подобные мнения муссировались политиками и разными деятелями, позиционировавшими себя патриотами. При этом были в ходу такие термины, как «улут-чулдук» (национализм) и «мекенчилдик» (любовь к родине), которые использовались как взаимозаменяемые понятия, хотя возникали вопросы о том, существуют ли смысловые различия этих слов и где проходит грань между националистом и патриотом.

Другой акаевский лозунг «Кыргызстан – Швейцария Центральной Азии» может восприниматься как попытка укрепления общей идентичности граждан не на этнической основе, а вокруг положительного собирательного образа страны. Какова была роль акаевских лозунгов – это, возможно, тема отдельного разговора. На мой взгляд, они сыграли положительную роль в смысле недопущения крайних форм национализма. Кроме того, как бы ни муссировался языковой вопрос, лингвистический национализм в Кыргызстане также не приобрел крайних форм. Русский язык был объявлен официальным, на нем велось и до сих пор ведется делопроизводство, и в целом применение русского языка не ограничивалось. Более того, в последние годы, наоборот, многие кыргызы выступают за билингвизм и улучшение преподавания русского языка в кыргызских школах. Отказались в нашей республике и от идеи перевода алфавита с кириллицы на латиницу.

В целом нужно отметить, что сторонники идеи этнической исключительности кыргызов на протяжении всего транзитного периода не находили массовой поддержки среди граждан. Что касается властных структур, этно-ориентированные националисты не имели доминирующего положения, даже после 2010 годов, когда в парламент попало определенное число депутатов, выступавших за изъятие официального статуса русского языка и продвигавших идею строительства этнической нации.

Забегая вперед, отмечу, что присутствие этих политиков все же усложнило процесс разработки и принятия Концепции укрепления единства народа и межэтнических отношений в Кыргызской Республике. Прежде чем был подписан президентский указ об утверждении этой концепции, было разработано два варианта документа. Один вариант разрабатывался группой депутатов Жогорку Кенеша под руководством Нодиры Нурматовой, депутата от фракции «Ата-Журт», другой – Ассамблеей народов Кыргызстана. Обсуждение концепций в гражданском обществе было достаточно активным. Многие называли проект Нурматовой националистическим,

44 Омуралиев Н.А., «Межэтнические конфликты в Кыргызской Республике: социологический анализ», Автореферат дисс. на соискание ученой степени д.с.н., Lib.kg, 23 марта 2015 г., *http://lib.kg/omuraliev-nurbek-ashimkanovich-mezhetnicheskie-konflikty-v-kyrgyzskoj-respublike-sotsiologicheskij-analiz/*

45 «Мира Карыбаева: «Нации, которая гордится собой, своим прошлым, знает свою историю, стыдно позориться в настоящем», Новые Лица, 9 июня 2015 г., *http://www.nlkg.kg/ru/interview/mira-karybaeva-nacii_-kotoraya-gorditsya-soboj_-svoim-proshlym_-znaet-svoyu-istoriyu_-stydno-pozoritsya-v-nastoyashhem*

поскольку в нем кыргызский этнос определялся как центральный элемент государственности. Не вполне устраивал и второй документ. В итоге Аппаратом Президента КР был разработан компромиссный вариант документа на основе двух предыдущих проектов, который, впрочем, ввиду своей компромиссной природы был раскритикован экспертами как эклектический, понятийно запутанный и имеющий недочеты в плане механизмов реализации.

Эксперты Национального Института Стратегических исследований отмечают, что принятая концепция стала первым документом этнической политики государства, в основу которого была положена идея построения гражданской нации в Кыргызстане на «основе объединяющей роли государственного кыргызского языка как важнейшего элемента консолидации общества и сохранения этнического многообразия и этнокультурных особенностей этносов Кыргызстана»[46].

Очень важно отметить, что 2010 год стал большим испытанием для Кыргызстана, в том числе и с точки зрения нациестроительства. До этого времени никто в государстве серьезно не задумывался об отношениях между кыргызами и другими этническими группами, не существовало институционального механизма, ответственного за эту сферу. Так, Отдел этнической, религиозной политики и взаимодействия с гражданским обществом в Аппарате Президента Кыргызской Республики был учрежден только в 2011 году, а в 2013 году образовано Государственное агентство по местному самоуправлению и межэтническим отношениям при Правительстве Кыргызской Республики.

Трагические события 2010 года со всей очевидностью высветили важность вопросов «кто мы», «какой выбор мы делаем как страна», «какова наша самоидентификационная модель», «есть ли у нас общая идентичность», «какое государство мы строим», «есть ли кыргызская нация и что она из себя представляет». Значительными остаются геополитические страхи и связанные с ними страхи территориальной дезинтеграции страны. На самом деле это сложные вопросы, и ответы на них еще не совсем найдены.

Современные националистические дискурсы в Кыргызстане

В данном разделе речь идет о проявлениях национализма в общественном дискурсе. Надо сказать, что очень привычно говорить о кыргызском национализме, поскольку кыргызы в Кыргызстане являются этническим большинством. Но, на мой взгляд, важно говорить о национализме и других этносов, который также имеет место, но, возможно, менее видим. В последнее время наблюдаются также формы националистического дискурса, связанные с современным политическим контекстом и не основанные на критерии этнической принадлежности. Обсуждение последних предлагается ниже.

Что же из себя представляет современный кыргызский националистический дискурс? Свидетельствует ли он об усилении кыргызского национализма?

На сегодня кыргызский националистический дискурс представлен разными взглядами и идеями, в основе которых лежит убежденность в необходимости защиты и продвижения интересов кыргызов как нации. Данный дискурс существует в основном в пространстве кыргызскоязычных печатных СМИ, в электронных СМИ и на телевидении. В основном, эти СМИ выступают за возрождение национальных традиций, культуры, нравственности. Есть также стремление «возродить дух кыргызов», и делается это через использование мифического и исторического компонентов самоидентификации, которые по замыслу должны служить укреплению чувства национальной гордости за свой этнос и тем самым способствовать укреплению общей идентичности. В самом стремлении вернуться к истокам и возродить духовные корни народа нет ничего плохого. Но способы, методы и средства далеко не однозначны и зачастую вызывают неприятие среди представителей других этносов.

В националистическом дискурсе также присутствуют идеи возрождения и развития кыргызского языка, повышения его роли в общественной и политической жизни, критикуются власти за то, что за более чем два десятилетия сделано очень мало для возрождения языка. Многое в этом дискурсе вполне обоснованно, если учесть, что кыргызский язык сильно утратил свои позиции во времена СССР, он практически вырождался и становился символом отсталости. Так, в столице Кыргызстана существовала только одна школа (из 60), в которой обучение велось на кыргызском языке. Во всех вузах обучение шло также на русском языке.

Говоря о языке, важно отметить проблемы с формированием единого информационного пространства в Кыргызстане. К сожалению, информационное пространство сильно фрагментировано, что является серьезным фактором разделения общества по этническим линиям. Языковая дифференциация, при которой русскоязычный и кыргызскоязычный сегменты населения представляют собой два разных не сообщающихся сосуда, не способствует консолидации общества. Схожая проблема существует на юге страны, где жители больше смотрят и слушают узбекские телеканалы и радио.

46 «Межэтнические отношения в Кыргызской Республике: анализ ситуации и политики государства», НИСИ, Бишкек, 2013.

В меньшей степени, чем традиционно-возрожденческий и языковой дискурсы, в информационном пространстве присутствуют националистические дискурсы, связанные с призывами осуществить переоценку советского наследия в смысле ценностей, моральных и нравственных принципов.

С другой стороны, в последнее время в связи со столетием события заметен интерес общества к исторической переоценке восстания кыргызов в 1916 году (Уркун) как национально-освободительного движения против царской России. Намерения правительства отметить 100-летие этих трагических событий различными мероприятиями вызывают неприятие части общества, откровенно подпитываемое извне, как попытка националистов реставрировать или переделать историю, создать исторические мифы и внести семена раскола в отношения между этносами.

Обсуждая националистический общественный дискурс, необходимо подчеркнуть, что в Кыргызстане нет четко выраженных политических платформ кыргызского национализма. Несмотря на националистическую риторику отдельных политиков, в стране отсутствуют политические партии, в основе идейной платформы которых лежит идея этно-национализма. Даже партии, которые позиционировали (позиционируют) себя защитниками интересов кыргызского народа, неспособны предложить программу или проект будущего, альтернативные официальному курсу. Очевидно то, что политики используют националистические лозунги главным образом во время избирательных кампаний для привлечения определенного электората. В целом, мобилизационный потенциал национализма как политической идеологии достаточно слаб. В стране не существует лидера, который обладает консолидирующим потенциалом на основе этнического национализма. Это неудивительно, поскольку основная масса власть предержащих вышли из советской системы, они и мыслят, и управляют по-советски. Определенное обновление политической элиты происходит, но медленно и не всегда за счет нового поколенческого сегмента, а зачастую за счет пополнения из числа нуворишей и компрадорских элементов. Кроме того, не следует упускать из виду, что субэтнические идентичности, прежде всего основанные на региональном разделении (Юг-Север), в значительной степени остаются элементом политической борьбы.

Достаточно интересным явлением, характерным для Кыргызстана, стало еще одно направление общественного дискурса, связанное с национализмом, но в другом понимании. В отличие от предыдущих форм этнонационалистического дискурса, данное направление связано с критикой решения руководства Кыргызстана о вступлении в Таможенный союз и ЕАЭС и отказа от многовекторной внешней политики. Носители этого дискурса представляют разные этносы, они в основном существуют в интернет-пространстве, а также частично доносят свои идеи через телевидение. Эта группа институционально не оформлена, она достаточно условна и размыта. Условно можно назвать данное направление как «Защитники суверенитета», поскольку во главу угла они ставят право Кыргызстана вести самостоятельную политику без оглядки на более сильных региональных игроков и противодействие попыткам ограничения суверенитета страны путем втягивания в неравноправные интеграционные объединения.

Хотя это направление слабо, но, возможно, будет набирать силу, поскольку для этого есть определенные предпосылки, в частности растущее разочарование в обществе по поводу вступления в ЕАЭС, ухудшающаяся экономическая ситуация в стране и возможность нарастания социального напряжения, а также некоторые непопулярные среди населения законы или их проекты. Весьма показательно бурное обсуждение в начале 2016 года в социальных сетях проекта «Соглашение между правительством Кыргызской Республики и правительством Российской Федерации о сотрудничестве в области массовых коммуникаций», по которому федеральным телеканалам «Первый канал», «Всемирная сеть» и «РТР Планета» будет придан особый статус. Данное соглашение вызвало резкую критику в гражданском обществе как неправильный шаг правительства, создающий угрозы национальной информационной безопасности.

В целом, за исключением последнего дискурса, который объединил представителей разных этносов, в Кыргызстане доминирует традиционное представление о том, что национализм является кыргызским этническим национализмом и направлен он прежде всего на укрепление интересов кыргызского этноса. Что касается национализма других этносов, то на эту тему в Кыргызстане вообще не принято публично говорить из-за сложившихся стереотипов и восприятия, что этническое меньшинство не может быть националистическим.

Проект будущего и проблемы консолидации кыргызской нации

Проблемы национальной консолидации связаны во многом с историей. На протяжении веков кыргызы жили в составе разных государств и оставались периферийным этносом. Это относится и к периоду нахождения в составе Российской империи, а затем в составе СССР. Сформировавшаяся экономическая, культурная и политическая зависимость от метрополии лишили политическую и интеллектуальную элиту навыков целеполагания и выработки собственной политики. В итоге за два с лишним деся-

тилетия периода независимости Кыргызстан так и не смог выработать свой собственный проект будущего. Не получилось разработать государственную идеологию или стратегию, которая нашла бы отклик в сознании если не большинства, то хотя бы среди значительной части граждан. Но попытки были.

На мой взгляд, именно ввиду отсутствия проекта будущего, для Кыргызстана более характерно обращение в историю, поиск «золотого века» кыргызов и их государственности, чтобы черпать оттуда какие-то идеи для современности. 1000-летие эпоса «Манас», 2200-летие кыргызской государственности, 3000-летие города Ош – все это подобные примеры. В этом контексте, как мне кажется, нарождается еще один водораздел в обществе. Не секрет, что при обсуждении традиций, культуры кыргызов в тех же кыргызскоязычных СМИ очень часто употребляется идея о том, что кыргызы – *улуу эл,* то есть великий народ. По моим наблюдениям, в последнее время формируются критические позиции среди самих кыргызов в отношении подобных высказываний, некоторые даже дали название этому феномену – *улуумания.* В основе критицизма *улуумании* лежит идея о том, что чрезмерное возвеличивание нации по критерию ее древности и особых нравственных характеристик без учета современных реалий, недостатков, присущих представителям этой нации на современном этапе, и попыток устранить эти недостатки, никакого развития не будет[47]. По-видимому, можно считать, что это зачатки здоровой дискуссии и понимания важности развития нации, трезвой оценки своего опыта и использования лучших образцов чужого опыта.

Безусловно, никто не спорит с необходимостью возрождения интереса к истории кыргызов и Кыргызстана. Но, кроме мифологических и этнографических материалов, важно использовать документированные материалы на разных языках. Для этого наши историки должны обладать соответствующим потенциалом (научным, языковым) и ресурсами. Плачевное состояние финансирования нашей исторической, как, впрочем, и всей науки, всем известно. Объявление 2016 года в Кыргызстане Годом истории и культуры ожидаемо не дало особых успехов.

Попытки укрепления национальной гордости через популяризацию эпоса «Манас», поиски национального бренда страны, съемки исторических фильмов, попытки возрождения тенгрианства как исконной религии кыргызов – это примеры шагов, которые предпринимались для укрепления общей идентичности. Однако все эти попытки обращены в прошлое, но не настоящее, и тем более – не в будущее.

Отсутствие в Кыргызстане собственного проекта будущего служит препятствием к осмыслению места, которое наша страна занимает в современном мироустройстве. В контексте вступления Кыргызстана в ЕАЭС интересен вопрос, является ли это выбором будущего вектора и соответствует ли он выбору большей части граждан?

С одной стороны, есть значительное число людей, которые одобряют разворот Кыргызстана в сторону партнеров из бывшего СССР. Вступление в ЕАЭС воспринимается ими как возвращение на круги своя. Агитация нашего правительства и «мягкая сила» союзников сыграли в этом свою роль. Означает ли это то, что Кыргызстан устал от поиска своей формулы суверенного развития и предпочитает снова оказаться в привычной роли «младшего брата», или это вынужденный шаг, хотя и формально добровольный? В последнем случае как это отразится на процессе государствостроительства? Или это и есть наш проект будущего?

С другой стороны, в настоящее время растет и число тех, кто воспринимает вступление Кыргызстана в ЕАЭС как неправильный шаг руководства страны, создающий угрозы для сохранения суверенитета страны. Можно ли сказать, что это зачатки гражданского национализма, тем более учитывая, что данный лагерь объединяет представителей разных этнических групп? Имеет ли данное направление национализма политический мобилизационный потенциал?

Эти вопросы требуют серьезного обсуждения на экспертном уровне, и возможно, требуют проведения специальных исследований.

Одна из главных причин отсутствия проекта будущего заключается в отсутствии консолидированной политической элиты, которая опиралась бы на какую-то большую идею. Политические деятели, которые крутятся во властных структурах, являются по большей части самоназванной элитой и морального авторитета не имеют. Интеллектуальная элита предпочитает отмалчиваться по вопросам нациестроительства, опасаясь нападок в свой адрес, в результате чего в дискуссионном поле часто тон задают неквалифицированные люди или откровенные мракобесы.

Весьма важным вопросом, касающимся национальной консолидации, является вопрос о готовности элит и всего общества к строительству гражданской нации. Несмотря на принятие Концепции укрепления мира и межэтнического согласия, вряд ли можно утверждать, что в обществе есть консенсус о том, что нужно строить гражданскую нацию.

47 «Улуумания или что делает нас великими?», Блог Aidaika, 15 сентября 2010 г., *https://aidaika.wordpress.com/2010/09/15/%*
Бектуруш Салгамани, «Кыргыздар чын эле «улуу элби»?», Саясат, 22 сентября 2015 г., *http://www.sayasat.kg/index.php?option=com_content&view=article&id=43343&catid=9&lang=kg&Itemid=224*

Общество пока не готово и к тому, что понятие кыргызской нации будет в себя включать все этносы, проживающие в Кыргызстане. К этому не готовы как кыргызы, так и другие этносы. Недавняя инициатива Государственной регистрационной службы (ГРС) в июне 2016 года убрать графу с указанием национальности из новых образцов паспорта весьма симптоматична в этом смысле. Реакция на эту инициативу была бурной и разделила общество. Было отмечено достаточно сильное сопротивление этой идее среди кыргызов: многие хотели открыто указывать свою национальность в паспорте как «кыргыз», отвергая идею писать в паспорте «кыргызстанец»[48]. Часть граждан предлагала всех записывать в паспорте как кыргызов, независимо от этнической принадлежности, но и эта идея воспринималась с критикой. Из-за неоднозначной общественной реакции ГРС отказалась от своей инициативы.

Сам этноним «кыргыз» пока недостаточно привлекателен для представителей других этносов. Это связано и с уровнем экономического развития Кыргызстана (где особенно нечем похвастаться) и сложившимися стереотипами по поводу «кыргызчылык», феномена, который даже среди самих кыргызов ассоциируется с понятиями «некачественно», «кабы как», «непрофессионально», «не по закону» и с другими негативными ассоциациями.

Кыргызстан упустил возможность сделать образ страны привлекательным как во взаимоотношениях с внешним миром, так и для собственных граждан, когда постепенно терял репутацию «островка демократии». Не смогли мы воспользоваться во благо страны и тем авансом доверия со стороны международного сообщества, который присутствовал после тюльпановой революции 2005 года. Власти создали ситуацию, приведшую к ухудшению имиджа страны и приобретению Кыргызстаном репутации несостоявшегося государства, но при этом предпочли переложить вину за состояние страны на пресловутые «внешние силы».

Вопросы консолидации нации и поиска проекта будущего связаны с вопросами множественных идентичностей кыргызстанцев и возможностями вовлечения страны в проекты внешних игроков.

Какую роль играет исламская идентичность кыргызов в процессах нациестроительства? Противоречит ли ислам существованию нации-государства? Опасно ли с точки зрения нациестроительства усиление влияния исламской религии и активизирующаяся с каждым днем религиозная социализация? Какую роль играют тюркизм, номадизм, родоплеменная или региональные идентичности в процессе нациестроительства? Пока обсуждение этих тем остается фрагментированным и не позволяет сделать более или менее обоснованные выводы.

В этом контексте весьма интересно, что в июне 2016 года развернулись дискуссии в связи с тем, что по инициативе президентского аппарата в стране были вывешены баннеры «Бедный мой народ, куда мы идем?» с фотографиями женщин в кыргызской национальной одежде рядом с фотографиями женщин в хиджабах[49]. До сих пор не утихают дискуссии об истинных мотивах и сути данного публичного послания. Но интересно то, что эти дискуссии, заполонившие социальные сети и печатные СМИ, показали, что общество сильно разделено и по религиозному вопросу. Не менее важно и то, что, сами того не желая, инициаторы этой идеи с баннерами дали мощный стимул дискуссиям о траектории развития Кыргызстана, об ответственности элиты за состояние страны, за экономический и духовный кризисы, которые испытывает общество.

Заключение

Обсуждать вопросы национализма в Кыргызстане всегда было сложно, особенно после 2010 года, потому что по инерции внимание переключается на сферу межэтнических отношений и в таком контексте национализм всегда имеет негативную коннотацию.

Понятийная неразбериха и отсутствие консенсуса по поводу того, что считать нацией, а также разделение дискуссионного поля на русскоязычный и кыргызскоязычный сегменты является серьезным препятствием для общественного диалога. Зачастую это два параллельных мира, редко пересекающихся и несущих разные смыслы и сигналы, что само по себе содержит в себе скорее конфликтный, нежели консолидирующий потенциал.

Несмотря на все эти трудности, вопросы национализма остаются актуальнейшими для Кыргызстана и требуют всестороннего обсуждения, прежде всего на экспертном уровне. Межэтнический конфликт 2010 года остро высветил необходимость поиска ответа на вопросы «кто мы?», «какое государство строим?», «как нам относиться к своему прошлому и какое будущее мы хотим для своей страны?». Это был для нас очень драматичный период, когда хрупкость нашей государственности стала очевидной.

48 Подробнее см. в: «Обзор отмены графы «Национальность» в паспорте: за и против», CA-portal, 16 июня 2016 г., *http://www.ca-portal.ru/article:27907*

49 «Баннеры «Кайран элим, кайда баратабыз?» начали вывешивать по всей республике», Радио Азаттык, 22 июля 2016, *http://rus.azattyk.org/a/27872844.html*

Процессы государство- и нациестроительства являются важными для Кыргызстана, не так давно вступившего на самостоятельный путь развития. Суть их в том, сможет ли Кыргызстан стать самоуправляемой страной и согражданством, объединенным общим самосознанием, идентичностью, системой ценностей и культурой.

Небольшой анализ, предложенный выше, позволяет говорить о том, что на данном этапе эти процессы не завершены. Процесс национального объединения и консолидации, а также поиск идентичности идут сложно и хаотично. Гибридная идентичность или многослойные идентичности жителей нашей страны пока еще не позволяют центростремительным силам полностью перевесить центробежные силы. Такое состояние общества не способствует консолидации и укреплению государственности. А без этого сложно говорить о строительстве нации как согражданства.

То, что на протяжении всего транзитного периода сторонники крайнего этнического национализма не смогли закрепить за собой доминирующие позиции, возможно, говорит о потенциале для создания гражданской нации Кыргызстана.

Во многом проблемы национальной консолидации связаны с историей кыргызов, с историей государственности. Вхождение Кыргызстана в состав различных государств на протяжении веков привело к утрате навыка целеполагания (прежде всего у элиты) и мешало выработке собственных моделей развития. Отсутствие в Кыргызстане собственного проекта будущего служит препятствием к осмыслению места, которое наша страна занимает или может занимать в современном мироустройстве. Пока же самоидентификационные процессы обращены только в сторону прошлого и во многом основаны на болезненных геополитических страхах, озабоченностях.

О нациестроительстве в Казахстане

Айдос Сарым
Президент Фонда Алтынбека Сарсенбаева, Казахстан

К сложности дискуссии

Сегодня в стране накопилось множество вопросов, связанных с национальным строительством в Казахстане, на которые жизненно необходимо дать собственные ответы. Происходит путаница понятийная и терминологическая, нет сильной культуры политического диалога, культуры дискуссий, культуры компромисса, что, в конечном счете, ведет к еще большей сумятице и конфликтам интересов. С другой стороны, очевидно, что власть избегает любых серьезных дискуссий, которые способны испортить фон, настроения общества.

Когда мы говорим о национальном строительстве, то очевидно, что на первый план всегда будут выходить три смыслообразующих понятия: «нация», «национальное государство» или «нация-государство» и «национализм». По каждому из этих ключевых понятий есть тысячи и тысячи определений и дефиниций. Чтобы все это понять, прожить, осмыслить не хватит одной человеческой жизни. К тому же все три термина настолько важные и сущностные, что вряд ли нас всех устроят уже выработанные определения и дефиниции. Скорее всего, я предполагаю, что речь будет идти о том, что казахам, казахскому социуму необходимо будет выработать терминологию вживую, то есть in vivo. Возможно, даже речь будет идти о том, что в ближайшие месяцы и годы мы придем к очередной временной формуле, которая будет с неизбежностью пересмотрена новым поколением граждан страны, которых уже перестанут устраивать формулы и правила, выработанные поколением их отцов и дедов. По всей вероятности, так и будет.

Большой терминологической, сущностной ошибкой современных нэшнэлбилдеров Казахстана является то, что они пытаются утвердить казахскую нацию, казахское национальное государство в отрыве от капитализма и в отрыве от государства как сложнейшего механизма согласования и проведения частных и общих интересов граждан. Даже понимание сложности проблематики, не говоря уже о реализации политики нациестроительства, без понимания, проживания, осмысления, имплементации и практической реализации указанных двух явлений, двух феноменов сложно, если не сказать более категорично, – бессмысленно.

Что такое «западное» и «восточное» понимание «нации»?

В современной политической науке есть два понимания нации.

Есть т.н. «западное» понимание, которое фиксирует и изучает длительный процесс формирования и трансформации наций, но и самого термина «нация», который изначально совпадал с греческим термином «этнос». В процессе своей эволюции и трансформации термин «нация» перестал

быть почти дословным синонимом слова «этнос». Более того, усложнение контекста привело к тому, что слово «нация» стала синонимом слова «государство». Соответственно, изменилось и понятие «национализм», которое из синонима понятия «ревнитель интересов своего этноса» превратилось в синоним понятия «государственник».

Хочу сразу отметить, что я и многие мои коллеги исходим именно из такого понимания слов «нация», «национализм», «национальное государство». То есть мы говорим, что наше общество должно имплементировать и вобрать в себя всю сложность, в том числе институциональную, которая не просто обрамляет, окаймляет, но и является сутью вещей, смыслом всего, чем на самом деле являются современные западные нации, национальные государства. В этом, повторюсь, нет никакого этнократизма.

Эксперты пишут, что в западной традиции, «основанной на формационном подходе к процессу общественно-исторического развития, нация представляет собой явление, свойственное исключительно Новому и Новейшему времени. Появление наций как исторического феномена сопряжено с образованием «nation states» (национальных государств), а также с формированием капиталистических отношений и появлением буржуазии. Одна из распространенных точек зрения состоит в том, что нации складываются в процессе возникновения индустриальных обществ. Образование нации есть, по Э. Геллнеру, прямой результат начала процесса модернизации, т.е. перехода от традиционного аграрного общества к обществу индустриальному и постиндустриальному. До начала процесса модернизации наций как таковых не существовало.

И есть т.н. «восточное понимание». Восточное понимание или толкование основаны не на европоцентристских, прогрессистских позициях, а на полицентризме. В «восточной» (этнической) традиции (распространенной в Германии, Восточной Европе и Азии) понятие «нация» является синонимичным понятию «этнос». Нация (или этно-нация) — это этнос, который может включать в себя иноэтничные группы (по Л.Н. Гумилеву – «ксении»), разделяющие основные национальные интересы. В данной традиции не обойтись без понимания этнической природы нации, ее природной сущности, выраженной в культуре и народном характере.

Противоречит ли «национальное государство» и «политическая гражданская нация»?

Как я уже говорил, в нашем обществе многие споры идут не от сути проблем, а от разности понимания терминов. Быть может, нашим обществоведам следует собраться и провести пару конгрессов, чтобы выработать единый, общий глоссарий политических определений и терминов. Когда мы говорим «национальное государство», нас тут же обвиняют в попытке создания «этнократического государства». Или же начинают противопоставлять «националистов» сторонникам «политической гражданской нации». Люди все еще путают «нацию» и «национальность», «национальность» и «этничность».

По моему личному мнению, следует понимать, что:

«нация» — это культурно-политическая, социально-экономическая и духовная общность людей, исторически живущая на определенной территории, сложившаяся в результате становления государства и выработки надэтнической культурной и политической традиции. Нация может быть дифференцирована общностью литературного языка, истории, традиции, культуры и так далее. Нация — это также группа людей, хранящая общие воспоминания и мифы своих предков, связанная с (исторической) территорией через общие жертвы и страдания в прошлом и готовность перенести страдания опять, если нужно, но не распадаться на части. Для всех членов сообщества законом установлены общие права и обязанности. В конституционном праве англо- и романоязычных стран — термин, обычно имеющий значения «государство», «общество», «совокупность всех граждан»;

«национальность» — это принадлежность гражданина к определенному государству;

«нация-государство» — это конституционно-правовой тип государства, означающий, что последнее — форма самоопределения и организации той или иной нации на определенной суверенной территории и выражает волю этой нации. Когда территория государства совпадает с территорией проживания нации, то имеет место «национальное государство». Большинство государств не являются однородными в национальном отношении и имеют на своей территории различные этнические, культурные, религиозные или языковые группы.

«национализм» — идеология и направление политики, основополагающим принципом которой является тезис о ценности нации как высшей формы общественного единства, ее первичности в государствообразующем процессе. Как политическое движение национализм стремится к отстаиванию интересов определенной национальной общности в отношениях с государственной властью. В своей основе национализм проповедует верность и преданность своей нации, политическую независимость и работу на благо собственного народа, культурное и духовное возрастание, объединение национального самосознания для практической защиты

условий жизни нации, ее территории проживания, экономических ресурсов и духовных ценностей

Как видим, все указанные определения включают в себя понятия «гражданская нация», «политическая нация», «гражданская политическая нация», «гражданское общество».

Особо следует отметить, что в современной западной науке есть два основных подхода к изучению и пониманию наций: конструктивистский и примордиалистский. Первый утверждает, что нация является продуктом политической инженерии, второй – провозглашает нацию как биологический, эволюционный феномен.

Я лично полагаю, что при изучении, описании, понимании казахской нации возможно использование обоих подходов: примордиалистского до нового и новейшего времени, и конструктивистского – для современности, когда понятие казахской нации уже перешагнуло исключительно этнические категории. Главная задача и науки, и политики в этом смысле – обеспечить синтез этих подходов, их внутреннюю логику, непротиворечивость.

«Казахская нация» против «советского народа»?

Я берусь утверждать, что если бы не процесс длительной колонизации Казахстана царской Россией, а потом и Советской Россией, то в Казахстане могла бы эволюционно сформироваться казахская нация.

Причем этногенез казахов, государственность казахов эволюционно вели к тому, что в Казахстане формировалась тюрко-мусульманская нация, которая в свое время последовательно проходила стадии рода-племени-этноса-нации. Вспомним, что в истории уже были две эманации надэтнической национальной идеи «Алаш». Начиная с Абая, провозглашена идея казахскости, начинала появляться очень схожая с моделями азиатских и африканских стран национальная буржуазия, вызревали эволюционным путем капиталистические отношения, появилось мощное национально-освободительное движение «Алаш».

И здесь никого не должны обманывать статьи и публикации казахских просветителей и политиков начала прошлого века. Если вспомнить эволюцию национально-освободительных движений стран Азии и Африки, все они проходили сложный процесс интеллектуального развития, эволюции политических взглядов от частичной автономии до полной и безусловной независимости. Создатели, например, Индийского национального конгресса сначала требовали себе английских прав и законов, потом частичной автономии и самоуправления, а потом уже полной независимости. Этот процесс в среднем шел более века.

Концептуализируя, можно сказать, естественный ход истории вел казахов по пути всех антиколониальных движений стран Азии и Африки. По всей видимости, если бы не глобальные потрясения начала XX века, то в Казахстане естественным образом вызрела бы национальная казахская буржуазия, которая бы шла по пути от умеренной автономии до радикальной независимости в плане государственно-политического обустройства и создания собственной национально-государственной идентичности в плане культурно-национального размежевания и манифестации национального духа. И в этом смысле, я отвергаю и не верю в псевдоконцепции относительно особенности российской колонизации, особой евразийской судьбы, которая мирно и полюбовно объединила тюркские народы вокруг царской России, а потом сталинско-большевистской России.

Но даже в советский период, даже в самые мрачные его годы казахи не теряли полностью собственной идентичности. Этому, надо признать, в немалой степени способствовало развитие науки и культуры. Создание глобального эксперимента по созданию новой формации граждан – «советского народа» — провалилось. Шли очень интенсивные, сложные процессы, но казахи не перестали быть казахами, не перестали ощущать единства своей судьбы, единства своей традиции, культуры, языка. Шла бешеная мимикрия под советское, культура и искусство, наука и образование довольно успешно выполняли роль советизатора, ассимилизатора казахов. Но даже то, что ассимиляция шла на казахском языке, обеспечило минимальную передачу культурных кодов, традиции, исторической памяти, культуры, основ религиозной культуры.

Мое другое убеждение заключается в том, что Советский Союз был обречен. Его развал случился бы в любом случае в силу незыблемых исторических процессов, связанных с развитием и падением империй. Повторяюсь: никакой особой, уникальной советской или евразийской нации не было, нет и не будет. Любая попытка искусственно подогреть, усилить евразийскость, под которой в любом ее виде надо понимать неоимперский дискурс (неважно какой, кем, при каких условиях порожденный), будет вести к обратному от ожидаемого результату.

«Казахская нация» или «постсоветско-казахская нация»?

Итак, в 1990 году Казахстан провозгласил свой государственный суверенитет, в 1991 году Казахстан провозгласил свою государственную Неза-

висимость — оба документа провозглашали идеи казахского национального государства. Если многие современные постсоветские нации столкнулись с крупными этническими и внутренними социальными конфликтами уже в ходе или после провозглашения своего суверенитета, в Казахстане это произошло ранее – в 1986 году. Это обстоятельство на долгие годы отодвинуло ротацию правящих элит, не привело к приходу к власти представителей национально-освободительного движения.

В первое десятилетие Независимости властям вообще не было дела до метафизических, экзистенциальных устремлений и мечтаний своих граждан. Люди же попросту выживали и приспосабливались к рыночной экономике. Второе десятилетие Независимости наше общество в полной мере начало сталкиваться с последствиями десятилетия бездуховности, наложенного на период советского застоя, который был главным университетом безыдейности, бездуховности и разложения (в этом плане сегодняшняя коррупция не новое явление, а продолжение советской коррупции). Главным и основным стало отсутствие того, что мы называем ценностями, моралью общества. Отсутствие ценностей развратило и элиту, и общество, это уже имело следствием и коррупцию, и воровство, и разложение, и суициды. Вторым следствием, которое сегодня пугает элиты, стал рост религиозного радикализма и экстремизма. В условиях культурного и духовного вакуума люди попросту стали искать альтернативы: богатые и состоятельные уезжали в миграцию, а небогатые и бедные стали уходить в миграцию духовную.

Человеческое сообщество, любой человеческий коллектив — это организмы, которые вообще не могут терпеть вакуум, не приемлют вакуума. Если длительный вакуум середины XIX века привел на историческую арену Абая и поколение Алашорды, то вакуум начала 2000-х привел к аналогичным исканиям. Собственно, отсюда берет начало и новый рост казахского национализма начала нулевых. Альтернативы же, которые предлагала власть, уже не могли и не могут в полной мере удовлетворять все население. И все идеологические концепции власти последнего времени имеют два существенных изъяна: первый – они не содержат ценности, мораль, второй – они не удовлетворяют либо казахов, либо русских.

Почему сегодня важно ответить на вопрос «кто мы?»

Между тем надо понимать, что попытки России в том или ином виде воссоздать или сохранить свое влияние на постсовке также стали катализатором многих дискуссий. Идея создания Таможенного, а потом Евразийского союзов, как мы и говорили, были и есть проектами политическими, неоимперскими. Россия из гаранта безопасности региона превратилась в главную угрозу безопасности региона, одного из главных потенциальных дестабилизаторов ситуации. Это уже испугало сами властные элиты, которые сегодня ищут всевозможные пути как сохранения режима, так и укрепления государственных институтов. Оказалось, что нельзя расти и развиваться, не отвечая на сущностные, смысловые вопросы. Даже идеологема «Сначала – экономика, а потом — политика» оказалась малопригодной. Даже чтобы реализовать новый слоган власти, который сводится к формуле «Сначала — сильное государство и экономика, а потом — политика», политика необходима. Ибо вопросы «Кто мы?», «Куда мы идем?» являются априори вопросами политическими. Сильное государство нельзя создать без сильного общества! Сильное государство нельзя создать на базе страха! Сильное государство нельзя создать в условиях, когда значительная часть общества нелояльно и даже не разделяет идеи сильного независимого государства! Политика, как правило, идет в информационном или символическом пространствах. И все события, все холивары, все вбросы последнего времени подтверждают правоту данного тезиса.

Сегодня Казахстан вступает в уникальный период своей истории, который я и другие мои коллеги называем вторым этапом борьбы за национальную независимость и государственность. Заканчивается этап начального накопления капиталов, после которого должны устояться нормальные капиталистические правила игры, появится национальный капитал и буржуазия нового типа. Самые большие состояния делались и делаются во время развала и строительства государства. Развал СССР завершается, завершается и первый постсоветский этап строительства независимого государства. Совпадение этих фаз, их сочетание могут породить как новые проблемы, так и новые возможности. Задача в том, чтобы умножить плюсы и возможности, минимизировать минусы и угрозы. Получится ли это у нас? Хочется верить, что получится.

Наконец, кто мы?

Один из главных вопросов, который сегодня вызывает наибольшие споры, сводится к одному: кто мы? Мы — казахская нация или казахстанская нация?

Я считаю, что само понятие «казахстанская нация» является попыткой заретушировать понятие «постсоветско-казахская» нация. Является ли эта попытка удачной? Для меня и многих моих коллег – явно нет. Хотя бы потому, что она сущностно неверна, вызывает ожесточенные споры и сама по себе ведет к конфликту.

Мы должны, обязаны строить «казахскую нацию», созидать «казахское национальное государство». Это правильно не только с точки зрения филологии, но и с точки зрения истории. Это правильно с точки зрения закона – основополагающих документов страны: Декларации о государственном суверенитете и Закона о государственной Независимости. Напомню, что эти два документа, тексты которых непросто найти даже на сайтах государственных органов, прямо говорят о том, что все законы, Конституция, которые должны быть приняты на их основе, должны соответствовать их букве и духу, либо они не будут иметь легитимности и могут быть отменены.

Но что такое «казахская нация»? Означает ли это, что все граждане страны, кроме казахов, будут дискриминированы? Нет, еще раз нет. Нас часто обвиняют в том, что мы являемся сторонниками этнических эксклюзий, создания этнократического государства. Это неправда. Но почему так происходит? Мне кажется, одна из главных проблем заключается в том, что мы еще не прошли через процесс деколонизации и детоталитаризации. В советский период «националист» — это был противник Империи, член национально-освободительного движения. «Националистами» звали также ксенофобов и шовинистов. Так почему мы до сих пор используем старые термины для обозначения новых понятий и явлений? Я полагаю, что это делается сегодня сознательно, чтобы скрыть собственные страхи и фобии.

Эти вот ожесточенные споры сегодня тормозят наше общество. Они мешают выработать позитивную программу казахского национализма, поскольку эти споры отнимают много сил и энергии. Между тем уже сегодня необходимо самым серьезным образом задуматься и сделать апгрейд казахского дискурса. Это не означает пересмотра или отказа от базовых ценностей. Это означает разворот в сторону будущего, это означает модернизацию казахского дискурса, это означает больший учет мнений запросов этнических диаспор и меньшинств. Идея «Мәңгілік ел» хороша, но ее надо наполнить подлинно казахским содержанием. И до тех пор, пока мы не будем иметь перед собой не только развернутую карту легендарного будущего, но и приемлемого для всех будущего, содержательные аспекты будут писаться всеми, но только не гражданами Казахстана.

По большому счету, сегодня существует два Казахстана – растущий и набирающий силу казахскоязычный Казахстан и сжимающийся, в силу естественных причин, русскоязычный Казахстан. Так называемая модель «плавильного котла» не работает. Модель эта предполагает, что компоненты, которые варятся в общем котле, имеют примерно схожие потенции и огнеупорность. Но в нашем случае наиболее огнестойким «материалом» являются лишь казахи, остальные попросту не выдерживают высоких демографических и иных температур. Образно говоря, существуют две модели национально-государственного строительства. Первый – «металлургический», второй – «архитектурно-строительный». Так вот, «металлургическая» модель проиграла.

Два несоприкасающихся и малосообщающихся между собой «мира» для одного государства – это очень много. Есть очень много исторических и иных водоразделов. Власти, конечно, пытаются ограничить исторические просторы и горизонты последним двадцатилетием, которое, по мнению чиновников, менее конфликтно. Но даже это двадцатилетие –небеспроблемно. Уже само отрицание исторического пути вызывает недовольство в казахской среде. А если идти в глубины истории, то там мы увидим гораздо более «проблемные участки», которые мало способствуют укреплению «межнационального согласия» в трактовке власти. Казахи – очень молодая нация, которая только-только начинает ощупывать и ощущать свои границы. Процесс исторических метаний и блужданий в потемках близится к завершению.

Мы, согласно Конституции, – унитарное государство, но Казахстан никогда уже не будет моноэтническим государством. В силу исторических и демографических причин, причин естественных, Казахстан будет становиться этнически менее сложным, а в будущем – и более однородным государством, с преобладанием тюрко-мусульманского компонента. Уже через 10 лет тюрко-мусульмане будут составлять 80-85 и более процентов населения страны, так как в длительной перспективе наиболее крупными этническими группами, после казахов, будут узбеки, уйгуры и др. А это уже будет совсем другое общество, чем сегодня. К этому обществу тоже необходимо готовиться загодя, настраивать правильные опции и дружественный интерфейс, находить хорошие модели взаимодействия сегодня, чтобы завтра множить и тиражировать.

Объекты и субъекты гендерных условностей

Диана Кудайбергенова
Университет Кэмбриджа

В 1996 году Катрин Вердери написала, что социализм «пообещал трудящимся достоинство и свободу, женщинам – равную оплату за равный труд, а национальным меньшинствам – равные права в государстве». «Этими обещаниями, - продолжала она, - социалистам удалось привлечь внимание к главным проблемам, которые не были решены в рамках капиталистических либеральных демократий»[50]. Упорство советской власти в обеспечении равенства и освобождении женщин в «отсталых» колониальных окраинах Центральной Азии, а также в остальных регионах Советского Союза напрямую повлияло на то, как женщины были советизированы. Но что же произошло с идеей эмансипации после развала СССР? И как процесс восприятия женщин как «женщин» и как объекта (а не субъекта) эмансипации повлиял на то, как гендерные перспективы выжили в постсоветскую эпоху гендерных условностей?

В этом кратком эссе я попытаюсь проанализировать двойной подход советской власти в ее попытке объективизировать половую идентичность, а также стремление постсоветских государств продолжить аналогичную политику социального и гендерного согласования. В обоих этих случаях различия гендерного характера (биологические, статусные, экономические и даже социально-психологические) внедрены в восприятие власти и государственной власти при разделении людей на основании их «половой идентичности» и гендерных различий. Женщины, представленные в литературе, искусстве, пропаганде и СМИ, играют важную роль в этом разделении и государственных возможностях. Как отметила Чой Чатерджи[51]:

«В публикациях общественного характера советская женщина была превращена из объекта в субъект, лишенный исторической пассивности и наделенный могучим потенциалом для деятельности. Женские жизни излагались синхронно, с кодом, где преобразование женского характера через революции и пространства являлось главным организационным принципом».

Если советская власть явно разделяла мужчин и женщин, главным образом делая из женщин «объект» эмансипации, то постсоветские государства пытаются поддержать эту политику гендерного разделения, а также обеспечить «гендерное равенство». Однако в результате женщины оставались вне политической жизни и государственных структур, вместо этого им была отведена роль «символического представительства» в рамках декларированного равенства. Как и «советская власть, которая обещала свободу и равенство, но не выполнила свое обещание»[52], современные государства Центральной Азии продекларировали курс на гендерное равенство, но на самом деле неравенство растет и расширяется с каждым годом.

Более того, современные государства, как и советская власть, даже не пытаются поставить во главу угла вопрос о представительстве женщин на национальном и государственном уровне. Это продукт официального воззрения, сформированного мужским доминированием, в рамках которого женское начало игнорируется представителями мужского пола, заседающими в высоких кабинетах, где формируется, цензурируется, редактируется и подается общественности официальная концепция национального единства. В постсоветской Центральной Азии, несмотря на призывы к гендерному равенству, в сфере общественной жизни доминируют мужчины.

Доводы вновь созданного аллегорического этноисторического мифа заложили основу нового постсоветского дискурса государственной культуры (на постсоветском пространстве). Националистические монументы такого типа (мужчины-завоеватели) воздвигнуты во многих новых государствах на волне эйфории по поводу (постсоветской) независимости. Эти памятники обычно носят театрально-пафосный характер и по сути своей эклектичны; они воспроизводят классическое европейское монументальное искусство, они продукт мегаломании и их невозможно оценить как произведения искусства, скорее как продукт политического решения (или прихоти). В памятниках такого рода (мужчина-завоеватель и доминирующая фигура) отражается определенный этап государственного строительства – национализм как государственный

50 Katherine Verdery, «What Was Socialism, and What Comes Next?», Princeton Press, 1996, p. 330

51 Choi Chatterjee, «Gender, Festival Culture, and Bolshevik Ideology, 1910–1939», University of Pittsburg Press, 2002, p.4

институт, который, наверное, является необходимым элементом компенсаторной практики (государства) для преодоления комплекса неполноценности. Хотя это и не является лучшим проявлением высокого искусства, но это все же и не самый агрессивный способ решения вопроса [постсоветского государственного строительства Казахстана][53].

Это повседневное бытовое влияние монументального национализма и гендерных норм национализма до сих пор сказывается на повседневной жизни граждан и гражданок постсоветских государств, причем не только Центральной Азии. Вот почему националистический гендерный дискурс постсоветской эпохи столь же важен, как и советское наследие, которое существенно повлияло на его развитие. Такой «банально-националистический» подход к вопросу о занятии крупных постов и иерархии мужчин и женщин также влияет на процесс «возврата к традиционализму», который сказывается на гендерных условностях и восприятиях. Когда весной 2016 года в казахстанских социальных сетях разразилась серия скандалов (из-за накинутого платка на статую женщины в Астане и обнаженных фото блоггеров-феминисток) националистические взгляды, основанные на банальности и устоявшихся нормах гендерной иерархии, сыграли важную роль в осуждении «нетрадиционного» поведения. Выражавшие эту точку зрения утверждали, что «настоящая казашка» не должна вести себя так, ибо она навлекает позор на свою страну и компрометирует всю нацию. И хотя многие феминистки активно отвергают и критикуют в сетях и в других СМИ этот устаревший довод, он продолжает влиять на процесс принятия решений как на индивидуальном, так и на коллективном уровне, и в сельской местности, и в больших городах Центральной Азии одинаково. Дискурс ретрадиционализма в сочетании с банальным национализмом, который продолжает продвигать единственное восприятие гендерного различия на «мужчин» и «женщин», влияет на всю систему социальных и культурных отношений, вмешивая и защищая «субъектов» этого спора в многочисленных конфликтных ситуациях. Я имею в виду всякого рода домогательства и притеснения, если «тело» и «идентичность» человека не вписываются в рамки гендерных представлений и гендерных условностей сторонников возврата к традиционализму, которые опираются на гендерный дискурс государства.

В свою очередь, границы «уместного и неуместного» постоянно сдвигаются, завися от контекста, интересов и власти того, кто навязывает подобного рода оценки. В сущности, это очень опасный контекст, в рамках которого любой человек (группа людей) может объективизировать другого на основании провозглашенной государством «задачи «ретрадиционализации общества»[54]. Это отрицательно сказывается на самых уязвимых группах – не только на женщинах, которые, согласно традиции (хотя эти традиции изобретаются и изменяются на ходу), должны не только заниматься «воспроизводством нации» и сохранением ее «святости», но и хранить честь нации в своих телах. Но также сказывается и на других группах, которые всячески сопротивляются государственному и общественному дискурсу ретрадиционализации, например, на лицах нетрадиционной сексуальной ориентации, которые «замалчиваются» или вытесняются на обочину общественной жизни, притесняемые и осуждаемые. Предание гласности (посредством социальных сетей) случаев притеснения этих групп со стороны полиции влияет на их объективизацию. Возврат к традиционализму все ближе подбирается к сфере частной жизни, а также заполняет свободные СМИ, навязывая эти идеи и вводя ограничения, связанные с гендерным контролем даже в глобализированной сфере социальных медиа.

После развала Советского Союза и последующей национализации государств, режимов, обществ и публичных сфер гендерные условности, определяющие объект на основании превращения его или ее в субъект своего гендерного фактора, были лишены действующих лиц. Новая реальность, в которой утверждаются национализм и возврат к традиционализму, не оставляет никакого пространства для различий, плюрализма и сопротивления.

53 Валерия Ибраева, «Искусство Казахстана в постсоветский период», Алматы, 2014, стр. 52-53.

54 Juliette Cleuziou, Lucia Direnberger, «Gender and nation in post-Soviet Central Asia: from national narratives to women's practices», Nationalities Papers, Volume 44, Number 2, 3 March 2016, p. 196.

Один шаг вперед, два шага назад: 25 лет прав женщин Туркменистана

Айнабат Яйлымова
Основатель и редактор Saglyk.info

Несмотря на то, что в советское время не все было идеально, этот период рассматривается многими как «золотой век прав женщин», так как туркменские женщины и девочки имели доступ к равному и качественному образованию, профессиональному развитию, а позже получили значительную поддержку по уходу за детьми со стороны государства. На протяжении последних 25 лет в личной и общественной жизни туркменских женщин происходят изменения. Эти изменения не освещаются в заголовках новостей. Они не выделяются на фоне более значимых изменений в Туркменистане. Сегодня у туркменских женщин меньше образовательных возможностей, и они вынуждены работать в нескольких местах. В стране широко распространено гендерное насилие, наблюдается низкий уровень услуг в сфере планирования семьи и падает уровень государственной поддержки. Трудности, с которыми сегодня сталкиваются туркменские женщины, мало обсуждаются в обществе. Международные и независимые туркменские организации, занимающиеся вопросами женщин, малочисленны. Статистические данные редко доступны.

Контекст: Туркменчилик, ислам и западный консьюмеризм

После распада Советского Союза в 1991 году вместе с возвращением традиционных гендерных стереотипов туркменские женщины стали терять позиции. С крахом советских социалистических ценностей и ослаблением государственной поддержки вакуум стали заполнять интерпретации туркменчилик, ислама и новые стремления к получению материальных благ, движимые западным консьюмеризмом. Уровень «туркменности» определяется преданностью туркменским традициям и культурным практикам. Интерпретации этого понятия у каждого свои.

Государственная политика способствовала возвращению старомодных или традиционных идей о женщине и поддерживает традиционные гендерные стереотипы. Например, традиционное туркменское платье стало обязательной формой в государственных органах и школах. В свою очередь, мужчины могут одеваться на западный манер. В социальных медиа ведутся споры о значимости и ценности туркменского традиционного платья как показателя идентичности и скромности девочек и женщин. На поверхности это выглядит как занятная возможность призвать туркменских женщин надеть красивые длинные платья в поддержку «туркменности», но, по сути, это вопрос о независимости туркменских женщин и уважении их выбора.

Традиция приданого «galyň» в том виде, в котором она практикуется сегодня, обременяет семью жениха огромным долгом и способствует гендерному неравенству, бытовому насилию и росту стереотипов в туркменском обществе. Примечательно, что традиция «galyň», против которого в советское время велась яростная борьба, вернулась в туркменское общество в настораживающей форме, в которой восхваляется культура показного потребления.

Поворот в сторону традиционного усугублен параллельно возрождающимся исламом в Туркменистане. Трудно сказать, сколько турменских исламских ученых принимают и поддерживают равные права женщин и мужчин в исламе. Вакуум знаний в этой сфере заполняют различные интерпретации. Сейчас нетрудно встретить туркменского молодого мужчину, утверждающего, что в исламе женщина находится в подчиненном положении у мужчины, и женщины должны быть управляемы и низведены до роли хорошей матери и хозяйки.

С ростом потребительского среднего класса в Туркменистане ненасытное увлечение последними трендами в сегменте модной одежды, электроники, автомобилей и жилья стало распространенной практикой и даже нормой. Международные средства массовой информации рассматривают женщин как объект, ее нужды и желания - как удовлетворимые приобретением красивых вещиц. Это приносит больше вреда положению женщин, чем пользы. Такая погоня за материальным отвлекает внимание от острых структурных проблем, с которыми сталкиваются женщины, от проблемы ограниченных возможностей, выводя на первый план поверхностные изменения, привносимые очередным макияжем или платьем. Это также усугубляет гендерный стереотип, согласно которому женщины все больше воспринимаются туркменскими мужчинами как «соблазнительницы», ищущие покровителя для удовлетворения своих потребительских желаний.

В советское время было легче быть женщиной

Согласно Отчету ПРООН о человеческом развитии 2015 года, Туркменистан находится на 109 месте из 188. Несмотря на то, что Туркменистан не

рассматривался в индексе гендерного неравенства, можно наблюдать глубоко укорененные в обществе патриархальные взгляды. Туркменские женщины отстают от мужчин в уровне образования и в распределении рабочей силы, где 47% составляют женщины и 77% - мужчины.

Образование

Несмотря на то, что начальное образование доступно для туркменских девочек, у них мало возможностей продолжать обучение в дальнейшем. Высшее образование в туркменских университетах недоступно для многих девочек (чего не наблюдалось в советские времена). Многодетные семьи, решая проблему обучения детей, отдают предпочтение сыновьям. Положительным моментом является то, что в обществе все больше принимается за норму, чтобы девочка могла отправиться за границу с разрешения родителей для получения там образования, вразрез сильной культурной традиции, не позволявшей девочкам покидать дом до брака. Это один из немногих прогрессивных шагов, сделанных за период независимости. Таким образом, некоторые молодые женщины, в особенности те, у кого есть средства и большое стремление, получают образование за пределами страны. Однако, по большому счету, ограниченные образовательные возможности приводят к тому, что каждое последующее поколение туркменских матерей все меньше подходит на роль примера для подражания для своих дочерей в отношении образования и профессионального развития.

Для многих туркменских молодых женщин откладывание замужества неприемлемо, ввиду ограниченных возможностей образования и трудоустройства. Это вносит значимый вклад в развитие культа замужества и чистоты в туркменском обществе, что делает «целомудрие» и поиск девственной невесты центральной темой современных обсуждений на молодежных площадках.

Экономические возможности

Обремененные стереотипами и строго предписанными гендерными ролями, туркменские женщины сталкиваются с экономическими трудностями. Многие несут на себе бремя главного кормильца в семье. Поразительно, что от женщины ожидается выполнение функций домохозяйки и в то же время кормильца семьи. Эта экономическая реальность отразилась на динамике внутри туркменских семей и концепциях мужественности и женственности. В некоторых семьях мужчина является безработным, тогда как женщина работает в нескольких местах. В редких случаях, когда безработные мужчины помогают по уходу за детьми и выполняют домашние работы, это считается не «по-туркменски» и глубоко травмирует большинство туркменских мужчин.

В большинстве случаев женщины работают в местах с фиксированным временем, заняты тяжелым трудом, вовлечены в обязательные, неоплачиваемые государственные общественные работы, такие как марши, общественные уборки, сбор хлопка, которые занимают много и без того ограниченного времени и оставляют мало возможности для общения с семьей. Все это создает большой стресс и тяготит женщин, поэтому и отражается на их физическом и психологическом здоровье.

В результате высокого уровня безработицы женщины становятся частными предпринимателями – занимаются торговлей импортной продукцией, мигрируют в соседние страны – Турцию и Россию для выполнения труда разнорабочих и в сфере услуг. Это привело к разделению семьи: матери оставляют своих детей и, таким образом, создают поколение оставленных детей. Появляются женщины, которые говорят о негативном и травмирующем влиянии такого разделения семьи на их собственные жизни и жизни их детей, хотя точное количество таких женщин трудно определить.

Государственная социальная поддержка и механизмы социального вовлечения

Государство ввело медицинское страхование и платное медицинское обслуживание в 1995 году. Предотвращение распространения болезней и доступ к ряду бесплатных медицинских услуг значительно ухудшились. Бывший президент Ниязов отменил почти все виды государственной поддержки для матерей. Президент Бердымухамедов восстановил некоторые формы государственной поддержки для матерей с детьми. Мать с ребенком получает около 45 долларов США ежемесячно за ребенка до достижения им трехлетнего возраста. Матерям гарантирован неоплачиваемый трехгодичный отпуск. Доступные службы по уходу за детьми существуют в крупных городах, но в сельской местности такие службы отсутсвуют.

В советское время проводились форумы для изучения проблем и трудностей женщин с вовлечением в них туркменской общественности. Женские советы с общественным участием прекратили существование в независимом Туркменистане. Среднестатистическая туркменская женщина не в состоянии назвать ни одной общественой группы или организации, по-настоящему работающей в деле продвижения прав женщин. Отсутствие площадок для истинного общественного участия создает атмосферу секретности вокруг основных общественных вопросов здоровья и информации,

касающихся прав женщин. В результате многие женщины остаются в неведении или неверно информированы об основных общественных угрозах.

Бытовое насилие: внутрисемейное дело

Официальной статистики об уровне бытового насилия в Туркменистане не существует, но местные и международные наблюдатели отмечают широкое распространение этой проблемы. Несмотря на существование законов, запрещающих подобные практики, в стране широко распространены случаи физического, сексуального, словесного насилия и домогательства. Случаи насилия не освещаются в средствах массовой информации, и неизвестно, какое количество случаев проходит через судебную систему, погрязшую в бюрократии. Жертвы бытового насилия испытывают чувство вины, на котором откладываются глубоко укорененные общественные предрассудки. Большинство туркменских женщин не желают выносить проблемы своей семьи за пределы дома, такие проблемы рассматриваются как внутрисемейные. В обществе нет всеобщего понимания того, что насилие над женщиной является общественной проблемой, которая влечет серьезные негативные последствия для женского физического, морального и репродуктивного здоровья.

Доступ к информации о планировании семьи и сексуальном здоровье

Как и во многих странах, в настоящее время туркменские женщины имеют меньше детей, чем четыре десятилетия назад, когда уровень фертильности составлял 6,2 ребенка на женщину. Причиной таких изменений стало использование туркменскими женщинами средств контрацепции. На сегодняшний день уровень фертильности составляет 2,3 ребенка на женщину. Согласно неофициальным отчетам, в последнее время наблюдается резкий рост рождаемости и в городской, и в сельской местностях в результате того, что на приемах у гинекологов поощряется рождение большего количества детей, и врачи отговаривают женщин от абортов. Существуют данные о том, что врачи не вызываются проводить работу по распространению информации о методах контрацепции. Похоже, что вопрос планирования семьи в Туркменистане встал на службу государственной политики по повышению населения страны.

Начиная с августа 2015 года, аборт разрешается только в первые пять недель беременности. В случае, если женщина желает сделать аборт после этого срока, необходимо будет отчитаться в специальном медицинском комитете клиники, где будет принято решение о прекращении беременности при наличии социальных проблем, таких как бедность, безработное положение супруга или употребление наркотиков. Согласно распространенному мнению, такая система создает еще больше возможностей для взяточничества (уже укоренившейся проблемы в Туркменистане). Неизвестно, как повышенная рождаемость вкупе с низкими образовательными и экономическими возможностями отразится на продолжительности жизни женщин, и принесет ли она пользу здоровью и образованию их детей.

Понятие о гендерных социальных нормах на тему сексуальности туркменские девочки и мальчики приобретают в семье и сообществе, и это отражается на их взрослой жизни. В туркменской культуре женщинам не принято знать «слишком много» о сексуальности. Проявлять сексуальную активность для мальчиков и девочек признается позором. Предрассудки и нормы вокруг непорочности не дают возможности туркменской молодежи узнавать информацию об анатомии, сексуальности, отношениях и контрацепции. Существует нехватка непредвзятой научной, легко усваиваемой информации на эти темы на туркменском языке.

На веб-сайте www.saglyk.info блогеры предоставляют доступ к информации на смежные темы, касающиеся гендерного равенства, сексуального образования, женского сексуального и репродуктивного здоровья, культурно табуированных тем и воздействию туркменских традиций на здоровье общества. Saglyk.info – это первый и единственный веб-сайт, содержащий достоверную информацию об общественном здоровье на туркменском языке.

Социальные запреты вокруг этих тем, низкий уровень осведомленности и отсутствие достаточно финансируемых и осуществленных программ глубоко влияют на фертильность, сексуальное и репродуктивное здоровье туркменских женщин. Это также способствует высокому уровню смертности матери и ребенка. Уровень смертности матери составляет 61 на 100 000 родов. По уровню смертности матерей в Центральной Азии Туркменистан уступает только Кыргызстану. Уровень смертности детей до пяти лет составляет 55 на 1 000 – это самый высокий уровень в Центральной Азии. Причиной такой трагической ситуации служат низкий уровень знаний о здоровье среди населения, слабое исполнение существующих законов, низкий уровень общественной вовлеченности и коррупция.

Вредные привычки питания и ухудшение окружающей среды, включая высокое загрязнение воздуха и воды в стране, создают опасную ситуацию. Большинство молодых женщин детородного возраста страдают от предотвратимой проблемы анемии и нехватки йода. Специальные медицинские отчеты

содержат информацию о возрастающем уровне невынашивания беременности и мертворожденных детей. Согласно IFPRI's Global Nutrition Report, 55% туркменских женщин страдают от лишнего веса, 23% из них страдают от ожирения, что отражает переход к переработанной западной пище. Существуют серьезные общественные угрозы для здоровья туркменских женщин, их детей и будущего.

Взгляд в будущее: перейти к конкретным делам от «иншаллах»!

Осуществление большого сдвига в жизни туркменских женщин требует огромных изменений в сознании туркмен. В ближайшие 10 лет туркменские женщины и мужчины должны осознать трудности и действовать для создания альтернативных моделей мышления и поведения, ценностей и подходов относительно женщин, которые составляют половину населения страны. Если этого не случится, у наших дочерей будет меньше возможностей по выбору доступа к образованию, выбору и принятию решения о своей жизни. Их возможности в общественной жизни уменьшатся. Это негативно отразится на продолжительности и качестве жизни многих туркменских женщин и девочек.

Более высокий уровень гендерного равноправия может быть достигнут путем создания государством общественных платформ для обсуждения женских трудностей и жизненных историй. Изменения необходимо начинать с самих туркменских женщин, осознания ими своих интересов и требования ими начать диалог для определения тех областей, в которых женские права продолжают ущемляться.

Одной из первых государственных инициатив должна стать регистрация независимых организаций и групп по защите прав женщин. Независимые организации должны рассматриваться как часть решения тех сложных вопросов, с которыми сталкиваются женщины сегодня. Восстановление и создание институтов типа женсоветов, адаптированных под традиции и нужды современного туркменского общества, будут первой ценной инициативой, благодаря которой туркменские женщины будут услышаны. Это будет возможностью организовать, мобилизовать и придать силы туркменским женщинам. Подход к решению проблем «снизу-вверх» может привести к более эффективным результатам и дать лучший повод для празднования 8 марта, международного женского дня, который остался на наших календарях с советских времен и остается любимым туркменами, невзирая на идеологические трансформации.

«Культурное наследие» Узбекистана и конструирование «коллективной памяти» в эпоху независимости[55]

Светлана Горшенина
Коллеж де Франс, Париж, Франция

«Культурное наследие» как сознательная политика

Подведение итогов 25-летнего существования независимого Узбекистана волею случая стало не просто юбилейным упражнением, связанным с притягательностью круглых дат. Смерть И.А. Каримова поставила точку в этом первом – теперь можно однозначно сказать, «каримовском» – периоде существования независимого Узбекистана. Она же отчетливо показала, насколько поляризовано узбекистанское общество в своем отношении к первому президенту страны: с одной стороны, официальные, верноподданические дифирамбы вперемежку с «благодарностями вопреки» узбекистанской интеллигенции, с другой – жесткие оценки деятельности диктатора и выстроенного им авторитарного режима.

За этими взаимоисключающими оценками угадываются различные траектории жизней, отмеченные особой «индивидуальной памятью». Их простое арифметическое сложение вряд ли даст в сумме некую единую «коллективную память». Вместе с тем ее выработка была одной из основных задач каримовского режима: не один десяток программ был нацелен на формирование вокруг нескольких государственных символов специфически-узбекистанского «культурного наследия», которое должно было стать солидной базой этой самой «коллективной памяти» узбекистанцев.

55 Статья, в качестве программного документа, была опубликована Обсерваторией «Alerte Héritage: в защиту центрально-азиатского культурного наследия» *http://heritalert.wixsite.com/alert/tekst-1-sg*

Поясним, что, в отличие от укоренившегося в республике представления о «культурном наследии» как некой данности, присущей Узбекистану изначально и «объективно» отражающей «великую историю» страны и «национальный менталитет» ее населения, мы, приняв базовую идею *Critical Heritage Studies,* понимаем «культурное наследие» как некую конструкцию, которая не является «исконной», но представляет собой результат направленных действий некоего контингента людей, движимых специфическими эстетическими, интеллектуальными и политическими идеями. Подобное действие, которое превращает некие артефакты, лишенные каких-либо конкретных дефиниций, в «памятники», а затем и в «культурное наследие», определяется во франкоязычных исследованиях начиная с 1990-х годов как патримониализация (patrimonialisation), эквивалентом которой в англоязычной литературе используются такие выражения, как *invention of heritage, practices of heritage-making или processes of listing, conservation and heritage management,* в то время как германоязычная научная традиция подчеркивает идею «сохранения памятников» – *Denkmal-* и *Heimatbewegung,* – которая доминирует в общем концепте, связанном с «памятниками» *(Denkmalbegriff или Kulturerbe).*

Признавая «сконструированный» характер «культурного наследия», подчеркнем также, что конечный продукт этой деятельности, несмотря на канонизацию корпуса «культурного наследия» в виде всевозможных официально утвержденных списков, начиная со списка «Всемирного культурного наследия» ЮНЕСКО, является, по сути, «бриколажем»: в его генезисе можно увидеть следы как политических программ – имперских или национальных, так и личных устремлений. Вместе с тем эта конструкция обладает невероятной устойчивостью: объект, единожды попав в список «культурного наследия», впоследствии его практически никогда не покидает.

Именно эта особенность «культурного наследия» – существование в «длительном времени» – делает интересным анализ результатов 25 лет патримониальной деятельности каримовского режима, усилия которого, с одной стороны, были направлены на уничтожение «неугодных» элементов прошлого, с другой – на гипертрофированное выпячивание избранных властью отдельных исторических эпизодов и связанных с ними артефактов, трансформируемых в общенациональные символы.

Подчеркнем, что, говоря здесь о «культурном наследии», мы ограничиваем наш анализ рамками *материального культурного наследия в его официальной редакции* (т.е. прошедшего через утверждение государственными структурами и поддерживаемого государственными программами). Природные памятники и нематериальное наследие – от устной литературы до гастрономических традиций – остаются за его рамками, как и то, что соотносится с неофициальным наследием, как, например, народные обычаи.

Патримониалистическая деятельность И. А. Каримова: «культурное наследие» и «узбекская идентичность»

Будучи первым президентом независимого Узбекистана, Каримов с первых же лет правления преследовал в своей культурной политике двоякую цель. С одной стороны, он желал перечеркнуть российско-имперское наследие, как царское, так и советское, объединяемое в единое «травматическое прошлое» без нюансирования различий этих двух политических эпох. С другой стороны, он намечал выработать и укоренить «собственно узбекистанские» – или выдаваемые за таковые – культурные ценности, которые должны были быть трансформированы в узнаваемые символы. Предполагалось, что каждый житель Узбекистана мог бы себя легко идентифицировать с этим избранным рядом, который логично вписывался бы в текущие политические программы. Согласно этому плану, выработка «узбекской культурной идентичности» была начата в постсоветском Узбекистане сразу после декларации независимости и одновременно по нескольким направлениям.

Переписывание истории с оглядкой на идею национальной независимости, с опорой на ряд правительственных постановлений (см., в частности, президентское постановление от 27 января 2012 года «О создании Общественного совета по новейшей истории Узбекистана при Министерстве высшего и среднего специального образования») и на «основополагающие» работы президента, привело к изъятию или к максимальному сокращению целых пластов истории, связанных с российско-советским присутствием в Средней Азии на уровне школьных и вузовских учебников, академических исследований и популярных изданий, музейных экспозиций и телепередач. В этом контексте новыми темами умолчания – полного или частичного – стали напряженные политические отношения накануне российского завоевания между туркестанскими ханствами, так называемое «басмаческое движение», национальное размежевание 1924-1936 годов, роль Узбекистана во второй мировой войне и в хрущевско-брежневский период его пребывания в рамках СССР. В противовес этому отдельные эпизоды новой среднеазиатской истории – как,

например, движение джадидов – вписаны отныне в исторический нарратив гипертрофированным горельфом, оставляя практически не прописанным как кадимизм, бывший гораздо более влиятельным религиозно-интеллектуальным направлением, так и деятельность разного рода революционных социалистов-прогрессистов неавтохтонного происхождения. В отношении древних и средневековых периодов столь же идеологизированный и избирательный подход обеспечил выборку новых протагонистов и ключевых эпизодов: череда юбилеев, подкрепленная дорогостоящими государственными программами, сформировала, с одной стороны, пантеон «великих предков узбекского народа», к которым, начиная с Амира Тимура, Алишера Навои, Кемаледдина Бехзада, Улугбека и Бахауддина Накшбанда, символически должна была восходить узбекская нация. С другой стороны, помпезные празднования тысячелетних годовщин городов – Самарканда, Термеза, Ташкента, Бухары и других, словно состязающихся в древности – были призваны подчеркнуть важность узбекской лепты «в развитие мировой цивилизации».

Параллельно процессу создания новой национальной истории шло уничтожение старой, российско-имперско-советской: из библиотек всех уровней в течение многих лет изымались издания царского и советского времен, начиная от карт, статистических таблиц, описаний путешествий до работ по археологии, литературе, истории и географии. Переезд в 2003 году Национальной библиотеки имени А. Навои из капитального исторического здания на площади Мустаккилик в несколько непритязательных помещений[56], разбросанных между этой же площадью и сквером Амира Тимура, послужил идеальным предлогом для «чистки» фондов этого главного для Узбекистана книжного собрания; та же участь была уготована и крупнейшей библиотеке ТашГУ, как, впрочем, и другим, менее крупным, библиотекам страны. Книги, выбрасываемые из хранилищ, лишь частично попадали на свалку. Большая их часть оседала на полках многочисленных букинистических магазинов Ташкента, для которых конец 1990-х – первая половина 2000-х годов стали золотым временем: этикетки с баснословными ценами клеились прямо на библиотечные штампы и, доступные лишь иностранным исследователям и туристам, царско-советские книги широким потоком беспрепятственно уплывали за границу.

Вымарывание советского прошлого, все более и более ассоциируемого с «травмой», разворачивалось и в городском контексте. Начав с переименования улиц и площадей[57], бюрократические институции вскоре приступили к радикальной перекройке урбанистического ландшафта. Здания царского и советского времени, будь то образцы провинциального модерна XIX века или конструктивизма конца 1920-х – начала 1930-х годов, сносились или перелицовывались в новоизобретенном стиле, характеризуемом как «национальный»: его приметами стали темно-зеркальные окна, псевдоклассические архитектурные детали с ориентальными позолоченными элементами и вкраплениями мозаики, голубые купола и «восточные» аркады, бесчисленные мраморные облицовки и сталактитовые карнизы. Это, в частности, произошло почти со всеми зданиями, примыкающими к площади Мустаккилик в Ташкенте. Памятники, порожденные советской пропагандой, разрушались, и на их месте возникали галереи новых символов по примеру того, как скульптура Карла Маркса, напоминавшая горящий факел в центре ташкентского Сквера революции, трансформировалась в конный монумент Амира Тимура, венчающий отныне одноименный сквер. Перепланировались, реконструировались и радикально перестраивались площади, связанные с советской идеологией, такие, как площадь Ленина с аллеей Парадов и памятником Ленину, а также площадь Дружбы народов. Даже зеленые насаждения подверглись радикальным трансформациям. Столетние чинары ташкентского сквера, ассоциированные высшей властью с колониальными программами озеленения первого генерал-губернатора Туркестанского края К.П. фон Кауфмана, под предлогом болезни растений, вызванной внезапным нашествием паразитов, подлежали безжалостному уничтожению. Прецедент тотальной вырубки ташкентских деревьев повторился, с большим или меньшим размахом, на улицах, площадях и в парках провинциальных городов страны, от Самарканда до Ферганы: на их месте были разбиты регулярно высыхающие под солнцем газоны и посажены столь же мало адаптированные к среднеазиатскому климату хвойные деревца, которые муниципальные власти должны были время от времени подкрашивать в зеленый цвет.

Идеологическая работа по переформулированию «коллективной памяти» и присвоению

56 Предполагаемое новое здание библиотеки на углу проспектов Шарафа Рашидова и Навои так и не было достроено; впоследствии, к 2007 г., этот долгострой был завершен в качестве бизнес-центра Навоийского золотодобывающего комбината.

57 В этот же ряд надо поставить и переименование ряда советских праздников: например, 9 мая превратился из Дня победы в *День памяти и почестей,* весьма неопределенно связанный с идеологией независимости.

прошлого затронула и музеи, чья манера представления истории с использованием текстов, визуальных материалов и броских артефактов традиционно оценивалась властью как наиболее доходчивая. Переименование музеев было первым «необходимым» этапом: существование музея имени В.И. Ленина, главного музея республики в советскую эпоху, на фоне кристаллизации «узбекской идентичности» было бы идеологическим оксюмороном. Вслед за неизбежным переименованием последовали радикальные обновления музейных экспозиций, в которых период российского присутствия в Средней Азии был или сокращен до минимума, или полностью отсутствовал, уступив свое место, согласно логике умолчания и компромиссов, демонстрации гипертрофированно превозносимых достижений настоящего и нередко утопических планов «великого будущего». Затем в конце 1990-х – в 2000-х годах появился и ряд абсолютно новых музеев, отражавших исключительно «национальную идеологию», как, в частности, в Ташкенте Музей Тимуридов (1996), отсылающий к великой культуре предшествующих поколений, или Музей памяти жертв репрессий (2002), взывающий к близким по времени эмоциональным переживаниям и призванный способствовать восприятию независимости как закономерного освобождения от колониального ига. Вместе с этим появился и ряд новых художественных галерей, долженствующих представить узбекское искусство более «полноценно», в сравнении с тем, как оно представлялось в советское время. Это такие галереи, как, например, Галерея национального банка Узбекистана или Галерея изобразительного искусства Узбекистана при Академии художеств республики, а также ряд фондов, в частности Фонд Форум, работавший в области современного и традиционного искусства, Международный благотворительный фонд «Олтин мерос» и Ассоциация народных умельцев «Хунарманд», призванные возрождать и поддерживать традиционные ремесла и способствовать «активному развитию» современного искусства республики.

Выстраивание нового видения истории Узбекистана вызвало к жизни целый ряд проектов, связанных с музеефикацией крупных архитектурных комплексов. Желание использовать древние и средневековые памятники как символ «гения узбекского народа» во внутренней идеологии и в рамках мировой туристской индустрии привело к их диснейлендизации. Необдуманные, грубые реставрационные работы в Самарканде, Шахризябсе, Бухаре, Ташкенте и других городах, в результате которых новодел фактически поглотил собой средневековые сооружения, все чаще заставляют международных экспертов говорить об изъятии узбекистанских памятников из списка «мирового культурного наследия» ЮНЕСКО.

Противоречивые итоги и парадоксальные противоречия: существует ли угроза «культурному наследию» Узбекистана?

Поиски «героических предков» в далеком прошлом и отрицание наличия позитивных характеристик имперско-советского времени было свойственно не только Узбекистану, но и многим другим постсоветским странам, от республик Прибалтики и Украины до Грузии. Как и в некоторых других республиках, в Узбекистане формирование национальной идентичности и новой «коллективной памяти» осуществлялось с использованием старых, советских методов. Последние легко угадывались на уровне механизма их реализации: все проекты шли через бюрократический аппарат, подпитывались государственной идеологией, исключавшей какой-либо критический взгляд со стороны, и опирались на административно-государственные финансовые и технические ресурсы. Старательно изгоняемая «советскость» просматривалась и на уровне интеллектуальной или художественной интерпретации новых исторических концепций: в музейных экспозициях были задействованы, но в другом контексте, те же материалы, что были созданы советской пропагандой, введены в оборот советскими исследователями и апробированы советскими культурно-просветительскими учреждениями; те же интеллектуальные схемы представления истории, фразеологические штампы, восходящие к антиколониальной марксиской риторике 1920-1930-х годов и к панегирически-патриотическим бессмыслицам брежневского времени. «Советскость» просматривается и в городском пространстве: ориентализованные стилизации архитектурных элементов и симметричные «классицистские» композиции отсылают к эстетическим прототипам сталинской эпохи. Столь же очевидны в новой конструкции каримовского «культурного наследия» и отпечатки имперского времени: выбор большей части ключевых древних и средневековых памятников Узбекистана восходит к первым этапам конструирования «культурного наследия», инициированным еще Кауфманом в условиях колониальной имперской ситуации. «Длительное время», в котором формируется «культурное наследие», позволяет сосуществование этих разновременных элементов.

В то же время, подводя итог патримониалистической деятельности И.А. Каримова за 25 лет

независимости Узбекистана, невозможно обойти те опасности, которые угрожают «культурному наследию» страны, несмотря на то, что ее обходят стороной вооруженные конфликты и религиозный вандализм. Существуют обоснованные опасения, что в регионе возможно разграбление хранящихся в государственных музеях произведений искусства, продолжение разбазаривания архивов и «чисток» библиотек; многим объектам архитектуры (от средневековых памятников до модернистских сооружений советского времени) и археологии здесь реально угрожает гибель в рамках реализации программ городского благоустройства, экономического развития или бездумной реставрации. Появившись уже более 20 лет назад на интернациональном художественном рынке, культурное наследие Центральной Азии отныне воспринимается как источник дохода и является вожделенной целью для индивидуумов и организаций, связанных с международным трафиком художественных и культурных ценностей, примером чему могут служить недавние истории хищений в Ташкентском музее искусств и Ангренской галерее, а также кадровый скандал в Музее имени Савицкого в Нукусе. Уязвимость узбекских институций культуры и искусства усугубляется специфическим положением, свойственным всему постсоветскому пространству, где разрушение и расхищение культурного наследия происходят на фоне тотальной коррупции, нищеты и стремления руководителей новых независимых государств к радикальному переписыванию истории региона.

Культура Казахстана: In-between story

Александра Цай
Арт-куратор, Алматы, Казахстан

Область культуры и культурных практик в Казахстане была подвержена значительному влиянию и вмешательству со стороны советской власти на протяжении всего периода существования СССР. Помимо коллективизации и модернизации в 1930-х годах, советская власть провела в Казахстане насильственную седентаризацию, изменив образ жизни населения с кочевого на оседлый, что привело к огромным человеческим жертвам и изменило традиционный уклад жизни кочевников. Казахская культура и дальше испытывала значительное влияние советской власти и пропагандируемой ею идеологии. Оставляя в социальном поле понятие национальности, власть вторгалась в обычаи и традиции народов, проводила жесткую языковую политику. Поэтому после обретения независимости в начале 1990-х годов поиск новой национальной идентичности, отмежевание от советского, попытки возврата и воссоздания досоветских культурных кодов и практик стали одними из главных тем в процессах, происходящих в области культуры. Поиск, формирование и конструирование новой национальной идентичности, осмысление советского наследия и попытки выйти из него, обозначив появление нового государства, стремление встроиться в международное пространство – этими вопросами занималась и власть, и интеллектуальные элиты или творческие круги, дистанцирующиеся от официальной власти и ее повестки.

Официальное культурное пространство

Одним из важных событий для культуры Казахстана стал перенос столицы в Астану в 1998 году. Для культурного пространства событие стало важным, так как по замыслу властей новую столицу предстояло наделить и символической властью; проект Астаны призван был транслировать переход от советского периода к независимому Казахстану, олицетворять собой независимый Казахстан, его достижения, его участие в глобальных процессах, в том числе через появление в нем нового визуального языка, новых архитектурных объектов. Неоднократно в своих посланиях народу президент страны Нурсултан Назарбаев, перечисляя главные ценности Казахстана после Независимости, говорил об Астане, во-первых, обозначая оба явления как достижения, во-вторых, ставя их в один ряд[58]. Формирование символической власти оценивалось правительством наравне с получением власти политической. Маленькая и провинциальная Акмола, превращаемая усилиями и многомиллионными финансовыми вложениями государства в новый,

58 Послание Президента Республики Казахстан Н.Назарбаева народу Казахстана «Казахстанский путь – 2050: Единая цель, единые интересы, единое будущее», 17 января 2014 г. *http://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-prezidenta-respubliki-kazahstan-nnazarbaeva-narodu-kazahstana-17-yanvarya-2014-g*

современный город, стала важным и знаковым нарративом для правящего режима.

Анализируя значение, которое имело создание Астаны для культуры Казахстана, следует отметить не только цели, стоящие перед проектом Астаны, в числе которых упомянутое выше формирование символической власти, но и стратегии и инструменты, используемые для достижения этих целей. В первую очередь, Астана как проект была направлена на две аудитории – внешнюю и внутреннюю. Для внешней аудитории через понятные и доступные ей западные и современные формы культурного капитала правительство намеревалось утвердить свою политическую власть, а также создать привлекательный образ Казахстана. Современный город был необходим для улучшения международного имиджа станы. Для внутренней аудитории или для собственных граждан Астана и ее символическая власть использовались как инструмент поддержки легитимности существующего режима.

В целях создания современного архитектурного ландшафта новой столицы правительство приглашало известных на международной арене архитекторов. Среди них японский архитектор

Кисе Курокава, участвовавший в разработке генерального плана Астаны, британец Норман Фостер, спроектировавший Дворец мира и согласия (Пирамида) и торгово-развлекательный центр Хан-Шатыр и другие. Астана заполнялась грандиозными, футуристическими сооружениями, впитывая различные архитектурные стили и направления – Дворец Независимости, Национальный музей, театр Астана-Опера. Астана – это город-мечта, город, возникший благодаря политической воле, а не естественным путем развития населенного пункта под воздействием социальных и экономических факторов. Архитектурный и эстетический облик города также был продиктован политическими амбициями. Спектакулярность, зрелищность, «громкие имена» и проекты – подход к управлению и развитию культуры во многом был заимствован из подходов к созданию и развитию новой столицы как объекта культурного капитала.

«Громкие проекты», получавшие внушительную финансовую поддержку от государства, где организаторы привлекали иностранных участников для создания «международного имиджа» конечного продукта, стали появляться практически во всех областях культуры. Фильм-блокбастер «Кочевник», чей бюджет неоднократно пересматривался, над которым работала команда из приглашенных иностранных специалистов, включая двух режиссеров. Пышные празднования и фестивали – спектакулярность, зрелищность, на которую тратятся большие средства, приоритет внешнего над фактическим содержанием - проклятие нефтяных сверхдоходов затронуло не только экономику, но и культуру. От нее стали требовать быстрых и ярких результатов, которые демонстрировали бы развитие и достижения страны через формы культурного капитала.

Власть стремилась разорвать свою связь с советским прошлым, создать собственное культурное пространство, восстановить утерянную во время советского периода культуру, но в подходе к развитию культуры нынешняя власть во многом оказалась преемником советских традиций – культура и искусство должны были поддерживать легитимность существующего политического строя, обеспечивая его соответствующими нарративами. Советское «наследие» оказывало и структурное влияние на развитие культуры в Казахстане. Если использовать пост-колониальную теорию к постсоветскому Казахстану, который на протяжении длительного времени испытывал на себе вмешательство и влияние другой, доминирующей культуры, а собственные традиции и обычаи подавлялись и признавались менее развитыми, «отсталыми», то желание быть признанными на международной арене через заимствования форм культурного капитала является эффектом «постсоветской» ситуации в Казахстане. Как пишет Парта Чаттерджи[59], постколониальные сообщества вырабатывают культурные формы, которые «анти-колониальны в своем дискурсе, но при этом являются производными от доминирующей культуры». В Казахстане постколониальный эффект сказался на стремлении власти найти признание на международном уровне, получить признание от другой, внешней культуры, заимствуя у него определенные формы культурного капитала, в данном случае – западного мира. Не обозначая границ этого мира, власти независимого Казахстана тем не менее были движимы желанием быть замеченными и принятыми им. Положение зависимости от доминирующей, более развитой культуры – часть советского «наследия» в культурном пространстве Казахстана.

Неофициальное культурное пространство

Поиск собственной идентичности, отмежевание от советского стали важными составляющими процессов, происходящих в культурном пространстве. Культурное пробуждение, попытки возврата к досоветским «корням», желание вспомнить и

59 Partha Chatterjee, «The nation and its fragments: Colonial and postcolonial histories», Princeton: Princeton University Press, 1994.

возродить уничтожавшуюся культуру, работа над нарративами и формами, которые не были бы заимствованы или привнесены доминирующей культурой, стали важными направлениями творческой мысли деятелей культуры и искусства. Для анализа процессов, происходящих в культуре, интересно взглянуть на развитие современного искусства, которое противопоставляло себя традиционной живописи не только по своей форме, но и поднимаемыми темами и вопросами. Современное искусство – понятие многослойное и обладающее множеством определений. Одними из его характеристик являются использование различных медиа, смешанных техник создания работ, актуальность, рефлексия на окружающее, связь этого окружающего с прошлым, обращение к современности и к зрителю.

С начала 1990-х годов в Казахстане начали появляться художники и творческие коллективы, работающие в жанре современного искусства. Прежде всего, это арт-группа «Кызыл трактор», образовавшаяся в Чимкенте в начале 1990-х. В арт-группу входят Саид Атабеков, Виталий Симаков, Смаил Баялиев, Арыстанбек Шалбаев. В первоначальном составе был и Молдакул Нарымбетов, ушедший из жизни в 2012 году. «Кызыл трактор» одними из первых начали работать в поле современного искусства, художники экспериментировали с живописью, создавали инсталляции и сквозные скульптуры, работали с объемными формами, показывали перформансы. Обращение к досоветским культурным кодам и традициям, суфийская философия, философия тенгри и рефлексия на болезненные темы современности – все эти нарративы удивительным образом переплетались и сочетались в творчестве группы. Пионеры современного искусства, художники создавали новый визуальный язык, обращаясь к номадическим символам, темам, вплетая их в историю и традицию западноевропейского искусства. Творчество группы «Кызыл трактор» можно рассматривать как деятельность команды, но в то же время каждый его участник – отдельная творческая единица, со своим видением, своим стилем и визуальным языком.

Среди первопроходцев казахстанского современного искусства знаковыми фигурами являются Рустам Хальфин, Сергей Маслов, Сауле Сулейменова, Куаныш Базаргалиев, Галым Маданов и Заурeш Терекбай, Елена и Виктор Воробьевы, Ербосын Мельдибеков, Алмагуль Менлибаева, Александр Угай. Рустам Хальфин – важнейшая фигура для искусства Казахстана, родившийся в Ташкенте, получивший образование в Москве, ученик Владимира Стерлигова – одного из последних представителей русского авангарда. Обосновавшийся в Алматы Хальфин в своем творчестве соединял традиции мирового изобразительного искусства и поэзию того пространства, в котором жил. Он исследовал номадическую культуру, особенности окружающего его мира через художественные практики. Для художника важным было понять, определить стратегию, как вписать и представить Казахстан мировому арт-пространству, как сделать современное искусство Казахстана интересным для международного сообщества. Хальфин находился в поиске средств выражения, тем и явлений, которые были бы экзистенцией, природой локального культурного кода, но через локальность которых возможно было бы выйти к универсальности языка искусства. Творчество Рустама Хальфина жило в унисон общей ситуации в современном искусстве, отражая вызовы, которые перед ним стояли.

Работа с номадическим прошлым и его артефактами, возрождение собственной культуры и создание визуального языка, который бы отражал особенности окружающего пространства – темы, которые проходили сквозь творчество всех упомянутых выше художников. Некоторые, как Галым Маданов и Александр Угай, больше работали с социальными вопросами – с осмыслением происходящего в современном Казахстане, зависимостью экономики от природных ресурсов, с той самой «мифологизацией» истории, которой иногда увлекалась официальная власть, стремясь возродить досоветское прошлое. Куаныш Базаргалиев в своей серии «Когда все люди были казахские» в ироничной манере рефлексировал над желанием Казахстана широкими мазками вписать себя в мировое пространство, заимствуя формы западного культурного кода. Но, оппонируя официальному дискурсу, художники рефлексируют, размышляют и ведут свою работу в этой же области – создания, понимания и выражения через визуальный язык экзистенции локальной культуры. «Возврат» к номадическому прошлому во многом стал не возвращением, а творением и созданием, где прошлое переплетается с настоящим, повинуясь силе художественного высказывания и мысли художников.

Новые горизонты

Развитие культуры – процесс сложный и многоступенчатый, напрямую зависящий от развития инфраструктуры и соответствующих институций, политики государства в отношении методов управления данной сферой, финансированием и формами поддержки. Инвестиции в громкие, но краткосрочные проекты не могут обеспечивать поступательного развития сферы, где очень важно долгосрочное планирование – создание новых и

поддержка и развитие существующих организаций культуры, таких как театры, музеи, дома творчества, специализированных образовательных учреждений, а также работа по вовлечению аудитории, по популяризации искусства, по встраиванию институтов искусства и культуры в городскую жизнь, в жизнь горожан. Роль государства и проводимой им политики значительна для развития культуры. В то же время утилитарный подход к искусству, использование его как инструмента пропаганды и трансляции государственной идеологии, «конструирование» культурного наследия для обеспечения легитимности политического строя препятствуют развитию этой области, делая ее инструментом пропаганды. Искусство требует не только инфраструктуры, но и свободного пространства, где могла бы рождаться творческая мысль и идея.

Тем не менее будущее сферы культуры связано не только с институциональной поддержкой государства, оно питается усилиями, энергией, деятельностью и синергией действий творческих кругов, интеллектуальных элит, художников, музыкантов, писателей. От их рефлексии, от силы их высказываний, способности оппонировать и противостоять государственной идеологии и в то же время взаимодействовать с государством, доносить свое искусство до зрителя, коммуницировать с ним, выстраивать свои творческие стратегии зависит, какой культурный ландшафт нас ждет через несколько лет. Сможет ли казахстанское искусство найти и создать собственный визуальный язык, вбирающий в себя поэтику локального пространства, мифологемы степи, язык, на котором можно рефлексировать о современности, ее проблемах и вызовах; сможет ли казахстанское искусство найти свои точки координат на карте мирового арт-пространства, преодолевая все сложности постсостояний – процесс, результат которого абсолютно открыт и зависит от общих усилий участников этого процесса.

Все еще постсоветское: вызовы в системе образования в Кыргызстане

Шаирбек Джураев
Участник программы Marie Curie Fellowship (CASPIAN), Университет Сент-Эндрюс

Несмотря на то, что в Кыргызстане работают одни из лучших академических институтов региона, предоставление качественных услуг образования населению остается проблематичным. Сохранение уровня качества и доступности советского образования было трудновыполнимой задачей, а реформирование образования в систему, которая бы отвечала меняющейся политической, социальной и экономической ситуации, оказалось не менее сложным. Для этого были необходимы должное финансирование, идеи и правильная реализация – все, чего в стране не было со времен обретения независимости. Определенные достижения, конечно, есть. Они случились там, где государство позволило большую степень свободы определенным частным и международным инициативам. Но эти случаи остаются единичными по своей природе и незначительными по масштабу, лишь демонстрируя уровень кризиса, в котором пребывает система образования в стране. В этом коротком эссе я опишу, что можно рассмотреть в качестве достижений, какие существуют трудности и что можно предпринять на данном этапе. Эта работа основана на личном и профессиональном опыте и не является попыткой полноценного анализа на тему образования.

Достижения: небольшие и хрупкие

В сфере образования Кыргызстана трудно похвастаться фундаментальными реформами или обнадеживающей статистикой. Как и другие «бюджетные» отрасли, такие как здравоохранение, сфера образования стала бременем для сокращающейся государственной казны. Экономический кризис и отток населения после обретения независимости оставили школы без самых квалифицированных работников, и многие заведения могли выжить только благодаря предпринимательским талантам своих руководителей.

Но, несмотря на такую нерадостную картину, необходимо отметить некоторые достижения, в частности, появление академических институтов, выделяющихся высоким качеством образования, нетерпимостью к коррупции и уважением академической свободы. Программа политической и экономической либерализации начала 1990-х годов принесла определенные плоды для находящейся в кризисе системы образования страны, создав пространство для иностранных (государственных и частных) проектов и инвестиций. Многие официальные программы развития поддерживали и реформировали область образования, как приоритетную. Некото-

рые инициативы привели к видимым и устойчивым достижениям, включая появление инновационных академических институтов, в большинстве своем в сфере среднего и высшего образования.

В 1997 году Кыргызско-Американский факультет Кыргызского Государственного Университета преобразовался в Американский Университет в Кыргызстане (АУК), отдельный институт, предоставляющий программу бакалавриата по американской системе по ряду социальных дисциплин. Появление АУК обязано идеям и большой работе его основательницы – Камилы Шаршекеевой. Росту и укреплению статуса нового университета также способствовала благоприятная политическая и, скажем так, геополитическая ситуация. Президент Кыргызстана Аскар Акаев и Первая леди США Хиллари Клинтон присутствовали на открытии университета. Этот университет принес не только инновационную программу образования и международный преподавательский состав. Он также привнес и развил понятия критического мышления и академической честности, а также выстроил систему отношений и практики без элемента коррупции, что остается до сих пор уникальным явлением для остальной части системы образования в Кыргызстане. После нестабильных лет в кыргызской политике начала 2000-х годов АУК (трансформированный в Американский Университет в Центральной Азии в 2004 году) стал постепенно терять поддержку властей. В результате давления со стороны государственных органов, университет был вынужден освободить здание в центре Бишкека, выделенное в бесплатное пользование президентом Акаевым. Несмотря на это, Американский Университет в Центральной Азии продолжает благополучно функционировать в недавно построенном ультрасовременном здании на юге Бишкека. Университет является единственным образовательным учреждением в Кыргызстане, предоставляющим бакалаврскую степень, аккредитованную в США.

Другой университет, известный высокими стандартами преподавания и отсутствием коррупции, – Кыргызско-Турецкий Университет «Манас», основанный соглашением между двумя правительствами в 1995 году. Кыргызская сторона предоставила большое здание на одной из основных улиц Бишкека, а затем и огромный, по местным стандартам, участок столичной земли площадью более 80 гектар. Посредством внушительных финансовых вложений со стороны турецкого правительства университет построил крупнейший кампус с лучшей в стране инфраструктурой для преподавания, исследовательских работ и жизнедеятельности студентов. Важно отметить, что Университет «Манас» не взимает плату за обучение и выплачивает стипендии большинству своих студентов.

В 2002 году кыргызское правительство и Организация Безопасности и Сотрудничества в Европе (ОБСЕ) основали Академию ОБСЕ - академический институт, предоставляющий полностью финансируемые магистерские программы и тренинги профессионального развития для молодого поколения Центральной Азии. Благодаря целенаправленной поддержке ОБСЕ и государств-участников, включая кыргызское правительство, Академия превратилась в устойчивый успешный проект. Академия укомплектована преподавателями из разных стран, а студенты отбираются со всех стран Центральной Азии и из Афганистана.

Возросшее международное сотрудничество не было ограничено межгосударственными проектами. С 1992 года по всей стране появилась сеть кыргызско-турецких лицеев, действующих на основании договора между министерством образования Кыргызстана и турецкой ассоциацией Sebat. Эти школы, известные под общими названиями «турецкие», «Sebat», а позже – «школы Гюлена»[60], стали первой альтернативой государственным средним школам и быстро получили репутацию школ, предоставляющих лучшую инфраструктуру обучения и высокое качество преподавания. Вначале лицеи Себат присутствовали только в системе среднего образования. Позже сеть постепенно расширилась: открылись дошкольные учреждения, школы начального образования, а также турецкий университет Ала-Тоо в Бишкеке. В условиях стремительно ухудшающегося уровня образования государственных средних школ, эти учреждения стали популярной альтернативой, несмотря на высокую плату за обучение и политические сложности[61].

Успешной попыткой искоренить коррупцию в государственной системе высшего образования можно считать введение «общереспубликанского тестирования» (ОРТ) для выпускников средних

60 По имени основателя общественного движения «Хизмет» турецко-американского исламского проповедника Фетхуллы Гюлена.

61 Турецкое правительство обвинило Гюлена и его движение «Хизмет» в попытке неудавшегося государственного переворота 25 июля 2016 года. После этого Анкара потребовала от кыргызского правительства закрыть школы, ассоциированные с Гюленом. Однако кыргызское правительство жестко ответило на это требование, отметив, что тон этого заявления недопустим для независимого Кыргызстана. См. Заявление Министерства иностранных дел КР от 25 июля 2016 года, *http://www.mfa.gov.kg/zayavleniya/view/idnews/35*

школ. Данный тест, финансируемый и вначале администрируемый USAID, заменил собой вступительные экзамены в высшие учебные заведения. Эти экзамены давно считались подверженными коррупционным элементам. ОРТ, активно поддерживаемый (в то время) министром образования Камилой Шаршекеевой, а также президентом Акаевым, выдержал несколько попыток закрытия и сейчас реализуется местной организацией при поддержке USAID[62].

Вышеперечисленные достижения можно считать таковыми с определенными оговорками и строго в контексте страны и региона. Конечно, эти заведения и институты выделяются тем, что представляют лучшее качество образования в масштабах страны. И истории успеха не ограничиваются вышеназванными инициативами, есть и другие воодушевляющие и многообещающие истории. В то же время нельзя не заметить, что все эти проекты реализуются по инициативе и благодаря усилиям негосударственных акторов. Все, что было необходимо от кыргызского правительства – оказать политическую поддержку этим инициативам, просто дать возможность для осуществления конкретных идей. Конечно, можно сказать, что такая роль государства указывает на определенную модель для развития. Но пока все достижения остаются ограниченными в количестве и довольно шаткими. Более того, если появление одного-двух университетов (системы тестирования) без коррупции рассматривается как достижение, можно представить масштаб проблем в остальной сфере образования.

Нерешенные проблемы и трудности

В отличие от достижений, трудности в сфере образования сложно перечислить и классифицировать, так как они многочисленны и тесно переплетены. И все же, есть определенный набор проблем, выявляемый при любом разговоре эту тему, некоторые из которых обсуждены ниже.

После развала Советского Союза больше всего пострадало дошкольное образование. Детские сады, которые в основном появились в конце советского периода благодаря массивным государственным вложениям, оказались самыми уязвимыми для разрушения: здания были приватизированы в массовом порядке или разобраны другими государственными учреждениями. Дети, посещающие дошкольные учреждения составляли 30-50% в последние советские годы, и цифра снизилась до 10% в 1995 году[63]. Эти показатели, согласно отчету ЮНИСЕФ, были самыми низкими в Центральной Азии.

У средних школ[64] своя история кризиса. Это самая большая часть образовательной системы и наиболее трудная для проведения значимых и жизнеустойчивых реформ. Некоторые проблемы носят общий, основополагающий характер. К ним относятся нехватка учителей и учебных материалов. Из-за экономического кризиса начала 1990-х годов (для многих кыргызстанцев он все еще не закончился) многие учителя ушли из школ. Одни перешли работать в финансируемые донорами НПО и их «проекты»; другие пошли работать на базары или покинули страну в поисках лучшего заработка. Массовый отъезд населения славянской/русской национальности в 1990-х годах сильно ударил по школам с русским языком обучения, которые традиционно были сильным звеном в системе. Низкие заработные платы учителей не привлекали молодое поколение на освобождающиеся рабочие места в школах. В результате, вакансии занимали менее квалифицированные кандидаты. К большому сожалению, редко кого удивляет, что некоторые учителя в Кыргызстане совмещают работу в школе с продажей помидоров на соседнем рынке, или когда учителю по немецкому языку (без знания английского) приходится вести английский.

Другой большой проблемой с начала 1990-х остается дефицит учебных материалов. В 2016 году средние школы были оснащены только 80% необходимых учебников[65]. Если цифра верна, то определенное улучшение произошло: в 2010 году министр образования говорил об оснащенности всего на 52%[66]. Больше всего пострадали школы с русским и узбекским языками обучения, и в середине 2000-х годов им разрешили использовать учебники, издаваемые в России и Узбекистане. Некоторые из этих учебников содержали национальные символы других государств – гимны, флаги и портреты президентов, что вызвало большие политические вопросы.

62 Интересную дискуссию см. Alan DeYoung, «Ownership of Education Reforms in the Kyrgyz Republic: kto v dome hozyain?», European Educational Research Journal, 4:1, 2005, pp. 36-49.

63 UNICEF , «Education in Kyrgyzstan: Country Profile», http://www.unicef.org/ceecis/Kyrgyzstan.pdf

64 Среднее образование в Кыргызстане включает начальное общее (7-10 лет), основное общее (10-15) и среднее общее (18-17 лет). В понятие «среднего образования» обычно входят все эти три уровня.

65 Назгуль Калмамбетова, «В школах смотрят только на форму, об образовании забыли?», Жаны Агым, No.36, 10 сентября 2015 года.

66 Министр образования Садыков – цитата по Кубат Касымбеков, «PISA: Кыргызстанда билим сапаты томон», Радио Азаттык, 9 декабря 2010 года, *http://www.azattyk.org/a/kyrgyzstan_pisa_education/2242594.html*

Оценка результатов обучения в среднем образовании ясно отражает проблемы. В 2006 и 2009 годах кыргызские 15-летние школьники Кыргызстана приняли участие в Международной программе по оценке образовательных достижений учащихся (PISA), которая оценивает навыки чтения, знание математики и естественных наук. В каждой дисциплине кыргызские студенты показали самые низкие показатели, более 80% набрали ниже базового уровня (уровень 2). Комментируя результаты, министр образования Садыков связал их с общей экономической ситуацией в стране, а также с нехваткой учителей и дефицитом учебников. Независимые эксперты утверждают, что технический дефицит - это лишь часть проблем, тогда как другая проблема состоит в методах обучения, сфокусированных на запоминании информации, вместо привития навыков критического мышления и познания[67]. Кыргызстан не принимал участия в следующем раунде тестирования Программы оценки международных студентов, но значительного улучшения ситуации вряд ли стоит ожидать.

Результаты обучения также указывают на большой разрыв между городскими и сельскими школами, так же как и между школами с русским и кыргызским языками обучения. В 2005 году в результате Национального тестирования выпускников средних школ, школы с русским языком обучения показали средний балл 131.6 против 106.9, набранными выпускниками школ с кыргызским языком обучения, тогда как минимум для поступления в университет составляет 110[68]. Десять лет спустя соотношение было прежним (131 против 105.5)[69]. Похожая разница наблюдается между школами Бишкека и Баткенской и Ошской областей.

В стране растет количество частных детских садов, школ и университетов, которые предоставляют несколько лучшие возможности для тех, кто в состоянии оплатить более высокую цену за обучение. Однако, ввиду экономической ситуации, большинство из них находятся в Бишкеке. В 2016 году в большинстве детских садов размер оплаты составлял 10 000 сомов в месяц (примерно $150), примерно равный средней месячной оплате учителя. Государственные детские сады намного дешевле, но слишком переполнены и испытывают нехватку финансирования. Разница в качестве и цене наблюдается между государственными и частными средними школами, что указывает на важную и нежелательную тенденцию разрыва между детьми из состоятельных и бедных семей в доступе к образованию.

Что дальше?

О проблемах системы образования в Кыргызстане сказано и написано немало, и сложно привнести что-то новое и практически осуществимое в качестве рекомендации. Кто-то может решить, что эти попытки безнадежны, учитывая хроническую нехватку экономических ресурсов надлежащего управления на протяжении 25 лет. Я ограничусь обсуждением двух масштабных проблем, которые необходимо решать, чтобы любые другие попытки реформ имели смысл. Эти две проблемы – коррупция и администрирование.

Коррупция в сфере образования проявляется в двух формах. Не секрет, что оценки можно купить, особенно в системе высшего образования. Поступление в университеты стало сильно зависеть от взяток и личных связей, нежели от уровня знаний, по крайней мере, до появления национального тестирования. В 2014 году министр образования Канат Садыков был отправлен в отставку после информации о его незаконном участии в принятии 24 студентов на медицинский факультет Кыргызско-российского (Славянского) университета. Другой недавний коррупционный скандал развернулся вокруг проведения районным управлением образования в Бишкеке тендера на закупку продуктов питания и офисных принадлежностей. Внимательные активисты заметили буквы «о», «е», «р» с кириллицы на латиницу в тексте тендерных документов[70]. Незаметные для обывателя, такие подмены знаков не дадут возможность потенциальным подрядчикам найти информацию в интернете, особенно учитывая предельно сжатые сроки. Насколько известно, ни один из этих случаев не

67 Кубат Касымбеков, «PISA: Кыргызстанда билим сапаты томон», Радио Азаттык, 9 декабря 2010 года, *http://www.azattyk.org/a/kyrgyzstan_pisa_education/2242594.html,* см. также Alan J. Deyoung, «Problems and trends in education in Central Asia since 1990: the case of general secondary education in Kyrgyzstan», Central Asian Survey, 25:4, 2006 p. 500.

68 «Общереспубликанское тестирование для поступления в ВУЗы Кыргызской Республики в 2005 году», Центр образовательной оценки и методов преподавания, 2005, *www.testing.kg/files/Report_2005.pdf*

69 «Результаты общереспубликанского тестирования и зачисления на грантовые и контрактные места ВУЗов Кыргызской Республики в 2015 году», Центр образовательной оценки и методов преподавания, 2015, стр.22, www.testing.kg/media/uploads/files/...2015/reportR2015.pdf 70 «Расследование K-News: как воруют деньги на образование через госзакупки», K-News, 21 июня 2016 г, *http://knews.kg/223825/rassledovanie-k-news-kak-voruyut-dengi-na-obrazovanie-cherez-goszakupki/*

70 «Расследование K-News: как воруют деньги на образование через госзакупки», K-News, 21 июня 2016 г, *http://knews.kg/223825/rassledovanie-k-news-kak-voruyut-dengi-na-obrazovanie-cherez-goszakupki/*

достиг стадии уголовного расследования, что тоже является характерной чертой коррупционных случаев в стране.

Проблема коррупции должна быть в приоритете на самом высоком уровне в государственных органах и у других ответственных сторон. Приобретенные за деньги водительские права так же опасны на дорогах так же, как и купленные дипломы медиков в больницах. Школы, где дети начинают понимать, что связи и деньги становятся важнее правил и достижений, имеют еще более пагубные долгосрочные последствия для общества. Каждое последующее правительство страны объявляет о борьбе с коррупцией, но делает это часто на выборочной основе, непрозрачными методами и в малых масштабах, что не приводит к результатам.

Вторая проблема касается администрирования. Единицы бывших министров образования (а всего их было 12 с 1991 года) были известны своими реформистскими взглядами и действиями. Но они все находились на этом посту короткое время, а их предшественниками и преемниками были более консервативные министры, большинство из которых ранее работали в руководстве государственных вузов и не были заинтересованы в глубоких реформах. Алан ДеЯнг сделал некоторые наблюдения по этой проблеме: «быстрая текучесть кадров и незапланированные изменения, похоже, являются нормой для кыргызского министерства образования и культуры (МОК). Новые программы и стратегии контролируются сверху и спускаются очень быстро; порой в середине учебного года»[71]. Понимание роли государства в контролировании образования и способов такого контроля остаются в основном советскими. Это можно понять по процессам государственного лицензирования и аттестации учебных заведений и программ. Реальные реформы потребуют дальновидного политического лидерства с сильной волей для реализации принятых решений, несмотря на сопротивление старых обычаев и практик.

В тесном и подлинном сотрудничестве с широкой общественностью государство должно четко решить, какой тип системы образования мы должны строить и развивать. Именно от этой базовой концепции должны исходить все действия властей в деле привлечения и координации местных и зарубежных инвестиций для реализации реформ. Международные доноры могут иметь одно видение реформ, родители и школьные преподаватели – иное. Крайне важно, чтобы государство активно играло координирующую роль для того, чтобы разные идеи и проекты приводили к сбалансированным, полноценным и последовательным реформам. Реформы, конечно, не должны ограничиваться финансами и инфраструктурой, но также охватывать вопросы учебных программ, методов и подходов к обучению. Образование должно слаженно работать для подготовки критически мыслящих граждан, чтящих свою свободу и ответственность и готовых к дальнейшему обучению и познанию.

71 Alan J. Deyoung, «Ownership of Education Reforms in the Kyrgyz Republic: kto v dome hozyain?», European Educational Research Journal, 4:1, 2005, p. 40.

ЧАСТЬ III

НОВЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ СИЛЫ В ДЕЙСТВИИ

Гражданское общество в Кыргызстане: парадоксы развития

Аида Алымбаева
Лектор, Международный университет Центральной Азии

Ретроспектива

Гражданское общество является весьма спорным термином, и есть несколько конкурирующих подходов к его определению. В интерпретациях гражданского общества доминируют две основные концепции[72]. Первая группа рассматривает гражданское общество как официально зарегистрированные организации, осуществляющие деятельность в интересах своих целевых групп. Эти группы часто выступают в качестве посреднических агентов между государством и гражданами, отстаивая позиции граждан. Сторонники этой концепции рассматривают организации гражданского общества (ОГО) в качестве важных действующих лиц в построении плюралистического общества. Многие агентства по оказанию помощи развивали этот подход, чтобы помочь в становлении ОГО. Вторая группа делает акцент на подлинных и рутинных гражданских акциях, но не в рамках организации. Они утверждают, что гражданское общество возникает внутри сообщества, когда граждане решают свои проблемы в добровольном порядке. Их действия могут быть разовыми и спонтанными, но важным является то, что гражданская активность приносит положительные изменения. Несмотря на различия между этими двумя концепциями, они также имеют много общего. Обе группы определяют гражданское общество как сферу между государством и рынком. ОГО являются независимыми группами граждан, защищающими интересы людей. Таким образом, гражданское общество включает в себя широкий спектр организаций (например правозащитные группы, профессиональные ассоциации, общественные организации, клубы по интересам и многое другое). Этот подход «золотой середины» часто используется для описания гражданского общества.

В Кыргызстане элементы гражданского общества начали формироваться в конце советского периода, когда во время перестройки появились первые самостоятельные движения и дискуссионные клубы (например дискуссионные клубы «Демос» и «Позиция», движение поселенцев «Ашар» (Взаимная помощь). После того как Советский Союз распался, первое правительство Кыргызстана во главе с Аскаром Акаевым выбрало путь строительства демократии. Многие считали, что для Кыргызстана, не имеющего выхода к морю, богатых природных ресурсов, и в советское время в значительной степени зависимого от субсидий Москвы, декларация демократического курса была единственной стратегией, чтобы выжить через получение иностранной помощи, так как экономические связи с другими бывшими советскими республиками полностью прекратились. Кыргызстан был одной из наименее развитых стран в Советском Союзе, и он столкнулся с острым экономическим спадом после независимости. Чтобы способствовать развитию демократии, кыргызские власти приветствовали западные агентства по развитию и либерализовали свое законодательство.

В рамках программ по строительству демократии донорские организации вливали огромные объемы финансирования в Кыргызстан с целью создать независимое гражданское общество. Этот поток помощи способствовал появлению сотен новых ОГО, больше известных как неправительственные организации (НПО). В первые годы финансирование со стороны доноров в основном было предназначено для конкретных вопросов, таких как охрана окружающей среды, женские инициативы и права человека. В это время новые НПО в этих трех областях появлялись как грибы. В целом, число НПО увеличилось с 611 в 1993 году до 1,550 в 1996 году и 4,669 в 2000 году[73]. НПО первоначально создавались в городах и людьми с образованием (например, бывшими членами профессорско-преподавательского состава и врачами). В целом, интеллигенция поддерживала демократические реформы в стране и опасалась возможного возвращения к тоталитар-

72 Giffen, J., Earle, L., and Buxton, C., «The Development of Civil Society in Central Asia», INTRAC, 2005

73 Шишкараева, Е. «Обзор становления и развития сектора неправительственных организаций в Кыргызстане», Бишкек, 2006.

ному режиму, так как старые коммунистические партийные боссы и номенклатура государственного аппарата все еще сохраняли власть. В ответ на это многие представители интеллигенции вступили в новые политические партии и НПО.

Из-за развала экономики страны и ухудшения условий жизни первые ОГО были вовлечены в распределение гуманитарной помощи, предоставленной зарубежными странами. Позже при помощи международных агентств была создана большая группа НПО западного типа, продвигающих демократические ценности. К началу 2000-х годов эти НПО стали важными игроками в общественной жизни благодаря участию в формировании государственной политики. Например, несколько НПО инициировали ряд законодательных актов, касающихся прав детей, инвалидов и женщин, открытых СМИ, свободных выборов, защиты окружающей среды, а также доступа к информации, прав потребителей и многого другого. НПО добились успеха в установлении квот для женщин, этнических меньшинств и молодежи в законодательных органах. НПО также инициировали новый закон о некоммерческих организациях, принятый парламентом в 1999 году, который позволил существовать неформальным общественным группам и исключил нежелательный государственный контроль над ОГО, кроме контроля уполномоченными контролирующими структурами, такими как налоговые органы. В период до середины 2000-х годов НПО практически заменили политические партии в общественной сфере. Из-за отсутствия пропорциональной системы партии были менее активными как на уровне избирателей, так и в общественном поле.

В отличие от других стран Центральной Азии, организации гражданского общества в Кыргызстане не сталкивались с широко распространенными репрессиями и угрозами со стороны государства, за исключением нескольких журналистов и правозащитников, некоторые из которых искали политического убежища за рубежом в конце периода правления Аскара Акаева и затем при президентстве Курманбека Бакиева, при котором преобладал полуавторитарный режим. В целом, роль государства в поддержке ОГО была неустойчивой и дуалистической. С одной стороны, правительство ввело либеральное законодательство для гражданских групп - в основном для того, чтобы они соответствовали международным соглашениям. Сильная зависимость Кыргызстана от помощи донорских агентств стимулировала страну поддерживать программу демократизации и ратифицировать международные конвенции. С другой стороны, политические лидеры пренебрегали ОГО, опасаясь, что они могут поставить под угрозу их легитимность, так как организации гражданского общества могли совершенно свободно критиковать правительство и высказываться по серьезным вопросам, представляющим общественный интерес.

Отношение к ОГО также менялось от одного правительства к другому, и также в значительной степени зависело от международного контекста. Гражданские группы чувствовали себя очень комфортно в первые годы независимости, когда построение демократии в странах посткоммунистического блока было мантрой не только западных агентств помощи, но и первого президента Кыргызстана Акаева, который поддерживал демократические реформы в стране. Позже, когда его политика была подвергнута жесткой критике со стороны местных независимых средств массовой информации и гражданского общества за факты кумовства, коррупции и неудачных экономических программ, Акаев посягнул на свободу слова. Он взял под свое крыло несколько марионеточных проправительственных НПО, которые выступали в качестве рупоров государства. Следующий президент Курманбек Бакиев, который управлял страной с июля 2005 года по апрель 2010 года, преследовал оппозиционные силы, контролировал средства массовой информации и пытался обуздать общественные группы, которые выступали на темы государственной политики. Тем не менее НПО, предоставляющие социальные услуги уязвимым группам населения, продолжали свое сотрудничество с государственными органами, такими как министерство здравоохранения и министерство социальной защиты. У Розы Отунбаевой, временного президента с июля 2010 года по декабрь 2011 года, была противоположная стратегия: она сотрудничала с ОГО и помогала в продвижении многих их инициатив. Один из ее первых указов санкционировал создание общественных советов при министерствах для осуществления гражданского контроля над правительством. Она также поддерживала преобразование контролируемого правительством национального телевидения и радио в каналы общественного вещания.

Нынешний президент Алмазбек Атамбаев оказался менее благосклонным к ОГО. В ходе недавнего процесса присоединения Кыргызстана к Евразийскому экономическому союзу продемократические ОГО подверглись жесткой атаке со стороны СМИ, подконтрольных правительству Кыргызстана, а также России. Президент Атамбаев также обвинил некоторые организации гражданского общества в связях с враждебными ему лидерами оппозиции, которые впоследствии были привлечены к ответственности. Более того, он публично выразил поддержку законопроекту об иностранных агентах, предложившему выделить ОГО, получающие финансирование из-за рубежа, в качестве иностранных агентов, что посчиталось копированием

закона, принятого ранее в России. Во время правления Атамбаева показатели некоторых гражданских свобод ухудшились по сравнению с временем президентства Отунбаевой. Например, Индекс устойчивости ОГО, который ведет ЮСАИД и который измеряет сильные и слабые стороны в развитии гражданского общества, в 2014 году ухудшился[74]. В 2015 году Индекс свободы, ежегодно проводимый организацией Фридом Хаус для оценки политических и гражданских свобод, был понижен, главным образом, из-за «правительственного давления на свободу собраний и на возможность НПО осуществлять свою деятельность»[75]. Атамбаев сдвинул приоритеты во внешней политике Кыргызстана, в первую очередь, в сторону авторитарной России, в то время как США сократили свое присутствие в стране и в Центральной Азии в целом. Это геополитическое изменение, при котором Россия активизировала свою роль в регионе, поставило под угрозу усилия пролиберальных групп гражданского общества по укреплению демократии в стране.

Сегодня количество зарегистрированных некоммерческих и неправительственных организаций, таких как общественные фонды, ассоциации, альянсы и союзы, приблизилось к 15,000[76]. Но как сообщает Ассоциация центров поддержки гражданского общества, неправительственная организация из Кыргызстана, только треть из них являются активными[77]. Многие ученые скептически относятся к перспективам развития гражданского общества в странах Центральной Азии из-за советского наследия и ограниченного досоветского опыта самостоятельного управления (например Старр, Акинер)[78]. Эти ученые отмечали, что общество в странах Центральной Азии представляют собой вертикальную иерархическую систему, препятствующую гражданской активности, но питающую клиентелизм[79]. Пример Кыргызстана демонстрирует, что гражданское общество является слабым, анемичным и фрагментированным, но все же присутствует в определенной степени. На политическом уровне гражданское общество в лице группы ярких и динамичных городских групп (например правозащитные организации, инициативные группы, бизнес-ассоциации и профессиональные союзы) стало заметной частью публичной сферы. Эти гражданские группы влияют на повестку дня и процесс законотворчества путем разработки, комментирования и продвижения многочисленных нормативных актов, стратегий и политик, включая новую Конституцию страны. Они сотрудничают с государственными учреждениями в области разработки отраслевой политики, в частности в отношении медикаментов для министерства здравоохранения, Детского кодекса и Стратегии социальной защиты для министерства труда, Концепции молодежи для министерства по делам молодежи и занятости и др.

На уровне сообществ ОГО также активны в предоставлении социальных услуг уязвимым группам. Есть целый ряд таких объединений, работающих с людьми с ограниченными возможностями, пожилыми людьми, внутренними мигрантами, безработными молодыми людьми, пострадавшими от домашнего насилия, и другими маргинальными группами. Правительство признает их вклад, особенно во времена кризисов. После так называемой апрельской революции в 2010 году и межэтнических конфликтов, которые имели место в Оше и Джалал-Абаде в июне того же года, временное правительство было парализовано. В первую очередь на эти кризисы отреагировала группа НПО. Во время апрельских событий НПО помогли организовать патрульные дружины добровольцев для обеспечения общественной безопасности. Во время межэтнического конфликта НПО запустили горячие линии для оказания психологической и юридической консультации для жертв, осуществляли гуманитарные акции и создали карту потребностей жертв. Позже они наблюдали за судебными процессами, связанными с этим конфликтом. Из-за политических пертурбаций в 2010 году группы гражданского общества создали Комитет гражданского контроля, специальную структуру для контроля за временным правительством.

На низовом уровне граждане в Кыргызстане часто мобилизуются для продвижения своих политических и социальных прав. Две так называемые революции в марте 2005 года и апреле 2010 года, а также многочисленные демонстрации по всей

74 The 2014 CSO Sustainability Index for Central and Eastern Europe and Eurasia, 2015. USAID. Available at: *www.usaid.gov/sites/default/files/documents/1863/EuropeEurasia_FY2014_CSOSI_Report.pdf*

75 Freedom in the World, 2015. Freedom House, *https://freedomhouse.org/report/freedom-world/2015/kyrgyzstan*

76 The 2014 CSO Sustainability Index for Central and Eastern Europe and Eurasia, USAID, 2015, *www.usaid.gov/sites/default/files/documents/1863/EuropeEurasia_FY2014_CSOSI_Report.pdf*

77 Там же

78 Starr, F., in Ruffin, H.M, and Waugh, D., «Civil Society in Central Asia», Center for Civil Society International, the Central Asia-Caucasus Institute, John Hopkins University: In association with University of Washington Press, Seattle.; Akiner, S., «Prospects for Civil Society in Tajikistan» in Sajoo, A., «Civil Society in the Muslim World», London: IB Tauris, 2002.

79 Там же

стране (1,193 акции прошли в 2011 году и 1,286 - в 2012 году[80]) указывают на уровень активности коллективных мер, принимаемых гражданами для защиты своих интересов. Люди организуются для сбора подписей и апеллируют к средствам массовой информации. Социальная активность в интернете растет, и различные гражданские группы в социальных медиа успешно влияют на местную политику. Например, мэрия в Бишкеке, столице Кыргызстана, отозвала несколько своих решений под давлением групп в социальных сетях. Один из таких указов касался вырубки деревьев (ивы) возле торгового центра ЦУМ. Тем не менее мэр Бишкека позже отменил решение о вырубке деревьев. Граждане в Кыргызстане создали много тематических движений, таких как Граждане против HIPC (Инициатива Всемирного банка в отношении бедных стран с крупной задолженностью), созданное в 2007 году, Движение за люстрацию судебной системы, созданное в 2011 году, Гражданская платформа для парламентаризма в 2013 году, Кыргызстан против Таможенного союза в 2014 году, инициативная группа против сноса домов в центре Бишкека в 2016 году и многие другие.

Эти примеры показывают многогранный характер гражданского общества в Кыргызстане. И несмотря на то, что число активных НПО все еще небольшое, они смогли стать флагманом политических изменений. Они были основными акторами, озвучивая потребности большинства граждан Кыргызстана и определяя повестку дня до середины 2000-х годов, пока политические партии были неактивны. НПО западного типа также постоянно защищали либеральные ценности от атак авторитарной власти, зарубежных СМИ и внутренних популистских групп. На низовом уровне общественные группы не получили широкого распространения, так как население Кыргызстана оказалось апатичным по отношению к ассоциативной жизни. Различные гражданские группы сталкиваются с проблемами дальнейшего развития, которые будут описаны более подробно в следующем разделе.

Основные вызовы

Ландшафт акторов гражданского общества в Кыргызстане в последние несколько лет менялся. Наблюдается постепенный переход от либерального к нелиберальному гражданскому обществу. Организации гражданского общества, ориентированные на демократические ценности, в настоящее время заменяются националистическими и религиозными группами. Западная поддержка гражданского общества резко снизилась с середины 2000-х годов на фоне не сильно высокой поддержки либеральных ценностей среди обедневшего и в значительной степени плохо образованного населения. Бедность и низкое качество гражданского образования толкает огромное количество людей на путь к религии, чтобы найти ответы на вопросы, которые власти игнорируют. Это, в свою очередь, привело к возрождению религиозных групп, активно предоставляющих образовательные, благотворительные и консультационные услуги населению. По состоянию на конец 2014 года 362 религиозные организации были зарегистрированы в министерстве юстиции, но из-за бюрократических процедур регистрации, предусмотренных для религиозных организаций, многие из них остались незарегистрированными[81]. Таким образом, истинное число религиозных групп, в том числе общественных и благотворительных, остается неизвестным. Самоуправляемые и самоорганизующиеся националистические движения также не редкость и пользуются большой поддержкой среди этнических кыргызов в сельской местности, особенно среди молодежи.

Религиозные и националистические группы возникают внутри сообщества. Они могут обогатить гражданское общество, но часто игнорируют верховенство права и ставят под сомнение роль светских учреждений. Например, Кырк Чоро (Сорок рыцарей) является националистическим движением, которое пропагандирует примат кыргызских традиций над правовыми основами. Они бросили вызов функции правоохранительных органов в обеспечении общественной безопасности и запустили специальные параллельные мероприятия. Из-за хронической коррупции в правительстве, продолжающихся экономических трудностей, с которыми сталкивается население в целом, и ухудшения качества образования, существует риск того, что все больше и больше граждан будут делать выбор в пользу националистической или религиозной риторики вместо светских принципов управления.

Эта растущая поддержка религиозных и националистических групп отчасти объясняет провал усилий пролиберальных НПО западного типа в обеспечении поддержки населения. Большинство НПО были созданы с использованием подхода «сверху вниз» и функционировали ради получения грантов от агентств по оказанию помощи. Кроме того, их связи с населением были слабыми. В результате НПО в настоящее время пользуются низким доверием среди населения Кыргызстана. Кроме того, усиление роли России в регионе и ее пропагандист-

80 Артур Исаев «Кыргызстан бузящий», Delo №., 17 апреля 2014г., *http://delo.kg/index.php/health-7/7138-kyrgyzstan-buzyashchij*

81 The 2014 CSO Sustainability Index for Central and Eastern Europe and Eurasia, USAID, 2015 *www.usaid.gov/sites/default/files/documents/1863/EuropeEurasia_FY2014_CSOSI_Report.pdf*

ская машина, запущенная в полную силу, взращивают недоверие народа к либеральным ценностям.

Меняющийся ландшафт субъектов гражданского общества свидетельствует о фрагментации кыргызского общества, где все больше и больше населения сельской местности переходит под влияние религиозных и националистических групп. Гражданские группы, нацеленные на развитие демократии, тем временем в основном поддерживаются небольшой группой городского населения. Кроме того, политические партии несильно преданны представлениям о демократической консолидации, что служит барьером в создании альянсов между общественными группами и партиями для совместных действий, направленных на продвижение демократического управления.

Перспективы на будущее: Кыргызстан через десять лет

Маловероятно, что экономика Кыргызстана будет расти достаточно быстро, чтобы значительно улучшить социальные показатели, такие как занятость или уровень образования, в течение следующих 10 лет. Это будет мешать развивать значительный средний класс, который в настоящее время составляет менее 10% населения[82]. Отсутствие сильного среднего класса и ухудшение уровня образования не помогает развитию гражданского общества, которое служит в качестве авангарда плюралистического общества. Скорее слабое гражданское общество позволит политическим элитам узурпировать власть, усилить их коррупционное поведение и оставаться неподотчетными гражданам. Такие обстоятельства постепенно приведут к ослаблению правительственных учреждений и многочисленным институциональным кризисам.

Нелиберальное гражданское общество будет расширяться, оставляя продемократическим гражданским группам все меньше возможностей для влияния на выработку политики. Для того чтобы укрепить свою легитимность, политические элиты будут скорее поддерживать националистические движения и выделять титульную национальность при распределении рабочих мест и других государственных ресурсов. Религия будет играть большую роль в повседневной практике населения Кыргызстана, при этом силовым структурам будет очень сложно установить границы между светскими и религиозными пространствами. И наконец, конкуренция между светскими и религиозными акторами в общественной жизни будет возрастать.

В течение ближайших 10 лет в Кыргызстане два раза сменится парламент и два раза - президент. Вполне вероятно, что новые руководители почти не изменят текущую парадигму власти, которая базируется на сетях, основанных по принципу «патрон-клиент». Кыргызстан будет оставаться неопатримонимальным государством, где политические элиты в значительной степени полагаются на патронажные сети, чтобы обеспечить себе победу на выборах и власть над страной. Суммируя, инерция будет ключевым элементом будущего Кыргызстана, если он не подвергнется значительным и неожиданным изменениям извне и внутри страны.

Махалла – узбекский прототип гражданского общества?

Санжар Султон
Журналист, независимый исследователь

В мае-июне в Узбекистане избирают председателей и советников организаций местного самоуправления – махалла. Выборы являются демократичным процессом, поэтому власти утверждают, что махалла являются узбекским прототипом гражданского общества и частью демократического развития.

Махалла является организацией самоуправления и имеет свое место в системе государственного управления. За период независимости было создано около 10 000 самоуправляющихся организаций, среди которых 8 142 являются институтами махалла. Учитывая, что в стране оперируют более 5 100 НПО[83], махалла явно превышают их по количеству и содержанию. Махалла являются основной составляющей концепции «От сильного государства к сильному гражданскому обществу», которая нацелена делегировать государственные обязательства институтам гражданского общества в укреплении демократии и напрямую проводить процесс децентрализации в Узбекистане.

Махалла, будучи организацией самоуправления граждан, не ограничена одной лишь ролью децентрализации власти, она также представляет

82 «В Кыргызстане «средний класс» составил 10%», Радио Азаттык, 28 сентября 2009 г, *http://rus.azattyk.org/a/3025010.html*

83 Одилқориев Х.Т. «Конституция ва баркамол жамият орзуси», Тошкент, 2012, стр. 194.

собой инструмент контроля различных сфер жизнедеятельности сообщества и отдельного его члена. Этот контроль воспринимается как естественный, так как махалла пользуется легитимностью как унаследованная традиция. Также махалла помогают, с одной стороны, формировать доверие к государственной политике, а с другой - защищать интересы населения, лишенного поддержки государства.

Государство вверяет определенные полномочия махалла, так как они позволяют гражданам решать свои проблемы без привлечения государственных органов, таких как полиция и суды. Множество незначительных вопросов решаются напрямую махалла и специальными комиссиями, созданными при комитетах махалла, например для урегулирования споров между гражданами законным путем. Такой механизм примирения очень эффективен и демократичен по сравнению с государственными судами и полицией.

Однако государство также использует махалла для введения запрета на социальные устои и традиции, которые оно рассматривает как вредные для общества. Например, государство может негласно запретить празднование свадьбы и делает это через махалла для того, чтобы избежать обвинения в дискриминации.

Является ли махалла НПО?

Рассматривать махалла как организацию гражданского общества в полном смысле является спорным вопросом, так как махалла формировалась с течением времени. Институты гражданского общества выражают интересы определенных групп общества. Эти организации объединяют рабочих, политиков, женщин, молодежь, инвалидов, которые определенным образом отличаются друг от друга в зависимости от социальной базы. Поддержка определенной социальной базы позволяет им разрешать их вопросы эффективно, но также и доверяет им быть медиатором между государством и обществом. Махалла не справляется с такой функцией. Если быть точнее, махалла созданы как альтернатива НПО.

В определенном смысле место махалла в политической системе подобно статусу правящей партии в однопартийной системе. Статус правящей партии как единственного представителя всего общества обычно лишает его альтернатив и ограничивает возможности рассматривать важные вопросы. Коммунистическая партия бывшего Советского Союза может послужить наглядным примером. Как и Коммунистическая партия, махалла, представляя все социальные группы, не может легко выполнить эти функции, так как объединяет функции власти с деятельностью НПО. Махалла могут выполнять эту роль в случае, если они используют свою власть на местном уровне. Таким образом, махалла является местным институтом самоуправления, нежели НПО.

Оценить эффективность деятельности махалла в роли медиатора между государством и обществом нелегко. Обычно благодаря правилам, установленным в политической системе, НПО могут влиять на процесс принятия законов разными путями, как поддержка или противостояние решениям центральных или местных государственных органов от лица жителей. Но здесь полномочия махалла ограничены. Махалла играет важную роль в решении местных вопросов посредством предоставления рекомендаций местным органам управления. Существуют строгие ограничения участия махалла в процессе принятия законов, и им разрешается проводить деятельность только в области, находящейся вне официальной политики. Также махалла не может защищать политические интересы своих членов перед государством. Они не имеют ни политической власти, ни механизмов, ни ресурсов для этого. Единственное полномочие, которым они обладают, – это ведение общественного контроля за местными властями и государственными служащими. Трудно оценить, насколько эффективно махалла исполняют эту функцию.

Одной из характерных черт НПО является их вклад в создание системы социально-политических ценностей и отношений на основе взаимных интересов, а также формирование политической идентификации среди своих сторонников. Такая идентификация воодушевляет людей на реализацию своих интересов и их защиту. В результате появляется политическая активность. В свою очередь, политическая активность гарантирует жизнеспособность гражданского общества. Таким образом, граждане могут быть интегрированы в политическую систему. Но махалла создают идентификацию иного типа. Они функционируют не только как социальный институт, но и как культурный. В отличие от других НПО, махалла рассматривается как действенный механизм сохранения и развития узбекских национальных ценностей и традиций. Так как она наблюдает за ежедневной жизнью людей, махалла является центральным местом социализации. В свою очередь, национальные ценности и нормы служат основанием для формирования национальной идентичности. Эту роль не может исполнять ни одна НПО.

С одной стороны, указанные процессы проходят в том же темпе, как и развитие государства. Примерно более половины населения проживает в сельской местности и занято в сельском хозяй-

стве. Учитывая, что сельское население более консервативно и менее политически активно, махалла отражает нужды сельской жизни. С другой стороны, махалла служит уникальным инструментом контроля за жизнедеятельностью в сельской местности. Самуэль Хантингтон отметил в своей работе «Политический порядок в меняющихся обществах», насколько важно контролировать сельскую местность, чтобы избежать радикальных изменений в любых преобразованиях. Он также признает, что такой механизм контроля лежал в основе успеха Коммунистической партии.

Политическое участие не является основной функцией махалла. Большее внимание уделяется моральным вопросам. Например, поддержка традиций, согласно которым младшие должны прислушиваться к старшим при любых обстоятельствах. В противном случае этот вопрос выносится на обсуждение старейшинами. В дополнение к этому, махалла ни в коем случае не могут рассматривать социальные вопросы, касающиеся общества в целом и подлежащие решению на государственном уровне. Они не могут организовывать массовую мобилизацию в целях защиты своих сторонников, как это делают НПО. Таким образом, члены махалла обладают очень слабой политической властью, хотя ее председатель и советники избираются путем голосования. Это означает, что махалла никогда не формируют политическую идентификацию в качестве института гражданского общества. Они разбросаны как политическая организация и слабы для участия в политических процессах. Они не могут распространить свои полномочия за пределы своей территории. Успех, который они имеют в сельской местности, объясняется тем, что другие НПО не имеют здесь силы. Ни одна другая НПО не может достичь такого уровня проникновения в жизнь села, как махалла.

Поэтому махалла, включающие представителей всех социальных групп, являются основным актором в определении национальной идентификации без их политической мобилизации. Махалла могут быть определены как «местный» институт гражданского общества с широким объемом функций и характером, отличающимся от других институтов гражданского общества. Помимо этого, махалла работают лучше, чем многие НПО, во многих аспектах социальной жизни. Все это дает основание признать махалла в качестве организации, представляющей единственную альтернативу институтам гражданского общества. В случае политических трудностей в будущем махалла способны выступить в качестве политического института. Это может произойти, если махалла будут совершенствоваться в будущем в качестве института и не будут испытывать конкуренции со стороны других НПО в ограниченном пространстве. Очень трудно соблюсти оба условия, так как они взаимоисключающие.

Объединение государства и общества

Демократические режимы имеют особую черту – социальные конфликты воспринимаются как обязательное условие для развития, а отношения между государством и обществом носят диалектический смысл. Напротив, в недемократических режимах такие условия не допускаются. Такое положение затрудняет деятельность НПО. Несмотря на то, что недемократические режимы допускают НПО в качестве номинальных акторов политики, на практике они требуют от них служить инструментом для гармонизации общества и государства, а не для дезинтеграции. На это и направлена обязанность махалла. Поэтому существует значительная разница в понимании роли махалла между государством и обществом. На самом деле представители государственных органов воспринимают махалла как провайдера услуг, тогда как общество желает видеть в махалла организацию по защите общественных интересов. Несмотря на ожидания обеих сторон, похоже, махалла не справляется с обеими функциями одновременно.

Махалла объединяет антагонистические интересы режима и общества посредством двух решений:

Во-первых, через поддержку и развитие культурных норм, которые не противоречат политической и правовой системе. Существует передаваемая из поколения в поколение старая традиция «хашар», предполагающая массовую мобилизацию общества для исполнения определенного дела в общих интересах. Сегодня государство придало «хашар» официальный статус и широко использует эту традицию. «Хашар» никогда не предъявляет политических требований, как другие акции массовой мобилизации, и исключительно направлена на вопросы социальной важности. Обычно к «хашар» прибегают для уборки территории, высаживания цветов и деревьев на улицах и в парках в выходные дни, перед национальными праздниками, такими как Ноуруз, День независимости и др. В таких акциях участвуют не только местные сообщества, но и работники различных организаций и даже государственные служащие.

Во-вторых, путем дискредитации тех культурных институтов и норм, которые не совместимы с интересами режима. Существуют независимые институты, которые способны конкурировать с

властью в некоторых аспектах жизнедеятельности общества. Например, в период, предшествующий советской власти, мечети обучали исламским канонам и распространяли их среди населения в местах, где отсутствовали религиозные школы, особенно в отдаленных районах. Сегодня так же, как и в советское время, мечетям запрещена такая деятельность. Как утверждают власти, основной причиной этому служит борьба с радикальным исламом. Запрет мечетям проводить обучение лишил население права на религиозное образование. Из-за недостаточных знаний об исламе многие молодые люди были вовлечены в радикальные секты, и теперь представляют угрозу стабильности. Государство наделило махалла функцией контроля религиозных общин путем распространения знаний об умеренном исламе и привлечения людей к светскому образу жизни. Для этих целей была создана комиссия по духовности и религии, которая заменила деятельность мечетей. Однако такие действия привели к тому, что махалла стали восприниматься людьми как агенты служб безопасности, и они потеряли доверие, что отдалило религиозное население от государства.

Другой пример борьбы с «нежелательными» традициями - это случай с ранними браками, которые, несмотря на официальный запрет, широко распространены. Посредством махалла государству удалось снизить количество ранних браков.

Будущее

Будущее махалла зависит от того, как они объединят два диаметрально противоположных статуса: независимой организации самоуправления и беспрецедентного представителя гражданского общества. В прошлом они были независимыми органами и эффективно выполняли свои обязательства без привлечения административного органа. Однако когда их значимость возросла, махалла стали вовлекаться в управление и развиваться как органы местного самоуправления под контролем центрального административного органа. В этом направлении махалла прошли большой путь. Тимур Дадабаев прав в своих утверждениях о том, что «махалла выполняли свои традиционные функции и выжили в советское время в Узбекистане отчасти потому, что они действовали отдельно от государства и являлись относительно независимыми структурами, полагаясь на добровольное участие членов махалла. В современных махалла, ставших официальными институтами, комитеты махалла практически превратились в административные органы; эти комитеты представляют собой организации самоуправления, пытающиеся гарантировать права своих жителей. Время от времени случается государственное вмешательство в деятельность махалла во время выборов, проведения государственных программ и в обычную деятельность махалла, что создает среди населения впечатление, что махалла являются субподрядчиками государства, а не организациями самоуправления»[84].

Почти официальный статус махалла дает их резидентам определенные полномочия, как обсуждалось выше (возможность решать вопросы без привлечения судов и полиции), но, в принципе, в будущем это может отдалить общество от махалла. Как упоминает в своей статье Тимур Дадабаев, «махалла, ранее функционировавшие как рабочие структуры на неофициальном уровне, теперь стали официальными и встали под управление административного крыла государства. В результате связи с этими сообществами, которые уже ослабли от советской государственной политики в отношении махалла, еще более ухудшились. Махалла стали местным административным органом и более не воспринимаются как часть «личной, приватной» сферы. Члены махалла все менее воспринимают махалла как «продолжение» семьи и больше рассматривают их как государственный институт»[85].

Уже появились отделившиеся группы, которые не только представляют альтернативу махалла, но и выступают против них, проявляя солидарность и поддержку их членам. Это наблюдалось в андижанских событиях, где махалла не смогли обеспечить законный порядок в пределах своей территории и не смогли склонить на свою сторону такие отделившиеся группы.

Бесспорно, махалла играют конструктивную роль в предотвращении социальных напряжений, так как они имеют огромный исторический и практический опыт. Но если не давать им работать свободно, если государство будет вмешиваться в их дела, их историческая миссия окажется под угрозой. Более того, махалла могут потерять свою роль в процессе демократического развития, где граница между властями и обществом будет уменьшаться. Махалла должны перестать быть «агентом» государства и встать на службу обществу.

84 Timur Dadabaev, «Community life, memory and a changing nature of mahalla identity in Uzbekistan», Journal of Eurasian Studies 4, 2013, стр. 181-196.

85 Там же.

25 лет независимости: гражданское общество и государство в Таджикистане

Парвиз Муллоджанов
Независимый исследователь, Таджикистан

Особенностью истории независимости Республики Таджикистан в сравнении с другими постсоветскими республиками является гражданская война, которая началась в 1992 году (сразу после распада СССР) и продолжалась в течение пяти лет. Война нанесла огромный ущерб экономике страны и общества; общий уровень экономических потерь превысил размер бюджета в почти 10 раз; 40 тысяч домов были сожжены и более 1 миллиона человек покинули страну. В результате уровень развития таджикского гражданского общества оказался далеко позади аналогичных показателей большинства других стран СНГ.

Ситуация изменилась после заключения Мирного договора в 1997 году. Благодаря политической стабилизации и централизации власти, экономика страны вышла на ежегодный рост в 7%. Экономическое развитие способствовало развитию гражданского общества: в течение пяти лет количество НПО увеличилось почти в четыре раза, в стране появились десятки независимых и частных газет.

Этот период развития гражданского общества завершился к началу 2014 года, наряду с экономическим кризисом в России, снижением цен на нефть и сокращением российского рынка труда, где заняты большинство таджикских мигрантов. Кризис оказал существенное влияние на все аспекты жизни страны, значительно изменив ситуацию как в экономике, так и в общественной жизни.

Темой данной статьи является рассмотрение и анализ состояния гражданского общества, а также история и перспективы взаимоотношений между властью и основными гражданскими институтами в Таджикистане за последние 25 лет независимости.

Гражданское общество в Таджикистане: структура и характеристики

Большинство определений гражданского общества сводится к тому, что последнее есть пространство между отдельным гражданином и государством[86]. Данное пространство занимают различные неправительственные и общественные организации, которые играют роль посредника в традиционно сложных взаимоотношениях между гражданами и официальными органами. Обычно подразделяют три основных уровня гражданского общества, из которых нижний составляют так называемые традиционные гражданские институты (traditional civic network), неформальные гражданские организации и объединения граждан на общинном уровне, такие как инициативные группы, товарищества соседей (grass root associations) и т.д.

В Таджикистане под традиционными гражданскими институтами подразумеваются такие неформальные гражданские объединения, как сельские советы, советы старейшин, советы кварталов, имеющиеся почти в каждом селении и городе республики. Исторически подобные гражданские объединения оказывали значительное влияние на жизнь общества. И хотя в советский период их влияние в значительной степени сократилось, в последнее десятилетие проявились тенденции к их устойчивому росту. Между тем таджикское общество исторически обладало хорошо развитой сетью традиционных гражданских институтов на местном, общинном уровне. Таджикские общины, как в городских, так и в сельских районах, традиционно обладали системой самоуправления в виде гражданских или так называемых махаллинских советов. Данные советы занимались организацией различных традиционных мероприятий внутри общины (свадьбы, похороны, организация и проведение общественных работ и т.д.); с другой стороны, такие советы были местом, где взрослые члены общины могли обсуждать местные проблемы и разрешать возникающие конфликты.

В советский период традиционные гражданские институты подверглись значительной эрозии. Пытаясь подчинить их своему влиянию и подменить их функции, власти создали подконтрольные государству официозные ассоциации и профессиональные союзы. После того как социальное и политическое напряжение в начале 1990-х годов стало возрастать, оказалось, что ослабленные традиционные гражданские институты на местах не в состоянии эффективно исполнять роль медиаторов в урегулировании конфликта и стабилизации ситуации. Более того, во время

86 См: David Mathews “Politics for People: Finding a Responsible Public Voice”, University of Illinois Press, 1999.

войны, в условиях фактического паралича официальных органов власти существующие традиционные гражданские институты использовались различными противоборствующими политическими группировками в качестве источника для получения финансовых и материальных ресурсов и мобилизации рекрутов и т.д.

Следующий уровень составляют уже неправительственные организации (НПО), как правило, официально зарегистрированные и действующие на более профессиональном уровне, а также СМИ. Появление на исходе перестройки официально зарегистрированных НПО оказалось новым явлением для Таджикистана. Система неправительственных организаций начала впервые формироваться в начале 1990-х и стала быстро набирающим силу и численность сектором: в 1997 году органами власти было зарегистрировано 300, а в марте 2000 года уже 625 новых НПО – в это число входило приблизительно 45 женских организаций[87]. Эта группа НПО постепенно превращается в своего рода связующее звено в структуре гражданского общества республики, связывая между собой различные его части. Действительно, неправительственные организации, ассоциации и объединения граждан являют собой верхнюю, наиболее мобильную и организованную часть нарождающегося таджикского гражданского общества. Ее спецификой является и то, что это одновременно одна из наиболее интеллектуальных частей таджикского общества – большинство лидеров и активистов таджикских НПО являются выходцами из научной и творческой интеллигенции. В тяжелых условиях переходной экономики и кризиса бюджетных институтов многие таджикские интеллектуалы обрели в лице НПО ту нишу, в рамках которой они могли не только самореализоваться, но попросту выжить. Не будет даже преувеличением сказать, что своим сохранением в качестве активной социальной прослойки общества таджикская интеллигенция во многом обязана именно системе НПО и третьему сектору.

К третьему уровню гражданского общества традиционно относят партии, объединения и движения политического характера, представляющие интересы различных социальных групп населения. К сожалению, в Таджикистане на протяжении всего постконфликтного периода, политическая оппозиция постепенно потеряла свои прежние позиции в обществе и возможности оказывать влияние на процесс принятия решений, на формирование курса и политики правительства.

Структурные особенности и недостатки таджикского гражданского общества

Таджикское гражданское общество в стране на протяжении всей своей истории сталкивается со значительными сложностями, объективными и субъективными вызовами. К числу основных субъективных факторов, негативно влияющих на гражданское общество, можно отнести следующие его особенности:

Во-первых, немаловажной особенностью таджикских неправительственных организаций является их полная зависимость от внешнего финансирования – в первую очередь со стороны международных донорских организаций, базирующихся в Душанбе. К сожалению, экономическое положение республики остается все еще в таком состоянии, что местные частные и государственные предприятия, малый и средний бизнес пока еще не в состоянии финансировать гражданские и благотворительные инициативы. В результате большинство местных неправительственных организаций вынуждены подстраивать свои проекты и направление своей деятельности под программы международных организаций, которые в свою очередь не всегда полностью отвечают нуждам и потребностям республики.

С другой стороны, количество международных донорских организаций, базирующихся в Душанбе, достаточно ограниченно (во всяком случае, в пересчете на количество местных НПО). Еще меньше количество тех из них, которые готовы выделить средства на финансирование образовательных проектов в области разрешения конфликтов и построения мира. В результате из более чем двух тысяч местных неправительственных организаций всего лишь несколько десятков работают более и менее постоянно, и всего лишь десяток из них действительно прочно стоят на ногах. Несмотря на существенное увеличение количества НПО в стране, только около дюжины из них имеют действительно устойчивое положение, обладая налаженной системой фандрайзинга, подготовленным персоналом и т.д. Приблизительно так же выглядит и ситуация с независимыми СМИ, основная часть которых не имеет своих источников финансирования.

Так, в списке местных неправительственных организаций, специализирующихся в области разрешения конфликтов, числится несколько десятков НПО. Однако при ближайшем рассмотрении

87 Parviz Mullojanov, «Civil Society and Peacebuilding» Accord Journal, Conciliation Resources, The Tajikistan Peace Process, Ed. Kamolitdin Abdullaev and Catherine Barnes, Issue 10, London, 2001.

их программ всего три или четыре организации можно с полной уверенностью отнести к специалистам в данной области.

Во-вторых, между различными элементами гражданского общества до сих пор не налажено эффективное сотрудничество и взаимодействие. Самое главное, что таджикское гражданское общество так и не выросло в единый и хорошо отлаженный механизм – развитие его отдельных элементов проходит крайне неравномерно. Если сектор НПО развивался более быстрыми темпами, то СМИ несколько отстали в своем развитии. В республике так и не сформировалось современное информационно-коммуникационное пространство, по количеству независимых средств массовой информации мы все еще отстаем от большинства стран СНГ. Развитие политических партий и движений происходило медленными темпами – к 2014 году лишь немногих из них можно было назвать действительно устойчивыми.

В результате социальное партнерство между различными секторами гражданского общества остается на относительно низком уровне, что часто сказывается на качестве и многих гражданских инициативах. К сожалению, пока еще недостаточно развивается сотрудничество между двумя основными частями таджикского гражданского общества – традиционными гражданскими институтами и НПО. Между тем именно сотрудничество между этими секторами гражданского общества позволит в полной мере возродить потенциал традиционных гражданских институтов. Нет должного сотрудничества между масс-медиа и НПО, между политическими партиями и общественными организациями. Даже между зарегистрированными НПО остаются серьезные проблемы в коммуникации. Несмотря на многократные попытки объединиться и скоординировать свои действия, сегодня таджикские НПО остаются по-прежнему разобщенными, а отношения между ними скорее напоминают отношения между конкурентами, чем между единомышленниками.

Между тем влияние гражданского общества зависит не столько от количества составляющих его институтов, сколько от качества взаимодействия и связи между ними. Чем выше уровень коммуникации и сотрудничества между политическими партиями, СМИ, НПО с одной стороны и неформальных объединений граждан с другой, тем сильнее и влиятельнее является местное гражданское общество. Соответственно, любой существенный разрыв в едином пространстве гражданского общества ведет к его ослаблению и неспособности в полной мере выполнять свои функции и задачи.

Гражданское общество и власть в Таджикистане

Отношения между властью и гражданским обществом в Таджикистане всегда оставались непростыми. В целом, в постконфликтный период их можно условно разделить на две основных фазы: во-первых, первые 13 лет после заключения Договора о мире, когда государственная политика в отношении гражданского общества оставалась достаточно либеральной. Во-вторых, последние несколько лет, в течение которых наблюдается неуклонное ожесточение государственной политики в отношении независимых гражданских институтов и политических партий.

В результате в последние несколько лет в Таджикистане наблюдаются две основные тенденции в развитии общества и страны.

Во-первых, это процесс укрепления централизованной власти, сыгравший значительную роль в преодолении последствий гражданской войны (1992–1997). Речь идет об общей тенденции централизации власти, сосредоточение ее в одном властном центре – тенденция, которая имеет место в политической жизни страны уже на протяжении последних двух десятилетий. В целом, централизация власти является необходимым явлением на определенном этапе постконфликтного развития страны, будучи оборотной стороной процесса стабилизации. Централизация власти имела немало положительных аспектов – в ходе данного процесса правительство сумело избавиться от засилья своевольных полевых командиров и укрепило правопорядок в стране, покончило с наиболее одиозными проявлениями беззаконности и нарушения прав человека. Однако процесс централизации власти в последние несколько лет стал уже принимать характер ее чрезмерной концентрации в руках достаточно ограниченного круга политиков верхнего эшелона. В результате, если еще несколько лет назад на политической сцене республики существовало несколько центров влияния, являющих собой противовес центральному правительству, то теперь их количество резко уменьшилось или они уже растеряли существенную часть своего потенциала.

Во-вторых, на протяжении всего постконфликтного периода в стране наблюдается снижение влияния и роли гражданского общества, неправительственного сектора. Парламентские выборы в 2010 и 2015 годах ясно показали, что в республике практически не осталось действенной и сильной оппозиции, хотя именно ее наличие является одним из основных условий развития демократического общества. В настоящее время Маджлиси Оли (Парламент) является фактически однопартийным

законодательным органом, в котором существует только одна фракция таджикской «партии власти» - НДПТ (Народно-демократическая партия Таджикистана). Закрытие Партии исламского возрождения в 2015 году положило конец присутствию оппозиционных партий в парламенте.

Социально-экономический кризис 2014-2016 годов и его возможные последствия для состояния гражданского общества в Таджикистане

Особенность нынешней ситуации в Таджикистане определяется растущей конфронтацией между устаревшей социально-экономической моделью и быстро меняющимися геополитическими и экономическими реалиями. Действующая таджикская социально-экономическая модель была полностью встроена в общую систему экономических отношений, сложившуюся на пространстве СНГ после распада Союза. Однако российский экономический кризис оказывает значительное влияние на состояние постсоветской экономической системы. В этих новых условиях таджикская экономическая модель становится все менее устойчивой.

Дело в том, что таджикская экономическая модель существовала и была состоятельной только в условиях благоприятной геополитической конъюнктуры – в первую очередь благодаря наличию бурно развивающегося рынка труда в России и политической стабильности в соседних странах, особенно в Афганистане. Экономисты называют данную модель экономикой денежных переводов[88], так как, по данным Всемирного Банка, в 2015 году денежные переводы мигрантов составляли около половины ВВП[89]. Как только благоприятные условия изменились и рынок труда в России начал сжиматься, пошли вниз мировые цены на хлопок и алюминий, таджикская экономическая модель оказалась несостоятельной. В этих условиях таджикскому правительству необходимо было как можно скорее адаптировать модель к новым условиям. Это подразумевает проведение масштабных, структурных экономических реформ. Речь идет, прежде всего, о диверсификации экономики, то есть об отказе от трудовой миграции в качестве основного двигателя экономики, источника доходов как граждан, так и государственного бюджета. В противном случае данную модель вряд ли получится удерживать на плаву в долгосрочной перспективе.

К сожалению, на настоящий момент ответ таджикского правительства на новые вызовы носит в основном чисто технический характер, направленный на решение первостепенных задач. В первую очередь речь идет о резком усилении контроля над обществом, которое рассматривается как основной источник проблем и потенциальное пространство для общественной мобилизации. Это запрет ПИВТ, организация новых, чисто карманных политических партий. Правозащитные организации говорят также о постепенном, но неуклонном усилении давления на гражданское общество, средства массовой информации, НПО и международные организации, аресте и преследовании независимых гражданских активистов. Таким образом, на сегодняшний день вся перестройка ограничивается в основном зачисткой политической и общественной надстройки.

В результате процесс принятия решений, судьбоносных для страны, принимает все более непрозрачный характер. При этом институты гражданского общества и неправительственный сектор имеют в своем распоряжении все меньше средств и возможностей для оказания влияния на выработку и реализацию проектов и программ развития общества. Это приводит к тому, что власть принимает многие решения без учета общественного мнения, что обусловливает их непопулярность и рост социальной напряженности в обществе.

Глобальный финансово-экономический кризис только усугубил разрыв между гражданским обществом и властью – к сожалению, социальное партнерство в стране остается на низком уровне. Вклад гражданского общества в процесс поиска решений и выхода из кризиса также остается минимальным. Практически можно сказать, что потенциал гражданского общества в стране остается на сегодняшний день практически незадействованным властью.

К сожалению, данная тенденция, скорее всего, продолжит доминировать в ближайшие несколько лет. Судя по всему, таджикские власти в настоящее время не планируют проведения масштабных экономических реформ. Соответственно, по мере дальнейшего углубления социально-экономического кризиса таджикское правительство продолжит политику минимизации гражданского общества, воспринимая последнее в качестве основного механизма общественной и политической мобилизации населения.

88 Саодат Олимова, «Обществовед: Зависимость Таджикистана от денежных переводов трудовых мигрантов ведет страну в тупик» Радио Озоди, *http://rus.ozodi.org/a/25329522.html*

89 Парвиз Муллоджанов, «Таджикистан в 2016 году: основные вызовы, риски и тенденции развития», Азия-Плюс, 15 марта 2016 г., *http://news.tj/ru/news/tadzhikistan-v-2016-godu-osnovnye-vyzovy-riski-i-tendentsii-razvitiya*

«Мы были немножко беременными…»

Умед Бабаханов
Учредитель и главный редактор «Азия-Плюс»

Раньше, когда я говорил, что в Таджикистане есть ограниченная свобода прессы, некоторые из моих западных коллег-журналистов смеялись. «Невозможно быть «немножко беременным». Вы или свободные, или несвободные», – убеждали они. Я, конечно, понимал их логику, но настаивал, что все относительно в этом мире, и даже в странах Центральной Азии все эти годы был разный уровень свободы. Сейчас я уже так не говорю, и никто уже не смеется. Не до смеха...

Оценивая путь, проделанный таджикскими СМИ за последние 25 лет, надо понимать, что их развитие, как и развитие всего общества, во многом определила гражданская война в стране. Начавшись почти сразу после обретения независимости, она на несколько лет затормозила процесс развития национальных СМИ. При этом первые ростки независимой прессы, появившиеся в республике накануне, в период перестройки, в большинстве своем зачахли, так и не пустив корни, – часть газет с началом войны была закрыта, другие эмигрировали за пределы страны и некоторое время издавались за рубежом.

Первые таджикские издания периода независимости начали появляться в 1993–1995 годах, их направленность и тематику также определяли законы военного времени - большинство из них предпочитали ограничиваться развлекательными перепечатками («Дайджест-пресс») или в лучшем случае освещением социальных проблем («Курьер Таджикистана», «Вечерний Душанбе»).

Осенью 1995 года Минюстом страны было зарегистрировано и информационное агентство «Азия-Плюс». Проект стал возможен благодаря гранту представительства Merci Corps International, которое предоставило нашему агентству первый компьютер, а также средства на первые месяцы работы. Национальная экономика была в упадке – денег не было ни у частного сектора, ни у правительственных структур, ни тем более у простых людей. Поэтому первоначально в качестве своей целевой аудитории агентство выбрало единственную на тот момент платежеспособную категорию читателей - посольства и международные организации, работавшие в стране. Практика показала, что этот выбор был правильным – агентство «Азия-Плюс» стало первым и единственным в стране СМИ, начавшим выпускать новости на английском языке, и уже за первые два-три месяца на наши услуги подписались практически все посольства и большинство международных организаций. Подписка позволила агентству увеличить штат сотрудников и постепенно развивать свои услуги. При этом компактная аудитория подписчиков и английский язык издания давали агентству возможность быть более свободным в выборе тем - одним из первых таджикских СМИ «Азия-Плюс» начала освещать ход межтаджикских переговоров, вопросы политики и безопасности, инвестиций и законодательства. После подписания в 1997 году всеобщего соглашения о мире наше агентство особое внимание уделяло информационной поддержке мирного процесса – освещению деятельности Комиссии по национальному примирению, реинтеграции боевиков в мирную жизнь, возвращению беженцев на родину.

Несмотря на формальное окончание войны, уровень взаимного недоверия между правительством и оппозицией оставался высоким, сохранялось и традиционное недоверие правительства к независимым СМИ. Поэтому новый проект, который «Азия-Плюс» решила реализовать в 1998 году, – открытие первой в Таджикистане ФМ-радиостанции – «завис» на долгие четыре года. Оборудование радио мы получили от ЮНЕСКО, набрали людей, поехали на тренинг в Алматы, подали документы на получение лицензии. Но неожиданно возникли проблемы. Официально на наш запрос власти ответили, что в Таджикистане уже достаточно радиостанций и «нет необходимости в создании еще одного канала» (хотя на тот момент в стране не было ни одного частного ФМ-радио). Неофициально же знакомые в правительстве открыто сказали, что лицензию «Азия-Плюс» не получит, потому что радио создается на иностранные гранты: «У вас западные деньги, вы будете защищать не национальные интересы, а интересы ваших спонсоров»...

Все наши обращения к правительству и международному сообществу не дали результата, и только через четыре года, в сентябре 2002-го радио «Азия-Плюс» наконец вышло в эфир. К этому времени ситуация в регионе кардинально поменялась. В связи с антитеррористической операцией в Афганистане Запад вдруг обнаружил на карте маленькую таджикскую республику и решил, что сейчас с ней полезно сотрудничать. С другой стороны, руководство Таджикистана, которое предыдущие 10 лет ориентировалось исключительно на Москву, сделало вывод, что внешние связи пора диверсифицировать. Началась подготовка первого визита президента Эмомали Рахмона на Запад – в Прагу на саммит НАТО, затем в Париж и Вашингтон. Откры-

тие первого в стране независимого радио создавало позитивный фон для предстоящих встреч и снимало возможные упреки в недемократичности режима. Очевидно, поэтому летом 2002 года в моей квартире неожиданно раздался телефонный звонок: «Сегодня в 11.00 будьте в администрации президента. Вас примет глава государства…».

На той встрече Эмомали Рахмон пообещал, что даст распоряжение Комитету по телевидению и радио заново рассмотреть наш запрос на получение лицензии и решить его положительно. После того как «Азия-Плюс» сообщила о решении президента своим читателям, в местной и зарубежной прессе прошла волна позитивных публикаций, эксперты заговорили о реформах в таджикском обществе. А меня как «живой пример свободной таджикской прессы» президент включил в состав делегации, сопровождавшей его в поездках.

Впрочем, все это случилось только через четыре года. А в 2000-м, чтобы не стоять на месте, мы решили попробовать запустить собственную газету, хотя первоначально этого даже не планировали. Этот проект неожиданно стал самым успешным для «Азия-Плюс» – уже через год газета вышла на самоокупаемость, а еще через несколько лет мы обогнали всех наших конкурентов и по тиражу, и по объему рекламы. Некоторое время спустя начал издаваться первый журнал «VIP zone», глянцевое приложение к нашей газете.

Таким образом, к середине 2000 годов «Азия-Плюс» превратилась в крупную медиа-группу, в которую входит информационное агентство с самым посещаемым сайтом, газета с самым высоким тиражом и ФМ-радиостанция, вещающая в трех крупнейших городах республики.

Наш пример, естественно, был не единственным успешным на медиа-рынке Таджикистана тех лет. К тому времени в Таджикистане сформировалось еще как минимум два частных медиа-холдинга – «Чархи гардун» и «Оила», в каждый из которых входило 5–7 газет разной направленности. В этот же период успешно вошли на рынок и развивались многие другие СМИ Таджикистана. По качеству контента и эффективности бизнес-модели, возможно, многие из них были далеки от совершенства, но факт остается фактом – этот период был самым продуктивным и благоприятным для таджикских СМИ, что отмечалось и в международных индексах свободы слова. Причем, в отличие от Казахстана или Кыргызстана, таджикистанские СМИ не были выкуплены финансово-промышленными группами, что позволило им оставаться сравнительно независимыми не только от власти, но и от большого бизнеса. Это создавало условия для выражения широкого спектра мнений, хотя имело и свои минусы - отсутствие серьезных инвестиций в таджикские СМИ не позволило им динамично развиваться и окрепнуть.

Политическое похолодание в Таджикистане после оттепели первого десятилетия 2000-х начало постепенно наступать после парламентских выборов 2010 года. Значительный процент избирателей тогда проголосовал за Партию исламского возрождения (более 50% по данным ПИВТ, около 8% - по официальным данным). Власти традиционно выделили «исламистам» в новом парламенте всего два места, но для себя, очевидно, решили, что ПИВТ стала слишком опасным конкурентом, которого пора нейтрализовать. Вскоре достоянием гласности стал секретный правительственный протокол №32-20, в котором расписывались задачи правоохранительных и иных госструктур по дискредитации и ослаблению ПИВТ. Правительство заявило, что протокол является фальшивкой, но последующие действия властей практически в точности повторили все пункты секретного документа.

Заключительным аккордом «операции Анти-Нахзат», как ее назвали журналисты, стал запрет ПИВТ как террористической организации в сентябре 2015 года и арест ее высшего руководства…

Параллельно с кампанией против политических оппонентов все последние годы власти усиливали давление на СМИ, правозащитников, независимых экспертов и неправительственные организации Таджикистана. Популярным способом борьбы чиновников с неугодными изданиями стали судебные иски по обвинению в клевете с заведомо высокими штрафами, которые бы привели СМИ к банкротству. От нашей газеты, к примеру, за это время через суд требовали выплаты 1 млн долларов (генерал МВД), 300 000 долларов (члены Верховного суда) и 40 000 долларов («интеллигенция»). Последний иск стал самым скандально известным – четыре творческих союза и Академия наук республики посчитали себя оскорбленными цитатой Ленина о национальной интеллигенции, приведенной в публикации «Азия-Плюс». Судебный процесс дирижировали из высоких кабинетов, он длился около двух лет, и, несмотря на свою нелепость, завершился в пользу истцов.

Еще одним популярным способом подавления СМИ и журналистов за последнюю пятилетку стала блокировка информационных сайтов и социальных сетей. Этот инструмент активно применяется властями с 2012 года, в настоящее время в Таджикистане остаются заблокированными Facebook, Youtube, сайты таджикской службы Радио Свобода, агентства «Азия-Плюс» и других независимых

СМИ. Причем наши чиновники изобрели «таджикский ноу-хау» такой блокировки: распоряжение заблокировать тот или иной сайт делается путем неофициальных устных указаний Службы связи мобильным операторам и интернет-провайдерам. В результате СМИ не имеют возможности оспорить данные решения, потому что официально их не существует, а руководители Службы связи только разводят руками и советуют журналистам разбираться с провайдерами.

Действия властей и события последнего времени закономерно привели к сокращению критических материалов в таджикских СМИ и росту самоцензуры, что в свою очередь привело к снижению интереса к ним со стороны читателей, падению тиражей. Проблему усугубил экономический кризис в стране, в результате которого у СМИ на 50–70% сократились объемы рекламы. В результате большинство таджикских СМИ в 2015–2016 годах оказались на грани банкротства, были вынуждены урезать зарплаты сотрудникам, сократить штаты, заморозить новые проекты… Многие журналисты покинули страну.

Таким образом, к 25-летию своей независимости Таджикистан подошел практически без оппозиции, с заметно ослабленным гражданским обществом и СМИ. И с президентом, имеющим титул «Лидера нации» и правом пожизненно руководить страной. Очевидно, в ближайшие годы авторитарные тенденции в Таджикистане будут усиливаться. В таких условиях смогут существовать только лояльные властям, а также развлекательные СМИ. Правительственные стратеги, писавшие сценарий развития страны, возможно, и стремились к созданию такой ситуации в национальных медиа. Однако следует иметь в виду, что с очевидными плюсами для власти такая ситуация может иметь отрицательные последствия – для нее самой и для страны в целом. Свято место пусто не бывает, поэтому в отсутствие влиятельных национальных СМИ образовавшийся вакуум в Таджикистане еще плотнее займут иностранные медиа, прежде всего российские, на которые власти влиять уже никак не смогут. Это повысит уязвимость страны в происходящих время от времени «информационных войнах» с ближними и дальними соседями. С закрытием независимых СМИ также исчезнет «предохранительный клапан», через который все последние годы выпускался пар социального напряжения в таджикском обществе.

…Продолжая метафору моих коллег-журналистов, с которой я начал этот рассказ, можно сказать, что таджикские СМИ больше не беременны свободой – произошел выкидыш…

Социальные медиа в Центральной Азии

Адиль Нурмаков
Лектор, Университет КИМЭП, Алматы, Казахстан»

Государственные органы и негосударственные организации в Центральной Азии рассматривают информационные и коммуникационные технологии (ИКТ) в качестве механизма развития. Государства приоритизируют этот сектор в своих программах, инвестируя миллионы долларов в целях улучшения инфраструктуры доступа к интернету и предпринимают усилия для введения технологий в область оказания государственных услуг. Распространение интернета развивалось со стремительной скоростью на протяжении последнего десятилетия, что позволило людям воспользоваться преимуществами рассвета информационной эры, находясь во внутриматериковом регионе. Участие людей на площадках социальных средств массовой информации и активное использование этих веб-сайтов не сильно приветствуется властями, которые зачастую рассматривают их как представляющие угрозу «внутренней стабильности», хотя эта стабильность на самом деле означает безопасность и долговечность элит.

Сайты социальных сетей наиболее популярны среди веб-ресурсов Центральной Азии. Использование определенных социальных сетей различается между государствами региона, но российские платформы – ВКонтакте, Одноклассники и Mail.Ru – среди наиболее используемых. Популярность Facebook и его приложения для обмена фотографиями Instagram также растет быстрыми и стабильными темпами. Число пользователей этой площадки в пяти центральноазиатских странах составляет 2,1 миллиона и продолжает расти.

Twitter и другие микроблогинговые решения также пользуются растущей популярностью, но с достаточным отрывом от доминирующих игроков, которые предлагают более разнообразное мультимедийное содержание (ВКонтакте, например, особенно привлекателен огромным количеством пиратских кинофильмов, телепередач и музыки). YouTube отмечен вторым по количеству использования сайтом в Казахстане на Alexa.com, глобальном веб-мониторе Amazon.com. Однако использование

YouTube в других странах региона ограничено низкой пропускной способностью интернета.

Правящие режимы желают развивать технологии на своих условиях – в целях диверсификации слабых экономик, оптимизации управления и из-за стремления не отставать от четвертой мировой индустриальной революции. Но для них потенциал неконтролируемых масс, активных в интернете, представляет риск. До сих пор в тех регионах, где такие платформы не полностью запрещены, центральные и местные власти используют их в своих целях. В Казахстане государство использует сложное программное обеспечение для отслеживания «информационного пространства». В мае 2016 года президент Назарбаев дал указание новому министерству информации и коммуникаций идентифицировать проблемы, на которые люди жалуются, и решать их в оперативном порядке. Местные власти Алматы, самого крупного города страны, не только следят за социальными медиа, но и имеют свой собственный аккаунт на Facebook и Instagram для приема жалоб и откликов о принимаемых действиях. Работники маленького муниципалитета таджикского района Рудаки использует похожий подход посредством страницы *hukumat's* на сайте Odnoklassniki.ru. Премьер-министр, министры и многие члены парламента в Казахстане и Кыргызстане являются активными пользователями Twitter и Facebook.

Бизнес также занял активные позиции в продвижении в социальных медиа. А есть и такие бизнес-проекты, которые возникли на основе социальных медиа, например Potrebitel.uz – общество защиты потребителей в Узбекистане. Оно начало деятельность в виде группы на Facebook, набрало огромное количество участников и привело их создателей к успешной бизнес-идее о маркетинговой интернет-компании. Бизнес во всех странах серьезно относится к своим стратегиям продвижения в социальных медиа. Но если коммерческие структуры используют преимущества соцсетей в целях продвижения бренда и потенциальных продаж, то новостные бизнес-структуры не только видят в соцсетях преимущества, но и сталкиваются с трудностями.

Независимые средства массовой информации немногочисленны и почти не существуют в Центральной Азии, за исключением Кыргызстана. Но и эта страна, длительное время имевшая имидж «островка демократии», постепенно теряет такую репутацию. Многие средства массовой информации испытывают трудности в процессе приспособления к цифровой эре и новым требованиям конкурентоспособности. Новостные сайты вынуждены постоянно бороться за свою аудиторию, которая вряд ли будет посещать их веб-страницы, а скорее читать новости на своей ленте в Facebook или Twitter, где очень легко их внимание может быть отвлечено на массовые темы, «горячие» дискуссии, троллей или попросту на фотографии кошек или собак. Журналистская деятельность в области общественных интересов находится в кризисе на глобальном уровне, и даже развитые международные публикации до сих пор учатся, как удержать своего читателя в социальных медиа. В то же время в неблагоприятных условиях, когда веб-сайты блокируются, происходят атаки DDoS, запрет на деятельность новостных сайтов становится рутиной независимых журналистов, такие платформы, как Facebook, могут способствовать достижению аудитории, хотя и не предполагают ни финансового вознаграждения, ни перспективы для экономической состоятельности для медиа. Оказавшись в стороне от основных путей распространения новостей, независимые журналисты могут все еще полагаться на социальные сети, но это отчаянные попытки.

Тем не менее сегодня социальные медиа в Центральной Азии являются последним бастионом свободы слова. Не только состоявшиеся средства массовой информации прибегают к соцсетям как к последней инстанции, но, что, возможно, более важно, многие другие голоса используют Facebook, Twitter и множество приложений для обмена сообщениями как канал выражения мнения на темы общественных интересов. Партии оппозиционных политиков могут быть запрещены или раздроблены властями, но они продолжают задавать неудобные вопросы в социальных сетях. Им может быть отказано в регистрации на выборах, они не добирают голоса в результате нечестных выборов, но вместо этого они набирают тысячи «лайков» в интернете. Социальные медиа также создают условия для появления молодых лидеров, особенно в Казахстане и Кыргызстане. Голоса меньшинств – ультраправых, левых анархистов, реакционных традиционалистов и других – также не упускают возможности выразить свои взгляды через эти повсеместные виртуальные трибуны. Свободная и равноправная площадка обмена взглядами и идеями, представленная Facebook и подобными сетями, является лучшим отражением жизни разнообразного общества, нежели официально одобренные средства массовой информации.

Потенциал обмена информацией и мобилизации социальных медиа, которых власти серьезно опасаются после «цветных» революций и «арабской весны», трудно сдержать. Даже в Туркменистане, полицейском государстве и закрытом обществе, управляемом личным культом президента, пользователи обмениваются запрещенными новостями на интернет-платформах. В 2011 году они обсуждали череду массовых взрывов на складах боевых припасов, информацию о которых режим пытался скрыть. Обсуждение и фотографии инцидента можно было увидеть на форумах, которые являются единствен-

ными сайтами с пользовательским контентом, которые не заблокированы в Туркменистане.

Несколько раз в Казахстане Facebook становился местом встречи для граждан, возмущенных желанием государства урезать пособия по беременности и увеличить пенсионный возраст (2013 год), падением национальной валюты (2014 год) или приватизацией земли (2016 год). Несогласные затем продолжили активность уже вне сети – созданные здесь сообщества стали самоорганизовываться в «реальной жизни» и проводить санкционированные или несанкционированные митинги протеста против государственной политики. Подобные народные движения наблюдались в Алматы (Казахстан), Душанбе (Таджикистан) и в Ташкенте (Узбекистан), где граждане выступили против планов местных властей по изменению природоохранных зон, сносу исторических зданий или вырубке деревьев. В Кыргызстане проходили разнообразные акции социальной мобилизации и коллективных действий через социальные сети. Здесь были установлены стандарты для проведения благотворительных акций и реагирования на чрезвычайные ситуации через онлайн-платформы, когда в 2010 году активисты и блогеры организовали гуманитарную кампанию для поддержки жертв межэтнических столкновений и способствованию мирному урегулированию.

Учитывая все «за» и «против» новой реальности такого формата коммуникаций «от масс к массам», где государства не могут более полагаться на механизмы контроля за потоками информации «сверху-вниз», власти усиливают свои попытки наложить ограничения на темы и деятельность, которые их не устраивают. Регулирование интернета в Центральной Азии, за исключением Кыргызстана, нацелено на создание атмосферы самоцензуры, и зачастую публичные разбирательства производят «охлаждающий» эффект на все интернет-сообщество. Часто использование ИКТ становится усугубляющим фактором в уголовных делах по обвинению в нанесении оскорбления, распространении клеветы, подстрекательства к ненависти и т.д.

Блокирование сайтов является наиболее часто используемым способом борьбы с нежелательной информацией в регионе. В 2015 году в Казахстане заблокировали на постоянной или временной основе десятки онлайн-газет, платформ обмена информацией и мультимедиа, начиная с британской Daily Mail и заканчивая UrbanDictionary – путеводителем по сленгу и жаргону, включая Vimeo, DailyMotion, Soundcloud и Tumblr. В некоторых случаях выносились судебные решения, запрещающие веб-сайты, содержащие информацию экстремистского характера, но во многих других случаях людям не объясняли причину таких ограничений. В Узбекистане также блокируют большие сектора глобального интернета, включая YouTube и все приложения для обмена сообщениями, которые дают возможность обмениваться голосовыми и видеозвонками. Многие пользователи интернета не обладают информацией о том, как обходить такие ограничения и недостаточно мотивированы продолжать использовать ресурсы, которые они использовали ранее. Они не станут задавать вопросы, если не смогут получить доступ к новой для них странице.

Власти Таджикистана также блокируют большинство социальных сетей и основных новостных сайтов, но пользователи интернета в этой стране установили беспрецедентный случай в Центральной Азии. Повсеместное использование инструментов обхода ограничений стало здесь рутиной, что подтверждает неэффективность фильтрования контента. Для большинства таджикского населения, из которого 83% используют мобильные телефоны для связи с интернетом, такие сайты как Facebook, ВКонтакте и Одноклассники, являются основным средством сообщения с родственниками, работающими за границей, и люди быстро научились обходить блокирование. Ситуация достигла абсурда, когда корпоративная страница Facebook таджикского интернет провайдера (ISP), заблокировавшего сам Facebook, не переставала обновлять новости для своих клиентов. В другом случае, когда была заблокирована страница основного таджикского новостного агентства «Азия-Плюс», журналисты узнали об этом от своих пожилых пользователей, так как сами они никогда не отключают VPN на своих компьютерах.

В самых громких случаях, когда не существует решения суда или другого правового основания для блокирования сайта, власти и провайдеры отрицают свое участие в цензуре. Например, в Таджикистане существующее законодательство не имеет положений о каком-либо виде блокирования, поэтому ни телекоммуникационные компании, ни государство не берут ответственность за такие акты. В Казахстане критикующие веб-сайты Ratel.kz и Zonakz.net были заблокированы в течение нескольких месяцев в 2015 и 2016 годах интернет-провайдером, который предоставлял им услуги хостинга, без объяснения причин прекращения предоставления услуг и доступа к сети.

В то время как власти начинают понимать, что блокирование имеет ограниченный эффект, они стали запрещать использование путей обхода. Последние примеры применения такой политики наблюдаются в Казахстане и Таджикистане, а в Узбекистане анонимные пользователи в интернет-кафе стали преследоваться законом намного ранее. Теперь режимы Центральной Азии используют намного более изощренные стратегии предотвращения рисков, исходящих от интернет-провайдеров, социальных средств массовой информации и беспрепятственного потока информации, который они обе-

спечивают. Власти сохраняют старые решения или вводят новые решения для централизации инфраструктуры доступа к интернету, тестирования новых путей развертывания массовых онлайн-наблюдений, перехвата зашифрованного трафика, приобретения сомнительного кибер-шпионажного и мониторингового оборудования у фирм с неоднозначной репутацией, таких как Hacking Team и других.

В Казахстане власти запретили использование социальных медиа и смартфонов всем государственным служащим и посетителям государственных учреждений в целях борьбы с «утечкой секретной информации». Узбекистан намерен создать собственный интранет со своими собственными поисковыми механизмами, социальными медиа и программами обмена сообщениями, чтобы держать пользователей в пределах собственных виртуальных границ и реальной юрисдикции.

Учитывая сомнительную государственную политику и неоднозначные сигналы, подаваемые властями населению, трудно делать прогноз даже на ближайшее будущее. Когда мы приветствуем случаи, где социальные медиа делают вклад в коллективные действия, мы должны знать, что только малая часть всех активных пользователей в Центральной Азии используют эти инструменты для вовлечения в сферу общественных интересов. В основном, они используют интернет для общения с друзьями или для развлечений. В то же время, когда мы выражаем обеспокоенность намерениями государства расширить контроль над интернет-пространством, необходимо понимать, что многие из таких политик государства с трудом реализуемы. Они упускают из вида глобальную природу интернета и не могут предвидеть неминуемые последствия его фрагментации для экономик и кибер-безопасности стран, которые принимают такие решения.

Возрождение ислама в постсоветской Центральной Азии: оценивая прошлое, заглядывая в будущее

Алима Бисенова

Ассистент-профессор антропологии,
Школа гуманитарных и социальных наук
Назарбаев Университет

Обретение независимости бывшими советскими республиками в Центральной Азии совпало с так называемым глобальным исламским ренессансом в остальном исламском мире. После десятилетий антирелигиозной пропаганды и вытеснения религии из публичного пространства последовал период возрождения и усиленного интереса к религии и как к неотъемлемой части этно-культурной идентичности, и как к чисто религиозной духовной практике. Получив независимость, центральноазиатские страны воспользовались возможностью восстановить связи со странами Ближнего Востока и наладить сотрудничество в сфере религиозного образования, а также в сферах «народной дипломатии», торговли и хаджа. Например, в Казахстане в 1990-х и в начале 2000-х годов по межгосударственным программам студенты могли учиться и в Аль-Азхарском университете, и в Исламском университете Медины, в Шымкенте был открыт Арабско-Казахстанский университет, в Туркестане - университет Яссави, где получали базовое религиозное образование и изучали арабский язык.

Прекращение действия советских антирелигиозных законов и антирелигиозной пропаганды поставило государство перед необходимостью разработки какого-то иного регулирования публичной религиозной деятельности, которое в 1990-х годах было достаточно либеральным. С одной стороны, свобода того периода отражала дух открытости, с другой стороны – создавала некую чехарду, а также межконфессиональную и внутриконфессиональную напряженность в обществе, не привыкшем к такому значительному присутствию религии в публичной сфере. После первоначальной открытости центральноазиатских стран ко всем новым, в том числе исламским, веяниям 1990-х, а также проповедникам из разных стран, последовал период ограничений и более настороженного отношения к исламу и другим религиям со стороны властей. Это было вызвано как внешними событиями – 11 сентября 2001 года и последовавшей «войной против терроризма», чеченскими войнами, так и собственными событиями (взрывами в Ташкенте в 1999 году, террористическими действиями в Баткене в 1999–2000 годах).

Период реакции по отношению к быстрой и неожиданной исламизации, однако, связан не только с внешними факторами. Как отмечают многие исследователи региона, раздражительное отношение к исламской (и другой) религиозности существует и в самом обществе, которое не было готово к расширению нового несоветского секуляризма, массовому

внедрению новых понятий и практик и распространению так называемого «фундаментального» ислама, который не концептуализирует религию как часть национальной традиции. Многие исследователи ислама в Центральной Азии также пишут о расширяющемся разрыве между приверженцами новых и старых понятий о том, каким должно быть или не должно быть выражение религиозности. Этот назревающий разрыв и конфликт особенно отмечали исследователи Кыргызстана: Джулия МакБрайен, Масис Пелкманс, Мария Лоу писали о том, что новые практики проведения коллективных ритуалов – свадеб и похорон, а также более основательный подход к исламу в повседневной жизни вызывают напряжение и озабоченность у других мусульман, которые могут позиционировать себя в континууме от «мусульман-атеистов» до «умеренных»[90].

В ситуации конкурирующих представлений о «правильном» исламе лидеры государств и представители государственных органов, вместо того чтобы соблюдать нейтральность в духе секуляризма, часто оказывают поддержку какой-то одной стороне, тем самым еще больше «разжигая» противоречия. Примером такого «разжигания» можно привести билборды «Qayran elim, qaida baratabyz?» («Бедный народ, куда мы катимся?»), санкционированные и профинансированные аппаратом президента Атамбаева и противопоставляющие «местные» и «экспортированные» исламские традиции в женской одежде[91]. Объясняя свою поддержку баннеров, президент Кыргызстана также добавил, что те, кто проповедует и практикует ислам иначе, «путают арабскую, пакистанскую, бангладешскую культуру с кыргызской культурой» и навязывают «чужую культуру под видом религии»[92]. В разгар конфликтов вокруг разрешения/запрета хиджаба в школах в Казахстане президент Назарбаев также сделал заявление, что казахские девушки «не носили хиджаб и паранджу»[93]. Несмотря на то, что ношение хиджабов в Казахстане не запретили законодательно, веское слово президента укрепило узкое эссенциалистское видение «традиционного ислама».

Разные государства Центральной Азии по-разному реагируют на процессы исламизации и, конечно же, сами эти процессы проходят по-разному в зависимости от общественно-политического климата в стране. В Кыргызстане, например, ученые отмечают, что ислам (в том числе официальный ислам) часто находится в оппозиции государству, а исламское видение справедливости и справедливого общества цементируется как альтернатива несправедливой и коррумпированной государственной системе. В этом плане интересно отметить, что муфтият Кыргызстана официально выступил против «провокационных баннеров», поддерживаемых президентом, что сложно представить в Казахстане, где полным ходом осуществляется процесс «огосударствления ислама». Первое в некотором роде вынужденное движение к огосударствлению идет со стороны самого государства. Это движение вызвано попытками различных государственных органов как-то обуздать мощную волну исламизации в обществе, последовавшую за развалом Советского Союза. Как сказал один из бывших служащих Агентства РК по делам религии в интервью автору: «Поезд исламизации уже ушел. Единственное, что мы можем сделать, это попытаться запрыгнуть на этот поезд и как-то контролировать направление»[94]. Второе движение к огосударствлению идет со стороны самого мусульманского сообщества, которое хочет быть частью национального модернизационного и гражданского проекта. В нынешнем климате глобальной «войны против терроризма» для мусульман это вопрос нормализации и непротивопоставления исламизации другим общественным процессам.

Бахтияр Бабаджанов называет «неизменной дихотомией» оценки ислама в регионе – «хороший/плохой», «правильный/неправильный»[95]. К вышеперечисленному еще можно добавить дихотомию «традиционный/нетрадиционный» и «умеренный/экстремистский». В такой атмосфере постоянно нагнетаемого конфликта между «правильным» и «неправильным» исламом перед верующими действительно остро стоит вопрос, как попасть в рамки

90 См. Louw, Maria. «Even Honey May Become Bitter When There Is Too Much of it: Islam and the Struggle for Balanced Existence in Post-Soviet Kyrgyzstan.» Central Asian Survey 32, no. 4 (2013): 514–526; McBrien, Julie. «Listening to the wedding speaker: discussing religion and culture in Southern Kyrgyzstan,» Central Asian Survey 25, no. 3 (2006): 341-357; McBrien, Julie and Mathijis Pelkmans. «Turning Marx on his Head: Missionaries, 'Extremists' and Archaic Secularists in Post-Soviet Kyrgyzstan,» Critique of Anthropology 28, no. 1 (2008): 87-103.

91 «Провокационные» билборды: Атамбаев поручил развесить баннеры по всему Кыргызстану», Клооп, 14 июля 2016 г., *http://kloop.kg/blog/2016/07/14/provokatsionnye-bilbordy-atambaev-poruchil-razvesit-bannery-po-vsemu-kyrgyzstanu*

92 Там же

93 «Назарбаев высказался против хиджаба и паранджи», Тенгриньюз, 11 марта 2011 г., *https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/nazarbaev-vyiskazalsya-protiv-hidjaba-i-parandji-180922/*

94 Интервью с автором. 14 февраля 2016 г.

95 Б. Бабаджанов. Об исламе «хорошем» и исламе «плохом». Опыт персонального участия в религиозной экспертизе, Alatoo Academic Studies, No 4, Bishkek, 2015, с. 34-46.

«правильного умеренного ислама» и соответствовать такому имиджу, а перед духовными лидерами мусульман – еще и вопрос о том, как эти рамки очертить так, чтобы туда попасть. Если что такое «плохой ислам» с точки зрения государства более-менее понятно и связано в первую очередь с проблемами безопасности и терроризма, то, что такое «хороший ислам», следует еще определить и это определение должно соответствовать, с одной стороны, универсальной ортодоксии (а неортодоксальный ислам не будет признан большинством верующих), а с другой стороны - вписываться в местный геополитический и культурный контекст. В принципе, определить такой «хороший» и в то же время ортодоксальный ислам и найти баланс - задача вполне разрешимая и выполнимая. Как писал Клиффорд Гиртц, в исламе всегда существовало «напряжение между высокой универсальностью религии и ее же национальной локальностью»[96].

Разрешить эту задачу и в ходе ее разрешения застолбить за исламом почетное место в нациестроении и государствостроении сегодня пытаются лидеры Духовного Управления мусульман Казахстана. Формально, согласно перерегистрации от 19 июня 2012 года, ДУМК является общественным исламским религиозным объединением, хотя по факту, конечно же, понятно, что это не простая общественная организация. В административном плане она дублирует государственные органы и территориально охватывает весь Казахстан. На ДУМК висит огромное хозяйство: две с половиной тысячи мечетей по всей стране, включая такие многотысячные мегамечети как Хазрет-Султан, НурАстана в Астане, Центральная городская («Орталык») мечеть в Алматы и региональные мечети во всех областных центрах, а также многочисленные мадраса для детей и Институт повышения квалификации имамов. То есть в реальности мы имеем гигантскую организацию с более-менее «свободной» и «гибкой» (по сравнению с государственными органами) бюрократией, которая имеет влияние на огромную аудиторию, собирающуюся в мечетях по пятницам и в другие дни. Контролировать такую махину любому регуляторному органу, будь то Агентство по делам религий или даже новообразованное Министерство по делам религий, физически невозможно. Поэтому в отношениях между ДУМК и государством речь идет скорее о взаимозависимости и комплементарности, которая не исключает конфликты, нежели о каком-то авторитарном контроле и подчинении. То есть если ДУМК, пользуясь своими ресурсами, и проводит «государственную политику», то это основывается, прежде всего, на доброй воле имамов ДУМК сотрудничать с государством, оставаясь верными своему религиозному кредо.

В то же время хочу отметить, что хобсбаумский концепт «изобретения традиции» не может быть применен к ситуации возрождения ислама, так как имамы, которые пытаются установить так называемый «традиционный» ханафитский суннизм, все равно находятся в рамках ортодоксальной доктрины и не могут выйти за ее пределы, не повредив свой авторитет среди прихожан. Поэтому перед имамами ДУМК стоит задача не столько «изобрести» традиционный ислам, сколько изучить и интерпретировать его таким образом, чтобы оставить как можно больше места для местных культурных «нюансов» и «государственной линии».

В отличие от ДУМК, как-то пытающегося выстроить отношения и с обществом, и с государством, и с глобальным исламом, у государства нет внятной политики в отношении исламизации и «чуждых» течений. Об этом говорят метания и в законотворческом плане (например, закон «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» от 11 октября 2011 года вызвал недовольство как среди «практикующих» мусульман, чьи права он ограничил, так и среди приверженцев других конфессий), а также постоянные структурные преобразования регуляторных органов: усиление Агентства по делам религий в 2011 году для принятия закона и его внедрения, затем сокращение его до Комитета в составе Министерства культуры и информации, потом уже в 2016 году создание отдельного Министерства по делам религий и гражданского общества, которое уже прозвали в народе «Министерство против религии», предполагая, что это министерство займется разработкой каких-то запретительных мер. Но в то же время понятно, что никакие запретительные меры в отношении идеологии не будут работать, и даже в отношении практик их применение сложно. Имамы ДУМК, которые находятся на передовой религиозной жизни, это осознают и имеют опыт интеграции так называемых «салафитов», разрешая им молиться по своему усмотрению в мечетях, но в то же время проводя «ликбез» среди прихожан о том, как надо «правильно» молиться согласно ханафитскому мазхабу. Меры, которые ограничили возможности для осуществления молитвы в государственных учреждениях, тоже почти не работают: те, кто хочет, продолжают молиться неофициально и многие правоохранительные и воинские учреждения закрывают на это глаза.

96 «Ислам, модерн, национализм», Интервью с Клиффордом Гиртцем, Исламовед.Ру, 18 октября 2016 года, *http://islamoved.ru/2016/islam-modern-natsionalizm-intervyu-s-kliffordom-girtsem/*

Положение и голоса мигрантов из Центральной Азии в России

Умида Хашимова
Исследователь, CAN Corporation

Появление и рост миграции из Центральной Азии в Россию

В то время как в повестке дня западных политиков доминируют вопросы безопасности и смены руководства в Центральной Азии, для многих семей в Таджикистане, Узбекистане и Кыргызской Республике вопрос о трудовой миграции является более насущным. Почти в каждом домашнем хозяйстве в этих трех странах есть член семьи, который работает за границей. Семьи, не имеющие мигрантов, имеют родственников, соседей или друзей, которые уехали в поисках заработков. Не будет преувеличением утверждать, что каждая семья в этих странах затронута миграционными процессами.

Для того чтобы оценить трудовую миграцию в Центральной Азии за последние 25 лет, необходимо посмотреть на период до обретения независимости, чтобы дать представление о современной миграции и факторах, которые ее породили. В начале 1970-х годов Центральная Азия начала превращаться в регион с излишком рабочей силы. Рождаемость в Центральной Азии, за исключением Казахстана, была самой высокой в Советском Союзе и была в два раза выше по сравнению с другими республиками[97]. В одном только Узбекистане прирост сельского населения между двумя переписями (1959 и 1970 годов) составил 38,1%, по причине высокой рождаемости и низкой миграции из сельской местности[98]. Учитывая наличие рабочих мест, но не учитывая рост плотности населения, Кремль продолжал поощрять миграцию славян в Центральную Азию, и Педро Рамет еще в 1978 году предсказал взрывоопасную ситуацию в Центральной Азии[99].

25 лет назад экономики стран Центральной Азии, ранее входившие в единый большой советский механизм спроса и предложения, вынужденно остановились. Экономические трудности в сочетании с избыточным предложением труда, которое назревало с начала 70-х годов, в конце концов, привели к трудовой миграции, как и предсказал Рамет. Бедные природными ресурсами Таджикистан, Кыргызстан и Узбекистан с крупнейшим сельским населением пострадали сильнее всего. Ситуация в Таджикистане еще более усугубилась из-за гражданской войны 1992–1997 годов. Тем не менее крупномасштабная трудовая миграция из Центральной Азии в Россию началась только в начале 2000-х годов. С 2000 по 2010 годы доля мигрантов из Центральной Азии в России выросла от 6,3% до 54,8% от числа общих. К 2011 году, на пике, эта доля достигла 71%, включая 45,0% из Узбекистана, 19,3% из Таджикистана, а также 6,6% из Кыргызской Республики[100].

Два фактора сыграли в усилении миграции: первый фактор - это период высоких цен на нефть на мировом рынке в течение 2002–2008 годов, который позволил России достичь исторически высоких темпов экономического роста. Вторым фактором было то, что в 2001 году, впервые с 1897 года, Россия вступила в фазу естественного сокращения своего населения из-за старения[101]. Последнее продолжается до сих пор, и на основе прогнозов на 2017–2031 годы, население России сократится еще на 4,2 миллиона человек[102]. В период естественной убыли мигранты являются неотъемлемым фактором не только для обеспечения экономического роста России, но, по крайней мере, для поддержания функционирования экономики.

Согласно информации о трудовых мигрантах из Центральной Азии, работающих на законных основаниях в России на конец 2014 года, Узбекистан по-прежнему является крупнейшей страной

97 David M. Heer, «The New Direction of Soviet Population Policy,» доклад, представленный в 1977 году на собрании Population Association of America (1977).

98 Victor Perevedentsev, 1970, «*Миграция населения и использование трудовых ресурсов*» (no. 9, 1970), in Peter Grandstaff, «Recent Soviet Experience and Western «Laws» of Population Migration,» *International Migration Review,* vol. 9, no. 4 (Winter, 1975)

99 Pedro Ramet, «Migration and Nationality Policy in Soviet Central Asia,» *Humboldt Journal of Social Relations,* vol. 6, no. 1 (Fall/Winter, 1978)

100 Данные из Российской Федеральной миграционной службы в Vladimir Mukomel, «Labor Mobility of Migrants from CIS Countries in Russia,» *Central and Eastern European Migration Review,* vol. 2, no. 2 (декабрь 2013 года)

101 Российская Федеральная статистическая служба (Росстат), «Демография: Численность населения», 8 июля 2016 года, *www.gks.ru*

102 Росстат, «*Демография: Демографический прогноз до 2030 года*», 27 мая 2016 года, *www.gks.ru*

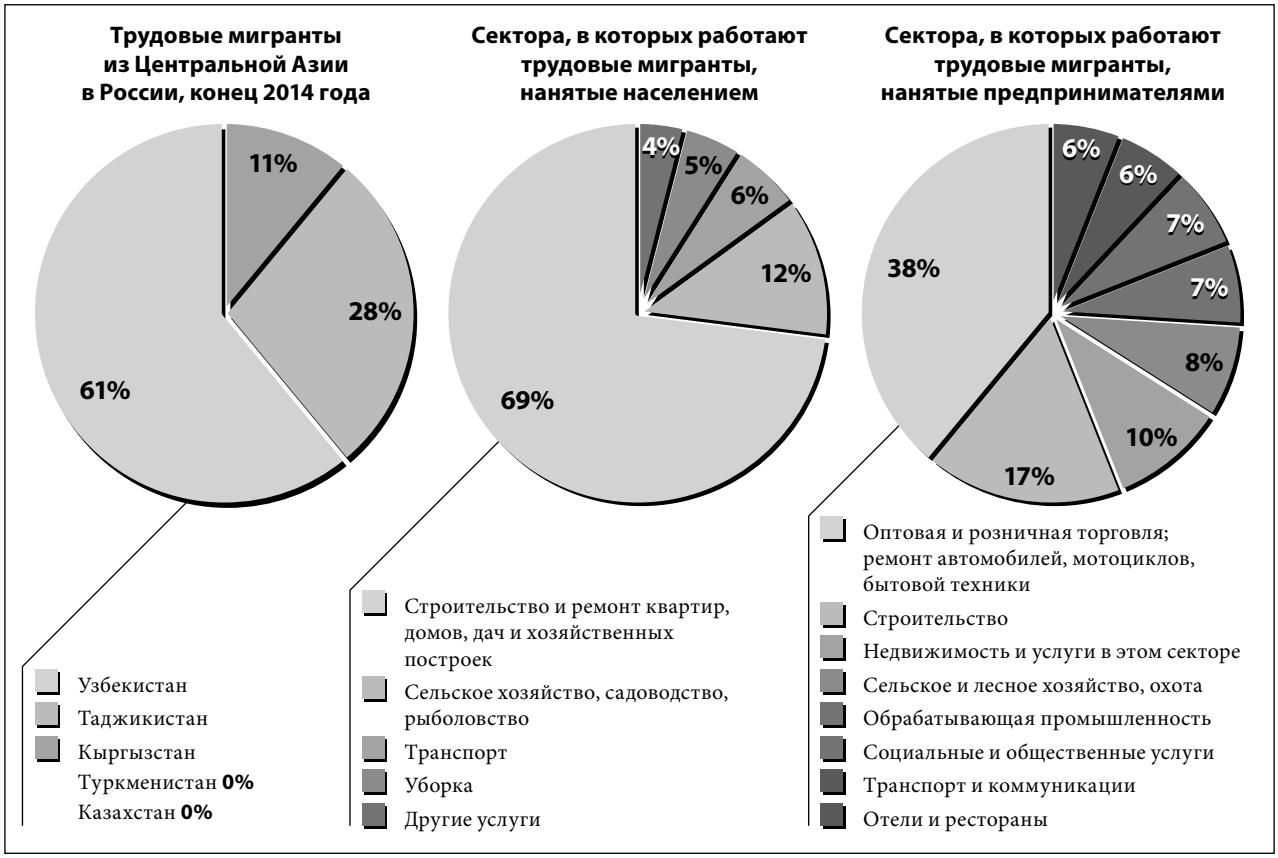
по числу трудовых мигрантов, которые имеют разрешение на работу для предпринимателей и физических лиц: 61% всех разрешений на работу среди выходцев из Центральной Азии. На граждан Таджикистана приходилось 28% всех разрешений на работу и на граждан Кыргызской Республики – 11%. Количество выданных разрешений на работу гражданам Казахстана и Туркменистана настолько мало по сравнению с вышеуказанными тремя республиками Центральной Азии, что в процентах они представляют 0%, а в абсолютных цифрах – 2 000 и 500 разрешений соответственно.

Денежные переводы из России являются социальными стабилизаторами для трех стран региона. В 2015 году в Таджикистан мигранты отправили $3 млрд, в Узбекистан – $2,6 млрд и в КР – $1,7 млрд. Хотя эти суммы не столь велики, как в ведущих мировых странах, получающих денежные переводы, таких как Индия ($72,2 млрд) или Китай ($63,9 млрд), в процентах к ВВП Таджикистан и Кыргызская Республика лидировали в мировом списке с долями в 41,7% и 30,3% соответственно. Денежные переводы в Узбекистан в процентах к ВВП страны составили 9%.

Строительство на сегодняшний день является крупнейшим сектором, использующим мигрантов из Центральной Азии. Большинство трудовых мигрантов в России работают в строительстве и сельском хозяйстве – когда их нанимает население, и в оптовой и розничной торговле и строительстве – когда их нанимают предприниматели. Учитывая, что выходцы из Центральной Азии доминируют на российском рынке труда, можно с уверенностью предположить, что выходцы из Центральной Азии в основном работают именно в этих секторах. Важно отметить, что число мигрантов, нанятых населением, почти в четыре раза выше, чем нанятых предпринимателями (3,8 млн и 940 тыс. соответственно)[103].

Общие размышления о голосе мигрантов в России и их влиянии

Трудно говорить о голосах мигрантов в стране, где отсутствуют каналы для этих голосов. Зиновий Зиник, писатель, рожденный в России, сказал недавно в интервью, что, когда Советский Союз распался в 1991 году, союзные республики обрели свою идентичность, в то время как Россия потеряла свою[104]. Так как Россия по-прежнему находится в



Источник: Труд и занятость в России 2015. Разделы 5.11 и 5.13; Раздел 5.19; Раздел 5.21

103 РосСтат, «*Труд и Занятость в России 2015*», Раздел 5.18 и 5.20, *www.gks.ru*

104 «Failed Soviet coup: 25 years on», BBC News Hour, August 17, 2016, *http://www.bbc.co.uk/programmes/p044dmwm*

поисках своей идентичности, создание образов врагов, одним из которых являются трудовые мигранты, стало стратегией для объединения нации.

В России даже российские государственные служащие высокого уровня изображают неславянских трудовых мигрантов как угрозу целостности страны, государственности и безопасности[105]. Российские политики умело играют на этнических и религиозных страхах местного населения, чтобы получить и удержать власть, тогда как мигранты играют роль козла отпущения в современной России. Антимиграционная риторика объединяет россиян и поддерживает лояльность населения к политикам[106]. В опросе «Глобальный барометр надежды и отчаяния», проводимом Гэллапом, только 19% опрошенных в России выразили нейтральное или положительное отношение к иностранным мигрантам, в то время как 50% сказали, что они являются нежелательными[107]. В этих условиях мигранты редко пытаются защитить свои права, не говоря уже о том, чтобы стремиться к тому, чтобы их голоса были услышаны.

Несмотря на эти проблемы, существует целый ряд организаций, которые работают с мигрантами. На основе полевых работ, которые я провела в Москве в апреле 2015 года, я классифицировала эти организации как некоммерческие, полукоммерческие и коммерческие, а некоторые представляют собой гибридную комбинацию[108]. Эти организации в основном консультируют мигрантов и помогают им получить разрешение на работу, пройти регистрацию, найти работу, решить вопросы с правоохранительными органами, вернуть обещанные зарплаты от предыдущих работодателей[109]. Деятельность этих организаций редко выходит за рамки решения бюрократических проблем мигрантов, не только потому что мигранты имеют множество таких проблем, но в основном потому что российская миграционная политика носит защитный характер и ограничивает деятельность таких организаций по оказанию помощи, информированию и контролю мигрантов[110].

Будущее центральноазиатской миграции и диаспоры в России

Существуют две теории в прогнозировании центральноазиатской миграции в Россию на ближайшее десятилетие. Во-первых, все большее число мигрантов превращаются в долгосрочных мигрантов (пребывание более года), и последний опрос о продолжительности пребывания это подтверждает[111]. Но нельзя с уверенностью утверждать, что большинство из этих долгосрочных мигрантов станут долгосрочными резидентами. К тому же большинство мигрантов находятся на пике трудоспособного возраста в настоящее время – они мотивированы работать и экономить, но по мере старения они в конечном итоге могут вернуться домой[112]. В любом случае нет никаких сомнений в том, что мигранты из трех республик Центральной Азии будут продолжать приезжать в Россию в ближайшем будущем. Те же самые обстоятельства, которые мотивировали мигрантов в прошедшие 25 лет, будут действовать и в будущем: более высокие зарплаты, безработица в странах происхождения, отличающиеся стандарты и условия жизни и сокращение трудовых ресурсов в России[113].

Рано говорить и о смене ценностей мигрантов, так как прошло всего 15 лет с пика миграции

105 Например, политические оппозиционеры и прокремлевские кандидаты в ходе выборов мэра в Москве в 2013 году высказывались в антимиграционном духе. Сергей Абашин, «Горячее лето» 2013: выборы и миграция» в *Мигранты, мигрантофобии и миграционная политика,* ред. Владимир Мукомель (Москва: Академия, 2014 год).

106 См. Vladimir Mukomel, «Xenophobia as a Basis of Solidarity,» *Russian Social Science Review,* vol. 56, no.4 (July-August 2015).

107 Mihail Malihin, «Gallup: Россияне менее терпимы к трудовым мигрантам, чем европейцы и американцы», *Vedomosti,* May 30, 2012. *http://demoscope.ru/weekly/2012/0513/gazeta04.php*

108 Я взяла интервью, в общем, у 32 организаций.

109 Картина не будет полной, если я не упомяну о том, что многие организации и частные лица делают вид, что предоставляют услуги мигрантам, но вместо этого вводят их в заблуждение, продавая поддельные документы, или не предоставляют обещанные услуги после получения первоначального взноса.

110 Mikkel Berg-Nordlie and Olga Tkach, «You are Responsible for Your People.» The Role of Diaspora Leaders in the Governance of Immigrant Integration in Russia,» *Demokratizatsiya* (весна 2016 года).

111 Vladimir Mukomel, «Labor Mobility of Migrants from CIS Countries in Russia,» *Central and Eastern European Migration Review,* vol. 2, no. 2 (декабрь 2013 года). Управление по делам миграции, Министерство внутренних дел, «Сведения в отношении иностранных граждан, находящихся на территории Российской Федерации, в половозрастном разрезе (по продолжительности)», июнь 2015. *https://гувм.мвд.рф/about/activity/stats/Statistics/Svedenija_v_otnoshenii_inostrannih_grazh*

112 См. Комиссар по правам человека города Москвы, Центр исследования миграции, Защита прав москвичей в условиях массовой миграции (Moscow, 2014).

113 Vladimir Mukomel, «Labor Mobility of Migrants from CIS Countries in Russia», *Central and Eastern European Migration Review,* vol. 2, no. 2 (декабрь 2013 года).

из региона. Но нет никаких сомнений в том, что мигранты подвергаются влиянию европейских ценностей во время нахождения в России. Трудно судить о том, захотят ли мигранты из Узбекистана и Таджикистана оспаривать традиционные ценности после возвращения в свои страны. Более опасным может стать рост антимигрантских настроений среди мигрантов Центральной Азии из-за трудностей, которые они испытывают и плохого обращения с ними в России, которые могут иметь негативные последствия в будущем.

В целом, миграция пока является панацеей для региона. Излишки трудовых ресурсов уезжают, чтобы оказывать поддержку своим семьям, но высокая доля денежных переводов в экономике Таджикистана и Кыргызской Республики делают эти страны в значительной степени зависимыми от колебаний российской экономики. Выходцы из Центральной Азии будут продолжать быть частью политической и деловой жизни России, и их численность и даже важность может вырасти в будущем. Однако, учитывая, что российские власти ограничивают деятельность организаций, работающих с диаспорами для поддержания законности и порядка среди мигрантов, которые они представляют, вряд ли они будут учитывать положение мигрантов для изменения миграционной политики России в ближайшем будущем.

Диаспоры Центральной Азии в России: исторический ракурс и современные тренды развития

Парвиз Мухамадиев
магистрант кафедры теории и истории международных отношений Российского Университета Дружбы Народов

Даврон Мухамадиев
Международная Федерация обществ Красного Креста и Красного Полумесяца, г. Москва, Россия

Развитие центральноазиатских диаспор в России

Распад Советского Союза повлек за собой коренные социально-экономические и политические изменения практически во всех странах Центральной Азии, обусловив и предопределив современные тренды становления и развития центральноазиатских диаспор на территории России.

Было бы неверно утверждать, что феномен национальных диаспор является совершенно новым явлением для современной России. Являясь многонациональным государством, Россия и центральноазиатские государства, населенные казахами, кыргызами, таджиками, туркменами и узбеками, всегда поддерживали и развивали политические, социальные и экономические связи. Эти исторические связи имеют глубокие корни, берущие начало еще со времен создания Великого Шелкового Пути и полностью сформировавшиеся к середине 19 века, в период правления Бухарского Эмирата, Хивинского и Кокандского ханств. Еще в те годы купцы, ученые, поэты и писатели часто посещали Россию, а также постоянно проживали на ее территории[114]. Позднее, в период существования Советского Союза, на протяжении 70 лет все народы Центральной Азии стали членами большой семьи, населявшей Советский Союз. Единая структура государства, система образования, науки и искусства СССР привела к появлению значительного пласта выходцев из стран ЦА, представителей советской интеллигенции: ученых, врачей, деятелей искусства, культуры, постоянно проживающих на территории современной России. В качестве примера приведем данные о национальном составе населения города Москвы.

Так, согласно данным Всесоюзной переписи населения СССР, за 1989 год только в Москве постоянно проживало 25 146 представителей центральноазиатских республик (0,23% от всего населения города Москвы) в том числе: узбеков – 9 183 человека (0,1%), казахов – 8 225 человек (0,09%), кыргызов – 3 044 (0,03%), таджиков – 2 893 человека, (0,029%), туркмены – 1 801 человек (0,02%).

«Новой волной» расширения диаспор можно считать период с начала 1990-х годов по настоящее время, в ходе которой произошло резкое увеличение численного состава представителей ЦА народов, постоянно проживающих на территории Москвы *(см. таблицу 1).*

114 См.: Халфин Н. А. «Россия и ханства Средней Азии», Москва: Наука, 1974, с.8-14

Сравнительные данные о национальном составе населения г. Москвы

(по результатам Всесоюзной переписи населения 1989 г. и Всероссийской переписи населения за 2002 и 2010 гг.)

Национальность	Данные переписи 1989 г.		Данные переписи 2002 г.		Данные переписи 2010 г.	
	число	% от общего числа жителей	число	% от общего числа жителей	число	% от общего числа жителей
Всего жителей	8875579	100%	10382754	100%	11503501	100%
Узбеки	9183	0,1%	24312	0,23%	35595	0,31%
Таджики	2893	0,03%	35385	0,34%	27280	0,24%
Кыргызы	3044	0,03%	4102	0,04%	18736	0,16%
Казахи	8225	0,09%	7997	0,08%	9393	0,08%
Туркмены	1801	0,02%	3526	0,03%	2946	0,03%
Итого:	25 146	0,23%	71220	0,72%	93950	0,82%

Таблица 1

Как видно из представленных данных, за последние 20 лет общее количество представителей коренных национальностей ЦА, постоянно проживающих в Москве, увеличилось с 25 146 человек (0,23%) в 1989 году до 93 950 человек (0,82%) в 2010 году или в 3,7 раза (на 0,59%). Причем следует отметить, что на фоне общего значительного увеличения произошел незначительный рост представителей казахской национальности с 8 225 человек в 1989 году до 9393 человек в 2010 году, а в процентах по отношению к общему числу жителей Москвы количество казахов снизилось на 0,01%, что, скорее всего, связано с тем, что социально-экономическая ситуация в России и Казахстане примерно одинакова, и для казахов Россия в плане проживания и рынка труда не является приоритетом. Наибольшее увеличение отмечается среди узбекской диаспоры, численность которой за 20 лет увеличилась с 9 183 человек (0,1%) до 35 595 человек (0,31%), или более чем в три раза. Аналогичная ситуация отмечается с таджикской диаспорой – с 2 893 человек (0,03% в 1989 году) до 27 280 человек (0,24% в 2010 году) и кыргызской диаспорах – 3 044 человек (0,03%) до 18 736 человек (0,16%) соответственно.

Описывая такое важное и интересное общественное явление, как «национальная диаспора», преобладающее число исследователей, демографов, социологов используют достаточно широкую интерпретацию понятия «диаспора». Наиболее общей для всех них характеристикой можно считать определение, которое дает Европейская комиссия для этих целей: «*Диаспора из данной страны включает в себя не только граждан этой страны, проживающих за рубежом, но и мигрантов, которые, живя за границей, приобрели гражданство страны проживания (часто теряя в процессе свое первоначальное гражданство) и детей мигрантов, родившихся за границей, независимо от гражданства, до тех пор, пока они сохраняют некоторые формы приверженности и/или интереса к стране их происхождения или из которой их родители. В некоторых крайних случаях, таких как китайская диаспора, люди могут все еще чувствовать себя частью диаспоры страны, даже если их семья живет в другой стране, на протяжении нескольких поколений*»[115].

Опираясь на данную формулировку, можно отметить, что формирование центральноазиатских диаспор и динамика ее роста в России в исторической перспективе складывались именно по представленным выше критериям, а именно как граждане каждой страны, проживающие в России, так и мигранты во втором и даже в третьем поколении, также ставшие гражданами России, но в некоторых случаях сохранившие свое прежнее

115 Мукомель В. И. «Диаспора - партнер по развитию Таджикистана». *Международная организация по миграции,* Душанбе. 2014. с. 37-38.

гражданство и в повседневной жизни сохраняющие приверженность к традициям, обычаям, культуре и языку своей страны.

В связи с этим следует подчеркнуть, что на динамику развития диаспор существенное влияние оказывают международные соглашения, регулирующие взаимоотношения между Россией и странами ЦА. Так, например, факторами, оказывающими положительное влияние на рост диаспор является наличие соглашения о двойном гражданстве между Россией и Таджикистаном[116], внесение дополнений и изменений в Закон о гражданстве РФ, в соответствии с которым до 2008 года граждане Кыргызстана и Таджикистана могли получить гражданство РФ в упрощенном порядке.

Вместе с тем следует отметить, что имеется ряд особенностей, характеризующих развитие диаспор в России, что обусловлено как сложившимися историческими предпосылками, так и нормами российского законодательства. К примеру, в законодательстве России отсутствует такая организационно-правовая форма объединения граждан, как «диаспора», поэтому данное понятие является скорее общим, собирательным, нежели юридической нормой, а большинство так называемых «диаспор» приобретают юридическую форму путем создания общественных объединений в соответствии с законом об общественных объединений, и строятся по территориальному признаку, отражая конкретные задачи и регионы деятельности, нежели общие для диаспор национально-культурные задачи. Например, Общественная организация Санкт-Петербургского общества дружбы российского и таджикского народов «Сомониен», Общественная организация «Таджикский культурный общинный центр Рязанской области «Сино», Таджикское общество «Средняя Азия», Межрегиональная общественная организация «Кыргыз Биримдиги», РОО «Киргизский Дом в Санкт-Петербурге Петербурге».

Так, например, наиболее разветвленные сети общественных организаций имеют таджикские и кыргызские «диаспоры». В настоящее время органами министерства юстиции России зарегистрировано более 50 таджикских и более 40 кыргызских некоммерческих организаций. Однако в настоящее время какая-либо стройная структура этих организаций в России отсутствует. Нет единого центра, общих руководящих органов, единых целей, задач, принципов деятельности данных образований, так как каждая из них является самостоятельным юридическим лицом.

Например, среди представителей таджикской диаспоры нет однозначного понимания, чем является в настоящее время таджикская диаспора в России и кто в нее входит. Широко распространена позиция, согласно которой диаспора а) формируется таджикистанцами, приехавшими в Россию навсегда или на постоянное проживание, б) трудовые мигранты не входят в диаспору, в) диаспора включает выходцев из Таджикистана, независимо от их национальности; неявно подразумевается также, что диаспора г) результат эмиграции первой волны, д) в диаспору входит преимущественно элита Таджикистана[117].

Другой интересной и, на наш взгляд, перспективной организационно-правовой формой работы диаспор являются национально-культурные автономии (НКА), создаваемые в соответствии с Федеральным законом от 17 июня 1996 г. N 74-ФЗ «О национально-культурной автономии». В соответствии с данным законом, национально-культурная автономия в Российской Федерации *(далее - национально-культурная автономия) - это форма национально-культурного самоопределения, представляющая собой объединение граждан Российской Федерации, относящих себя к определенной этнической общности, находящейся в ситуации национального меньшинства на соответствующей территории, на основе их добровольной самоорганизации в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры, укрепления единства российской нации, гармонизации межэтнических отношений, содействия межрелигиозному диалогу, а также осуществления деятельности, направленной на социальную и культурную адаптацию и интеграцию мигрантов.*

Национально-культурная автономия является видом общественного объединения[118].

Однако, на наш взгляд, данная организационная форма используется национальными сообществами недостаточно активно. Так, в настоящее время в России существует лишь не более десятка НКА ЦА на уровне регионов, не имея каких либо координирующих органов на федеральном уровне.

116 Договор между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан об урегулировании вопросов двойного гражданства. Москва, 7 сентября 1995 г.

117 Мукомель В. И., «Диаспора - партнер по развитию Таджикистана», *Международная организация по миграции,* Душанбе, 2014, с. 39.

118 Федеральный закон Российской Федерации «О национально-культурной автономии» от 17.06.1996 N 74-ФЗ.

Общие размышления о голосах диаспоры

В настоящее время миграционная тема является одной из наиболее актуальных тем в российском обществе, определяя как политику, так и экономические подходы. В Российской Федерации существует целый набор организационно-правовых инструментов, определяющих основные подходы и регламентирующих миграционную политику РФ. Одним из основных документов является Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации до 2025 года (Утверждена Президентом России 13 июня 2012 года), которая обозначает основные подходы государства в данном вопросе.

В документе подчеркивается, что «*миграционные процессы играют значимую роль в социально-экономическом и демографическом развитии Российской Федерации. За последние два десятилетия миграционный прирост в значительной степени компенсировал более половины естественной убыли населения. Согласно расчету Федеральной службы государственной статистики о перспективной численности населения до 2030 года (высокий и средний варианты), учитывающему результаты Всероссийской переписи населения и динамику демографических процессов последних лет, численность населения страны на начало 2025 года составит 142,8–145,6 миллиона человек*».

Также отмечается, что «*В современных условиях миграция работников высокой квалификации является важным источником накопления человеческого капитала, обеспечивающего экономический рост и благосостояние в принимающих странах. Не случайно конкуренция за привлечение таких работников имеет международный масштаб. Одна из стратегических задач - создание условий и механизмов для привлечения востребованных экономикой высококвалифицированных и квалифицированных специалистов разного профиля, предпринимателей и инвесторов, прежде всего на долгосрочной основе*».

Согласно документу, «*важными элементами государственной миграционной политики Российской Федерации являются создание условий для адаптации и интеграции мигрантов, защита их прав и свобод, обеспечение социальной защищенности. Решение этих проблем затрудняется неоправданной сложностью получения статуса постоянно проживающего в Российской Федерации, а также неурегулированностью правового положения иностранных граждан*». Констатируется, что «*прямым результатом отсутствия государственных программ адаптации и интеграции является изоляция мигрантов от принимающего социума и нарастание негативного отношения к мигрантам. К организации программ интеграции и адаптации необходимо привлечь все заинтересованные стороны (правительства стран происхождения мигрантов, самих мигрантов, бизнес-структуры, неправительственные организации), в полной мере задействовать потенциал средств массовой информации*».

Другим важным механизмом адаптации мигрантов является Совет по межнациональным отношениям при президенте РФ - совещательный и консультативный орган при главе государства. Совет образован 5 июня 2012 года во исполнение указа В.В. Путина от 7 мая 2012 года «Об обеспечении межнационального согласия». В состав Совета входят представители национально-культурных автономий и других организаций народов РФ, деятели научного и экспертного сообщества, министры российского правительства, депутаты Государственной думы и др. Все они принимают участие в его работе на общественных началах[119].

Кроме того, аналогичные структуры и общественные советы созданы и функционируют на региональном уровне.

Вместе с тем в последние годы, особенно с началом активных потоков мигрантов из Ближнего Востока в Европу публичная риторика в российском медиа-пространстве все больше становится негативной и нетерпимой по отношению к иностранным гражданам и к мигрантам, в частности. Для российской политической элиты вопрос мигрантов в стране является особо чувствительным. В последние годы эта тема стала одной из самых популярных для дискуссий в политической сфере, в СМИ и в обществе в целом. Среди тиражируемых тезисов можно выделить: «мигранты занимают наши рабочие места», «мигранты криминализируют Россию» и т.п.[120]

Мигранты в России являются скорее объектом политики, нежели ее субъектом. Из числа недавних изменений в политике страны по отношению к мигрантам можно выделить введение въезда по заграничным паспортам (раньше достаточно было общегражданского), необходимость сдачи экзаменов по русскому языку, а также основ истории России и ее правовой системы, кроме того усложнилась система патентов и ужесточились наказания за нарушения в области миграционного законодательства.

Эти меры едва ли положительно скажутся на мигрантах. Тем не менее этими действиями соответ-

119 Положение о совете по межнациональным отношениям при Президенте РФ по межнациональным отношениям. Официальный сайт Президента России: *http://www.kremlin.ru/structure/regulation/28*

120 См. В.И. Мукомель (ред), «Мигранты, мигрантофобии и миграционная политика», М.: НП «Центральный Дом адвоката», 2014.

ствующие органы Российской Федерации пытаются в большей степени ввести эти тысячи иностранцев в некое правовое русло. Наличие проблем, связанных с мигрантами, отсутствие достаточного контроля над миграционной ситуацией – все это стало более чем очевидно, вместе с протестами, связанными с событиями в столичном районе Бирюлево Западное в 2013 году. По сути, после этого происшествия началось «закручивание гаек», ужесточение миграционного законодательства и прочее, о чем упоминалось выше. По сей день одной из основных продвигаемых законодательных инициатив является введение визового режима с центральноазиатскими странами – экспортерами рабочей силы в Россию.

Как видно, отмечается противоречие между декларируемыми ценностями, публичной риторикой и повседневными реалиями. Участились обращения мигрантов за помощью в связи с несоблюдением существующих правовых актов, особенно в части оказания медицинской помощи мигрантам, растет уровень ксенофобии.

Трудовые мигранты – это, по факту, подавляющая в количественном плане часть населения Таджикистана и Кыргызстана в России. Немало решений политического толка как со стороны России, так и со стороны этих стран принимается с оглядкой на мигрантов, пребывающих в России.

Особо важен тот факт, что переводы мигрантов из России на родину составляют около 40% ВВП, а также около 90% внешних поступлений в республику – из России.

Автор убежден, что трудовые мигранты уже давно поставили республику в зависимость от любых изменений, происходящих в России. Это отчетливо прослеживается в последние годы, которые связаны с санкциями Запада и падением курса рубля – мигранты стали получать меньше денег в долларовом эквиваленте, в связи с этим, как заявляют официальные лица, объем денежных переводов из России снизился более чем на 30%.

Вместе с тем правительство России не скрывает, что получает серьезные доходы в государственный бюджет в связи с введением системы патентов в начале 2015 года. Так, руководитель ФМС России К.О. Ромодановский отмечал, что доходы от мигрантов в 2015 году составили 29 млрд рублей (около 65 миллионов долларов США), а мэр Москвы С. Собянин отметил, что налоговые поступления от трудовой деятельности мигрантов на территории Москвы в 2015 году превысили доходы от нефти[121].

Положительным моментом современных миграционных трендов является предоставление льгот и облегченных условий пребывания для некоторых категорий мигрантов, в связи с образованием ЕАЭС. Так, с вступлением Армении и Кыргызстана в эту межгосударственную организацию трудовые мигранты оказались в более привилегированном положении по сравнению с мигрантами из других стран, так как в отношении них отменены требования по получению патента и сдаче экзамена по русскому языку и истории России. В связи с этим в настоящее время наиболее уязвимыми категориями мигрантов являются граждане Молдовы, Таджикистана и Узбекистана.

Будущее диаспор в России?

Как уже отмечалось выше, миграция будет оставаться основным социальным трендом, определяющим экономические и политические реалии России.

К сожалению, ситуация такова, что в России при сложившейся динамике рождаемости и смертности естественный прирост, ставший в 2009–2013 годах положительным, может остаться таковым только на непродолжительное время и на уровне, близком к нулю[122].

Перспективы численности населения в России обусловлены долгосрочными трендами, наметившимися еще со времен Второй мировой войны. Все предпринимаемые усилия по повышению рождаемости и снижению смертности нужны и необходимы, но результаты этих усилий не дадут быстрого результата и ограничены в своих эффектах[123].

Из этого следует, что в ближайшие десятилетия численность населения России в основном будет зависеть от миграционного прироста. Поэтому роль диаспор ЦА в России будет лишь расти. Логично предположить, что подвергнется трансформации структура диаспор. В частности, еще сильнее обозначится ядро – это люди из «первой волны», постоянно проживающие в России, в том числе имеющие гражданство этой страны; «полупериферия» – официально зарегистрированные мигранты, проживающие в России не более года, а также мигранты, которые проводят в этом государстве около 10–11 месяцев в год. К периферии диаспоры относят сезонных мигрантов, проживание которых в Рос-

121 «Собянин: Продажа патентов мигрантам приносит в бюджет больше доходов, чем нефтяные компании», ИА «ТАСС», 28 января 2016 г., *http://tass.ru/moskva/2624123*

122 Изменение численности населения по вариантам прогноза. Федеральная служба государственной статистики: *http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/progn1.htm*

123 См. А.Г. Вишневский (ред.), «Население России 2009. Семнадцатый ежегодный демографический доклад», Москва, Изд. дом Высшей школы экономики, 2011.

сии ограничивается несколькими месяцами. Эти категории весьма условны, так как представители диаспоры со временем осуществляют переход из периферии в полупериферию, поставив перед собой какие-либо долгосрочные цели, связанные с более длительным пребыванием в России. Равно как и со временем, после более глубокой интеграции, можно войти в ядро диаспоры.

Естественно, что, сравнивая диаспоры в России в первые годы после распада СССР и в настоящее время, можно отчетливо увидеть их эволюцию. По сей день происходит как количественное, так и качественное усиление диаспор. Многие выходцы из ЦА в настоящее время поднимаются по социальным лифтам, играют видную роль в общественной жизни России, становятся депутатами пока местных законодательных органов. Нельзя забывать, что в России лишь студентов ЦА более 10 000 человек – это буквально целый пласт диаспоры. Завершив свое обучение, немалая часть студентов стремится остаться в России и связать свое будущее с ней, тем самым год за годом диаспора пополняется образованными представителями ЦА.

Отдельно стоит отметить перемену в восприятии россиянами мигрантов: если раньше обыватели субъективно представляли «таджика» как обязательно разнорабочего, строителя, дворника, то теперь растет число представителей Таджикистана с хорошим образованием, работой, имеющих определенный статус в российском социуме. Эти люди своими усилиями меняют укоренившееся представление о «таджике» в лучшую сторону.

Характеризуя профиль диаспор, следует отметить, что таджикская община в России является одной из самых многочисленных в стране. Каждый год в страну въезжают десятки тысяч граждан Таджикистана. В прошлом десятилетии, а тем более в период 90-ых годов, человек приезжал в незнакомое государство, не знал, куда обратиться за помощью (например, за консультацией), практически полностью отстранялся от своей культуры, искусства и т.д. К сегодняшнему дню ситуация существенно изменилась: в некоторых областях России действуют таджикские культурные автономии, в Москве и в регионах работают десятки общественных организаций, начиная с тех, которые оказывают юридическую помощь, и заканчивая организациями в области культуры и искусства.

Не стоит забывать и о все более возрастающей роли официальных представительств – посольств и консульств стран ЦА в России, которые также занимаются целым спектром задач и проблем граждан своей страны в другом государстве. В данном вопросе преуспели посольства Кыргызстана и Таджикистана. Функционирует целый ряд общественных объединений, консультационных пунктов, оказывающих содействие мигрантам, открыты клиники для мигрантов, где за умеренную плату можно получить квалифицированную медицинскую помощь. Интересен опыт Таджикистана: при посольстве функционирует Общественный Совет, где представители общественных объединений мигрантов систематически обсуждают с послом РТ насущные вопросы и пути их решения. Работает представительство Министерства труда, миграции и занятости населения РТ в России. Таким образом, приехав из Таджикистана, человек в меньшей степени ощущает себя инородным телом в российском обществе: есть возможность обратиться за юридической помощью, участвовать в мероприятиях, посвященных праздникам, которые отмечаются в Таджикистане (например, Навруз), читать газеты на родном языке и т. п.

Как уже подчеркивалось выше, роль такого общественного института, как национально-культурные автономии, сильно недооценена. По нашему мнению, развитие диаспор должно идти именно по пути создания и расширения НКА не только на региональном, но и на федеральном уровнях.

Данный путь представляется перспективным по двум причинам: во-первых, для обеспечения нужд национально-культурных автономий федеральные органы законодательной и исполнительной власти, в соответствии со ст. 19 гл. 5 ФЗ «О национально-культурной автономии», предусматривают в федеральном бюджете, а также в бюджетах субъектов Российской Федерации ассигнования для оказания поддержки национально-культурным автономиям в виде льгот по налогам, сборам и кредитам, что послужит существенным подспорьем в развитии и расширении НКА. Во-вторых, НКА рассматриваются государством как более высокий организационный уровень диаспор, их представители входят в комиссии по делам национальностей при правительствах на региональном уровне, а на федеральном – в Комиссию по делам национальностей при президенте России.

Естественно, в рамках одной статьи довольно сложно осветить такой сложный и многоаспектный вопрос, как роль диаспор в контексте миграции. Вместе с тем в настоящей работе сделана попытка представить основные тренды, определяющие современное состояние и перспективы развития диаспор в России.

В заключение хотелось бы отметить, что по своему географическому положению и геополитической роли Россия будет и дальше двигаться по пути развития многонационального государства, учитывая весь комплекс вопросов межнационального характера.

Узбекская диаспора в США

Дилором Абдуллаева
Президент «Ташаббус»

Узбекская диаспора в США состоит из двух основных групп: ранние иммигранты из Туркестана, покинувшие страну до того, как установился советский режим, и те, кто прибыл в Америку после обретения Узбекистаном независимости в 1991 году. Первая группа узбеков сначала прибыла в Турцию через Афганистан, а затем оказалась в США. Через 25 лет после того как Узбекистан и соседние страны объявили о своей независимости от Союза Советских Социалистических Республик, перед ними встали множество трудностей, но и много возможностей. Одной из тенденций стал отток большого количества населения в разные страны в качестве иммигрантов.

После того как открылись двери свободы передвижения и возможностей, многие представители меньшинств ринулись на свою историческую родину – в Россию, Беларусь, Украину и Армению. Среди них было большое количество евреев из Бухары и других частей Советского Союза, которые эмигрировали в США и Израиль. Остальные узбекские иммигранты, которые эмигрировали в США позже, стали переезжать через несколько лет, так как основные образовательные и экономические связи с США еще не были установлены. Недостаточное знание языка и большое расстояние также затруднили процесс. Тем не менее первая основная группа иммигрантов прибыла в США в качестве студентов при поддержке узбекского государства, а также государственных и частных фондов.

Лотерея «Green Card» – программа США по иммиграционной диверсификации – началась в 1986 году и создала новый класс иммигрантов, известных как «иммигранты по диверсификации» из стран с исторически низким количеством иммигрантов в США. Согласно статистике Государственного департамента, в 2013, 2014 и 2015 годах общее количество граждан Узбекистана, подавших заявки в качестве кандидатов – «иммигрантов по диверсификации» – составило 1 387 420 человек[124], из которых 10 473 участника были избраны по этой программе[125].

Сегодня большинство узбекских иммигрантов, проживающих в США, приехали по программе диверсификационной визы. Ввиду того что эта программа не требует знания языка или профессиональных навыков, большинство участников программы приезжают без особых возможностей трудоустройства и с недостаточным знанием языка. Поэтому многие проживают в округе Нью-Йорка, который стал первым местом в США, где исторически стала проживать узбекская община. В процессе поиска жилья, работы и помощи в проживании в США узбекские иммигранты полагаются на среду, созданную в Бруклине предыдущими поколениями иммигрантов из стран бывшего Советского Союза.

Найти работу, не требующую знания английского языка, в Нью-Йорке вполне возможно. Например, узбекские иммигранты работают в ресторанах и магазинах, где их руководители, а также некоторые клиенты говорят по-русски.

Другая область трудоустройства, не требующая знания языка, – уход за престарелыми. Имея базовое образование и знание русского языка, многие узбекские иммигранты могут найти работу в области ухода за людьми. В оживленных районах некоторые группы организуют свои неофициальные дневные центры ухода за детьми, в которые трудоустраивают иммигрантов. Такие няни получают оплату на ежедневной основе, но по очень низким расценкам. Узбекская женщина, ухаживающая за 7–10 детьми в возрасте от 2 до 12 лет, может получать всего 5 долларов США в день. Это входит в договоренность между родителями и нянечками, где речь идет только о пребывании с детьми, а не всестороннем воспитании. Женщина может заниматься покупками, приготовлением еды, уборкой и обучать старших детей присматривать за младшими. Такие договоренности, распространенные в Узбекистане, работают и среди узбекских иммигрантов в Нью-Йорке. На самом деле это необходимо обеим сторонам: родители не могут позволить более дорогой присмотр за детьми и за школьниками во внеучебное время, а женщины относительно старшего возраста или с маленькими детьми имеют трудности с поиском работы. С другой стороны, чем лучше узбекские иммигранты изучают язык и становятся более образованными, тем больше они продвигаются в другие крупные города и штаты.

124 Статистика на сайте: *https://travel.state.gov/content/dam/visas/Diversity-Visa/DVStatistics/DVApplicantEntrantsbyCountry%20 2013-2015.pdf*

125 Статистика на сайте: *https://travel.state.gov/content/visas/en/immigrate/diversity-visa/diversity-visa-program-statistics.html*

Согласно *Vatandosh,* некоммерческой организации узбеков в округе города Нью-Йорк, в городе Нью-Йорк и близлежащих городах и штатах проживают более 100 000 узбекских иммигрантов[126]. Люди называют некоторые части Бруклина Маленьким Самаркандом, так как большинство жителей в таких районах являются выходцами из Самарканда. Некоторые сравнивают прогулку по Кони Айленд в Бруклине с пребыванием в Узбекистане, так как почти каждый прохожий говорит по-узбекски, по-таджикски или по-русски. Последний является основным языком общения для людей из бывшего Советского Союза. Некоторые узбеки шутят, что есть две группы из Узбекистана в Бруклине: узбеки и самаркандцы, потому что число иммигрантов в Бруклине, прибывших из Самарканда, намного превышает число иммигрантов из остальных регионов Узбекистана. Другой причиной такого разделения является то, что жители Самарканда в большинстве являются этническими таджиками, персами, говорящими на таджикском языке. Отмечались столкновения за влияние в Нью-Йорке между таджиками из Самарканда и узбеками из Ташкента.

Количество выигравших лотерею («Green Card») в большинстве составляют выходцы из Самарканда, как будто Самарканд обладает особым статусом в этой программе США. Обыватели поговаривают, что руководителем программы по диверсификации, должно быть, является выходец из Самарканда, отсюда и такое благосклонное отношение к самаркандцам. На самом же деле люди в Самарканде более информированы о «лотерее», и количество участников из Самарканда намного превышает количество участников из других регионов страны. В Самарканде существуют много подпольных и полуофициальных бизнес-структур, единственным видом деятельности которых является регистрация в программе США по диверсификации. Схема их деятельности достаточно сложная. Они собирают данные о людях в различных государственных структурах, таких как школы, органы выдачи паспортов, а также их личную информацию в целях получения диверсификационной визы без ведома самих людей. Когда кто-нибудь выигрывает лотерею, регистрирующие компании обращаются к этим людям. Прежде чем выдать им регистрационный номер визы, они требуют определенную сумму денег (достаточно высокую), ссылаясь на то, что это возможность навсегда переехать в США. Также такие компании ходят по домам и предлагают подать заявки на визу. Когда результаты подачи заявок становятся известными, регистрирующие компании не объявляют номера подающим заявку, а самостоятельно проверяют их от их имени в интернете.

Другая группа узбекских иммигрантов, проживающих в США, подпадает под категорию беженцев. Большие группы узбекских беженцев проживают в городе Акрон, шт. Огайо, в окрестностях Вашингтона, Округ Колумбия, Сент-Луисе, шт. Миссури, в Сиэтле, шт. Вашингтон и т.д.

Остальные узбекские иммигранты - это те, кто приехал учиться, работать, путешествовать или выбрал иные пути. Существует достаточно большая группа профессионалов из Узбекистана, работающих в международных организациях, частном секторе, некоммерческих организациях и в государственных структурах. Эта группа состоит из относительно молодых и высокообразованных людей. Некоторые из них избрали путь обучения и иммиграции через программы, поддерживаемые государством США, такие как Fulbright, IREX, ACCELS, другие прибыли по программе узбекского правительства «Умид», ныне нефункционирующим.

В начале иммиграционных процессов после обретения Узбекистаном независимости иммигранты стремились найти пожилых соотечественников и поселиться рядом с ними. Такие соотечественники проживали в основном в районах Нью-Джерси, Пенсильвании и Чикаго. Узбеки всегда близко общаются с представителями Центральной Азии и бывшего Советского Союза ввиду общего русского языка и истории. Такие связи, возможно, помогали им в поиске работы, получении образования и навыков для адаптации к жизни в США. Учитывая, что узбеки привыкли близко общаться с родственниками, друзьями и соседями у себя на родине, вышеуказанные связи помогали им обрести чувство сообщества и построить новые отношения в США. Все это было бы трудно обрести в первые годы иммиграции.

Первые попытки создать официальную общину и организацию для единения и решения вопросов общины предпринимались в 2000-х годах. «Узбекская Инициатива или Uzbek Initiative» - первая организация в своем роде была основана молодыми узбекскими профессионалами. Они стали организовывать события и объединять узбеков из дальних штатов, отмечать праздники и создавать платформу для общения между узбеками, которые до этого не знали друг друга. Однако эта инициатива внезапно прекратила существование по неясным причинам. Несмотря на свою непро-

126 *www.vatandosh.com*

должительную деятельность, Узбекская Инициатива оставила приятные воспоминания у людей, которые познакомились благодаря ей.

Вскоре после Инициативы, в 2011 году в Нью-Йорке стали выпускать первую газету на узбекском языке *Vatandosh. Vatandosh* информировала о жизни узбекских иммигрантов, содержала необходимую информацию для общины, узбекской культуре, ценностях и истории. Газета публиковалась в Нью-Йорке и распространялась в местах, где читатели могли легко найти ее, например, в узбекских ресторанах и продуктовых магазинах. Также газета распространялась по подписке в разные города США, в Узбекистан и другие страны.

Газета вначале печаталась на кириллице, так как этот алфавит использовался в Узбекистане в то время, когда большинство узбекских иммигрантов жили в Узбекистане. Пожилые узбеки, некоторые из которых спонсировали газету, не могли читать на кириллице, так как в пору их проживания еще в Туркестане использовался латинский или арабский алфавиты. Из-за такого положения газета старалась предпринять разные пути, чтобы удовлетворить требования читателей: половина газеты издавалась на кириллице, другая половина – на латинице, затем один выпуск печатался на кириллице, следующий – на латинице, позже перешли на латиницу, и снова на кириллицу. В 2015 году газета прекратила существование из-за финансовых трудностей. Несмотря на это, газета продолжает действовать в онлайн-формате и является одним из крупных средств массовой информации на узбекском языке за пределами Узбекистана. Позже в Нью-Йорке была основана узбекско-американская федерация Vatandosh. Федерация рассматривает себя как культурный и общинный центр узбеков. Узбекско-американский общинный центр служит местом проведения культурных, образовательных, спортивных и религиозных мероприятий. Такие мероприятия способствуют поддержке узбекского культурного наследия, языка, традиций, музыки, танцев, искусства и спорта. Например, центр предлагает услуги бракосочетания, бесплатные курсы английского языка, семинары по законам иммиграции, налогам, ведению бизнеса и другие[127].

Существуют другие узбекские организации, такие как узбекско-американская ассоциация Чикаго (UAAC)[128], узбекско-американская ассоциация Yurtdosh Uzbek American Association (YUAA) в Пенсильвании[129], Ассоциация городов-побратимов Сиэтл – Ташкент (STSCA), а также регулярные, но неформальные собрания узбеков в различных штатах и городах[130]. Ассоциация UAAC известна своими возможностями объединять и помогать новым иммигрантам в их неотложных нуждах, в трудоустройстве, поисках жилья и налаживании новых связей. Ассоциация STSCA была основана в 1973 году и была первой советско-американской Ассоциацией городов-побратимов.

Несмотря на рост количества и расширение состава узбекских общинных организаций, они не преуспели в объединении большого количества узбеков. Проводимые события и мероприятия носят единовременный характер, и дух единства в них все еще отсутствует.

Есть и такие немногие иммигранты, которые возвращаются на родину после недолгого пребывания в США. Многие вернувшиеся являются обладателями «Green Card». Они не имели достаточно навыков, таких как язык, образование и культурную адаптируемость, для ассимиляции в общество. Большинство из них довольны финансовым заработком, полученным за время пребывания в США, и готовы вернуться с ним на родину. Такие люди сталкиваются с трудностями в изучении языка и ассимиляции в общество. Язык и культурные трудности адаптации – одна из основных трудностей узбекских иммигрантов в США.

Но большинство узбекских иммигрантов остаются в США, даже те из них, кто вначале планировал лишь поработать, а затем вернуться назад. И хотя многие мечтают когда-нибудь вернуться на родину, они остаются в США из-за экономических возможностей, качественного образования, а также политических и религиозных свобод в США.

127 Сайт организации: *Vatandosh.org/about*

128 Сайт организации: *http://www.uzbekchicago.org/english/*

129 Сайт организации: *http://yurtdoshusa.com/index.php/home*

130 Сайт организации: *http://seattle-tashkent.org/about-us/*

ЧАСТЬ IV

НОВЫЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ БУДУЩЕГО

Политический ислам в Центральной Азии после 25 лет независимости

Галым Жусипбек
Независимый исследователь

Введение

Ислам был фундаментальной основой жизни населения в Центральной Азии на протяжении более чем тысячелетнего периода. В свою очередь, Центральная Азия играла неоценимую роль в истории ислама: многие мусульманские ученые, духовные лидеры и династии вышли из этого региона и обогатили развитие исламской науки, культуры и цивилизации.

Последние три десятилетия были отмечены возрождением ислама в постсоветской Центральной Азии после 70 лет систематического истребления и подавления советским режимом религиозных институтов, образовательных центров и исламского самосознания путем использования всеобъемлющих социальных проектов. Таким образом, влияние религиозного возрождения на личную и социальную жизнь в Центральной Азии значительно усилилось, понятие «политический ислам» стало одним из наиболее обсуждаемых и неоднозначных в политических и академических кругах, в экспертном сообществе и средствах массовой информации.

Для того чтобы получить лучшее представление о политическом исламе в центральноазиатских странах, во-первых необходимо отметить, что мусульмане Центральной Азии значительно отличаются от мусульманских сообществ по всему миру, ввиду семидесятилетнего советского влияния. Во-вторых, знания о центральноазиатском политическом исламе, включая его радикальные направления, были сформированы под влиянием протототалитарной, сильно статической и лаицисткой риторикой постсоветских правящих элит.

Несмотря на то, что полностью отрицать угрозу радикального политического ислама в Центральной Азии невозможно, мы не должны игнорировать тот факт, что эта угроза может быть использована и усилена некоторыми группами, а также некоторыми представителями политической элиты, для достижения своих целей. Поэтому необходимо изучать политический ислам и возрождение ислама в Центральной Азии более детальным образом. Похоже, что зачастую «повстанческий исламизм» и «распространяющийся радикализм» стали использоваться в отношении любых угроз и опасений в Центральной Азии. Анализ, одержимый вопросами безопасности, - не только стереотипный, но и вводит в заблуждение, поскольку препятствует пониманию реальных проблем в регионе[131].

Существует значительная неопределенность в отношении понятия «политический ислам», поэтому здесь оно рассматривается в первую очередь. Далее последует краткий обзор политического ислама в Центральной Азии, с учетом жесткого подавления «раннего политического ислама» и в общей секьюритизации политического ислама в Центральной Азии. Затем будет представлена общая ситуация в Центральной Азии с фокусом на Таджикистан.

В заключении автор рассмотрит перспективы будущего политического ислама в Центральной Азии, включая некоторые оптимистичные сценарии.

Обзор понятия политического ислама

До сих пор существуют разногласия относительно понимания политического ислама как исключительно современного феномена или берущего корни в исторических религиозных традициях[132].

Общепринято, что и в теории, и в практике ислам был невосприимчив к секуляризации[133]. Более того, как отмечает Жоселин Сезари, модернизация не привела к приватизации религии в мусульманском контексте, скорее, наоборот, она привела к политизации ислама. Но причиной этому является не то, что в исламе существует единство религии и политики, как это утвержда-

131 Lewis, David, «Understanding the Authoritarian State: Neopatrimonialism in Central Asia», Brown Journal of World Affairs, 19 (1), 2012.

132 Andrew March, «Political Islam: Theory», *Ann.Rev.Polit.Sc.* February, 2015, doi: 10.1146/annurev-polisci-082112-141250

133 Shadi Hamid, «What's different about Islam in Malaysia and Indonesia», *Aspen Institute,* July 1, 2016, *https://www.aspeninstitute.org/aspen-journal-of-ideas/whats-different-islam-malaysia-indonesia/*

ется в некоторых ориенталистских дискурсах (что является ошибкой, если рассматривать в исторической ретроспективе), а тот факт, что исламские традиции стали интегрироваться в современный процесс государственного строительства после распада Османской империи[134].

В самом простом виде политический ислам отличается политизированным подходом к исламу. Общепринято рассматривать политический ислам как «форму инструментализации ислама индивидами, группами и организациями, преследующими политические цели»[135]. С другой стороны, некоторые исследователи указывают на оппозиционный характер политического ислама, рассматривая политический ислам, как основанную на религии оппозицию государству или как «попытку объединить политику и ислам путем сопротивления государству»[136]. Также политический ислам концептуализирован в более широком смысле как «национализация исламских институтов и личного «государственными механизмами» или «использование исламской тематики в политической конкуренции как государственными акторами, так и их оппонентами». Важно отметить, что цели политического ислама, прежде всего, установление исламского законодательства, были кооптированы некоторыми политическими режимами, например, в Пакистане, Египте, Марокко, Малайзии и Индонезии[137].

В общем, будучи сложным понятием, политический ислам не должен рассматриваться как одно единое движение или идеология. Исламистские тенденции простираются от протестных движений левого толка до ультраконсервативных движений, нацеленных на общественный контроль над моралью. Также политические исламистские группы и тенденции различаются в их подходах к действующим политическим режимам, начиная с предельной покорности и послушания, заканчивая желанием участвовать в конкурентной политике, и в крайних случаях – принятием вооруженного насилия. В то время как одни политические исламистские группы предпочитают работать в «неисламских» политических системах, другие могут агитировать к радикализму. Резюмируя, отметим, что «политический ислам должен рассматриваться в широчайшем смысле как феномен, представляющий обширный диапазон современных политических движений, идеологических тенденций и государственных политик, нацеленных на то, чтобы придать исламу официальный статус в политической системе»[138].

Обзор трагического «возникновения» политического ислама в Центральной Азии: ранний политический ислам

Представленный выше обзор политического ислама указывает на однобокое, даже негативное понимание политического ислама, распространенное в Центральной Азии. Как отмечает Джон Эспозито, существует неверная и вводящая в заблуждение тенденция на Западе интерпретировать «политический ислам как глобальную угрозу, подобно тому, как воспринималась угроза коммунизма»[139]. Подобный, даже более эссенциалистский подход, наблюдается в постсоветских странах, особенно в наиболее авторитарных центральноазиатских государствах после трагического появления раннего политического ислама в Узбекистане.

В условиях глубоких политических, экономических и социальных кризисов, усугубленных идеологическим и идейным вакуумом, обусловленным, в свою очередь, крахом официальной идеологии, некоторые центральноазиатские мусульмане стали воспринимать ислам как единственную альтернативу коммунизму или любой другой политической системе или идеологии. «Ранний политический ислам» в некоторых регионах Узбекистана и Таджикистана под влиянием этих обстоятельств появился в начале 1990-х годов в общественной среде, которая определялась как «культурно мусульманская», но лишенная доступа к формальному исламскому образованию и исламскому интеллектуальному миру в течение последних 70 лет. Тем не менее политический ислам, будь то народное (не элитарное) движение или идеологический тренд, требует более серьезной интеллектуальной и социальной базы. Например, движение «Милли Горуш», его аффилированные группы и многие другие консервативные мусульманские образования в Турции, многочисленные ответвления египетского и сирийского «Мусульманского Братства», пакистанское движение Джамаат-и Ислами и многие другие группы имели опыт работы с обществом в этих странах

134 Jocelyne Cesari, «The Awakening of Muslim Democracy», NY: Cambridge University Press, 2014.

135 Guilain Denoeux, «The forgotten swamp: navigating political Islam», Middle East Policy, June, 2002, p.61.

136 Jocelyne Cesari, «The Awakening of Muslim Democracy», NY: Cambridge University Press, 2014.

137 Andrew March, «Political Islam: Theory», Ann.Rev.Polit.Sc. February, 2015, doi: 10.1146/annurev-polisci-082112-141250

138 Там же

139 John Esposito, «Islamists and US Foreign Policy», *ISIM Review,*18, 2006, p 6-7.

в течение десятилетий. В отличие от этих стран, постсоветская Центральная Азия характеризовалась как постатеистическая. Более того, в результате 70-летнего советского периода жизнедеятельность центральноазиатских мусульман можно охарактеризовать как религиозную «амнезию». Потерянное знание, или забвение, обусловленное «советским семидесятилетием», сыграло важную роль в понимании людьми ислама, или, точнее, в формировании « мусульманскости » общества[140]. Поэтому будет более корректно назвать феномен возникновения политического ислама в Центральной Азии в начале 1990-х годов «ранним политическим исламом».

Ранний политический ислам может быть концептуализирован как ответ на кризис легитимности существующей власти. В частности, в Узбекистане ухудшающаяся экономическая ситуация, коррупция, неравномерное развитие регионов и низкая представленность в верхних эшелонах власти представителей Ферганского региона могла вызвать желание некоторых религиозных групп поднять голос против неравноправия, обратившись при этом к исламским лозунгам. Но оказывается, многие люди следовали исламу, основываясь на эмоциональных настроениях, нежели на знаниях постулатов ислама[141]. В общем, ранний политический ислам был движим эйфорией, возникшей после развала советской системы. Мусульманские активисты и организации особенно находились под сильным влиянием атмосферы политизации последних лет советской эры и первыми годами независимости. Даже исламская концепция «дауа» (миссия донесения ислама) «не обязательно охватывала пропаганду ислама или исламских ценностей... эта концепция была использована для распространения еще более политических посылов»[142].

В этом вопросе мы не можем не рассмотреть влияние борьбы за власть между враждующими кланами (клановую политику). Следует отметить, что Ферганский регион в Узбекистане стал одним из бастионов, в том числе, в том числе оппозиционной партии «Бирлик».

Несмотря на то, что мы указываем на комбинацию факторов, обусловивших возникновение политического ислама с доминирующим оппозиционным характером в Ферганском регионе в Узбекистане и в Таджикистане, мы все же утверждаем, что основной причиной стал общий кризис или, по крайней мере, недостаточность легитимности существующей власти, концептуализированная как «слабость государства». Ввиду того, что оппозиционный политический ислам был очень ограничен географически, утверждать о всеобъемлющем характере политического ислама или распространяющейся исламской революции даже на уровне Ферганского региона было бы спекулятивно.

Секьюритизация политического ислама и «неконтролируемого ислама»

Последствия появления раннего политического ислама в 1990-е годы можно суммировать как «неумелое управление ситуацией» или «чрезмерно острое реагирование» существующей на тот момент власти в Узбекистане в отношении географически ограниченной деятельности оппозиционного политического ислама. В результате в Узбекистане затормозилась демократизация. Более того, политические процессы, инициированные перестройкой, пошли на спад, а тоталитарные практики были возрождены и адаптированы под новые условия. С другой стороны, нельзя не отметить и ошибки местных мусульманских лидеров, особенно в наиболее мятежной Наманганской области, которые испугали светские элиты[143] и не учли реалии постсоветского и постатеистического общества. Чрезмерно острая реакция на оппозиционный политический ислам со временем привела к полной «секьюритизации» (процесс «конструирования угрозы», ставящий проблему или феномен, который не обязательно относится к области безопасности, в рамки «экзистенциальной угрозы»[144]) политического ислама и всех неконтролируемых государством направлений ислама. Оппозиция, прежде всего религиозная, была признана «криминальным заговором», «импортированной» и нацеленной на дестабилизацию государства и региона в целом[145].

В результате была принята государственная политика, не благоволящая «неодобренным» религиозным, социальным и политическим доктринам. Даже действия государства в качестве арбитра могут быть непредсказуемыми и разочаровываю-

140 M.E. Louw, «Everyday Islam in Post-Soviet Central Asia», Routledge, 2007, p. 2.

141 Из личного разговора с очевидцами событий, проживающих за рубежом.

142 Olcott, Martha B. (2007). *Roots of Radical Islam in Central Asia* , Carnegie Papers, Number 77, p.28.

143 Из личного разговора с анонимным свидетелем, проживающим за границей.

144 Buzan, Barry; Lene Hansen. (2009).*The Evolution of International Security Studies,* Cambridge University Press

145 Alisher Ilkhamov, «Uzbek Islamism: Imported Ideology or Grassroots Movement?», *Middle East Report,* Winter, No 221, 2001.

щими. Так, например, переклассификация из категории «одобренный государством» в категорию «террористический» может случиться шокирующе быстро и часто вызывает, как минимум, удивление религиозных ученых и вероисповедующих[146].

Возникновение оппозиционного раннего политического ислама в Ферганском регионе стало определяющим будущего развития ислама и государства в постсоветском Узбекистане. Оно также способствовало региональной нестабильности и придало легитимность действиям сторонников политической делиберализации в государствах региона.

Все политические режимы государств Центральной Азии, ввиду своей слабости, склонны к «секьюритизации», в первую очередь секьюритизации этнических и религиозных политических группировок. К тому же местные элиты зачастую выдают собственную безопасность за национальную. В общем, секьюритизация – зависимый продукт конкурентной борьбы за власть и может быть задействован политическими и социальными группами или институтами, обладающими властью[147]. Поэтому понятно, что авторитарные режимы, действующие политики могут «создать и усилить ограничения в отношении религиозных групп с целью ослабления политической конкуренции, в том числе в вопросах идеологии, и сохранения своей собственной политической власти. В тех случаях, где политики опасаются создания эффективной оппозиции их правлению или делигитимации их власти определенными группами, они могут инициировать их подавление »[148].

Несмотря на все вышесказанное, представляется невозможным категоризировать все пять центральноазиатских государств в одном виде. Существующие политические режимы представляют разную степень авторитаризма и патернализма. Будет более правильным оценить политические модели на шкале от мягкого, или смешанного авторитаризма, до крайнего уровня авторитаризма и даже «полицейского государства» (так называемое государство «Мухабарат»[149]).

Можно говорить об очевидном «эффекте колеи» (процесс развития, зависимый от ранее избранного пути) в отношениях государства и религии в Узбекистане, и особенно в Туркменистане, в то время как в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане отмечаются относительная новизна и динамизм в этой сфере.

Миф о распространении радикального политического ислама и репрессивная политика

Во-первых, отождествление исламизма (который, по сути, означает политический ислам) с религиозным радикализмом, не говоря уже о терроризме, является ошибочным. Исламизм является «диапазоном современных политических движений, идеологических тенденций и государственных политик»[150], несмотря на то, что это своего рода использование исламских учений для достижения политических целей.

Во-вторых, оппозиционный политический ислам в Центральной Азии был обусловлен такими факторами, как кризис, вызванный феноменом «слабое государство», т.е. слабостью как государственных, так и негосударственных институтов, в частности слабыми политическими, техническими, финансовыми государственными возможностями[151].

В-третьих, несмотря на то, что нельзя полностью отрицать угрозу распространения радикального политического ислама, невозможно игнорировать и то, что радикальный исламизм может быть генерирован, использован и усугублен политическими группировками, преследующими свои собственные интересы. В частности, для того чтобы представить более полную картину политических процессов в Узбекистане и Таджикистане, нельзя не учитывать роль клановой политики. Другими словами, напрашивается вопрос: существует ли связь между возникновением политического ислама и борьбой за власть (и другими политическими играми) в Центральной Азии?

146 Noah Tucker, «Domestic Shapers of Eurasia's Islamic Futures», Islam in Eurasia, Davis Centre, Harvard University. 2015, p.54

147 Mariya Omelicheva, «Islam in Kazakhstan: a survey of contemporary trends and sources of securitization», *Central Asian Survey,* 30 (2), 2011, p.250.

148 Ani Sarkissian, «Government Regulation of Religion and Authoritarian Durability in Post-Communist Eurasia», Conference Proceeding, International *Symposium «Post-Atheism: Religion and Society in Postcommunist Eastern Europe and Eurasia»,* Melikian Center, Arizona State University, 7-9 February 2013, p.2.

149 «Полицейское государство», названное *мухабарат* по имени печально знаменитой разведки Башара Асада в Сирии и Саддама Хуссейна в Ираке.

150 March, Political Islam

151 Об этих концепциях см Araral, E.; Pelizzo, R.; Burkhanov, A.; Janenova, S.; Collins, N. (2015), «Capacity and Autonomy: An Exploration of Fukuyama's Governance Hypothesis», *Varieties of Governance,* G.Capano et al, (eds), NY: Palgrave, pp.173-189.

В-четвертых, изучая радикальный политический ислам в Центральной Азии, необходимо рассматривать существование особой связи между политикой и криминальными подпольными группами, задействованными в наркотрафике.

В-пятых, было бы заблуждением верить, что сердца и умы большинства центральноазиатских мусульман заняты политическим исламом в любой его вариации. Заявления о «распространяющемся исламизме» среди большинства населения Центральной Азии спекулятивны. Создание так называемого «исламского режима» не является целью большинства религиозно мотивированного населения Центральной Азии, которое пытается исповедовать в основном не связанный с политикой ислам.

В-шестых, « мусульманскость » большинства центральноазиатских мусульман является культурной и индивидуальной, проявляется в личной жизни и соседствует со светским менталитетом, что отвергает исламизм как цель большинства центральноазиатских мусульман.

В Центральной Азии действуют лишь несколько международных исламистских организаций, таких как Хизбу-т Тахрир, которая преследует политические цели и имеет последователей в регионе (организация Хизбу-т Тахрир действует как «социалистический интернационал», так как одна из ее главных задач это решить вопрос отсутствия социальной справедливости и солидарности среди «эксплуатируемых и колонизируемых мусульман», создав глобальный «Халифат»). Тем не менее Хизбу-т Тахрир, получив репутацию пугала, имеет слабую основу в странах региона

Деятельность не только радикальных, но и мирных исламистских организаций достаточно ограничена, организации с исламистской повесткой строго локализованы.

Таджикистан является единственной страной региона, испытавшей на себе гражданскую войну, которая велась в основном противоборствующими региональными кланами и была неверно представлена как борьба между светскими и исламистскими группами. Несмотря на то, что Таджикистан также был постсоветским государством, где политический ислам мог быть официально провозглашен в форме Партии Исламского Возрождения Таджикистана (ПИВТ), в последнее время правящая власть избрала жесткий подход в целях сохранения своей гегемонии путем уничтожения политического конкурента – запретило деятельность этой партии и предприняло преследование ее лидеров. ПИВТ рассматривалась как основная оппозиция действующей власти. Более того, за годы, предшествующие ее закрытию, партия смогла стать платформой для различных оппозиционных сил. В те годы в партию вступили общественные лидеры и люди с различными политическими убеждениями. Таким образом, де-факто партия стала представителем оппозиционных и оппозиционно настроенных групп самой разной палитры. Однако такое разноголосие в рядах партии стало препятствием для развития собственной постисламистской политики и продвижения за пределы критики правящей власти. В конечном итоге, закрытие ПИВ может быть контрпродуктивным актом для стабильности Таджикистана[152].

Жесткая политика по отношению к оппозиционному политическому исламу в Узбекистане (и в последнее время в Таджикистане) привела к созданию порочного круга общественного раздражения, снижению уровня государственной легитимности и росту популярности неофициальных, а в худшем случае и радикальных оппозиционных групп и идей. В таких условиях можно утверждать, что при отсутствии систематических государственных усилий в целях сокращения социального и экономического неравенства, борьбы с бедностью, расширения прав и возможностей людей, включая религиозных мусульман, путем расширения их участия в социальных процессах, может возникнуть оппозиционный и, более того, воинственный политический ислам как важная альтернатива, отвечающая интересам лишенных голоса социальных групп[153].

Можно заметить, что государства, отличающиеся наиболее репрессивной политикой по отношению к независимому исламу, включая политический ислам, обладают наиболее слабыми государственными возможностями. Например, Казахстан и Кыргызстан имеют относительно высокий уровень государственных возможностей и имеют сравнительно сдержанную политику в отношении религиозных сообществ. Туркменистан и Узбекистан, где принята крайне репрессивная и запрещающая политика, обладают наиболее низким уровнем эффективности государственного функционирования[154].

Если государство пытается контролировать религиозные вероисповедания своих граждан, с течением времени это остановит процесс демократизации и приведет к формированию общества не свободных граждан, а «безлицых и безголосых подданных».

152 Из частного разговора с таджикским экспертом, проживающим в США.

153 Это также касается западных регионов Казахстана – наиболее экономически развитой страны Центральной Азии

154 См., например Araral, E. и др.

Постановка во главу угла репрессивных методов не только усугубляет проблемы безопасности в регионе, но и неизбежно ведет к дальнейшему укреплению патерналистского режима и институционализации авторитарных или, по крайней мере, антилиберальных практик. Если бы некоторые страны региона не использовали в борьбе с радикальным политическим исламом и терроризмом жесткие методы, напоминающие инструменты тоталитарного режима, и не допускали открытые и систематические нарушения основных прав человека и секьюритизации «неодобренных» социальных, религиозных или оппозиционных политических групп, общая ситуация, политическая и психологическая атмосфера в Центральной Азии были бы гораздо позитивнее и более расположенными к развитию человеко-центричных и плюралистических политических систем...

Голос религиозных мусульман и борьба с радикализмом

Несмотря на то, что политический ислам представляет сложный феномен, который невозможно низвести до одного единственного движения или идеологии, он не может в полной мере отразить общественные интересы религиозных мусульман хотя бы по той причине, что общественная сфера намного шире, чем сфера политики. Но вполне понятно, что в постатеистической Центральной Азии, несмотря на некоторые различия между пятью государствами, религия все еще играет маргинальную роль в общественной сфере (за исключением некоторых церемониальных событий или программ), не говоря уже о явных проявлениях политического ислама. По сути, постсоветские центральноазиатские элиты являются продуктом своей собственной среды, и они достаточно настороженно относятся к любым серьезным общественным проявлениям «неконтролируемого» ислама.

В основном положение мусульман в разных странах Центральной Азии разнообразно и динамично. Несмотря на это, в качестве основы для наших аргументов в анализе развития политического ислама в Узбекистане (и Туркменистане) мы можем использовать подход, предполагающий зависимость развития от ранее выбранного пути («эффект колеи»). Применение такого подхода делает историю (опыт советского прошлого) чрезвычайно полезной для понимания проблем, возникших после появления исламского возрождения в этих странах. И все же открытые внешнему миру страны Центральной Азии – Казахстан и Кыргызстан, а также Таджикистан – единственная страна, где политический ислам был официально разрешен до последнего времени, могут не рассматриваться как зависящие от ранее выбранного пути по своей природе, так как они постепенно трансформируются и продолжают меняться со временем.

Все центральноазиатские страны испытывают необходимость реагировать на растущие потребности мусульманского населения, и этот феномен может привести к переосмыслению определения общественной сферы, социальных отношений и, возможно, в долгосрочной перспективе – политических границ в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане. С другой стороны, в эру формирования так называемого «постсветского» мира это было бы анахронично, если бы центральноазиатские правящие элиты не разрешали религию в социальной сфере.

Для того чтобы в Центральной Азии сформировался мирный/конструктивный политический ислам, необходимо существование сильных государственных институтов или, по крайней мере, плюралистичное понимание ислама, распространенное среди большинства мусульманских общин. Например, несмотря на то, что в Индонезии отсутствуют сильные государственные институты, в стране существует сильный плюралистический ислам в форме многомиллионных движений Мухаммадия и Надхат-ул Улема. Посредством развития исламской социальной активности и поддержки мусульманских акторов в гражданском обществе центральноазиатские государства могут успешно уменьшить роль радикальных групп.

Только политический и религиозный плюрализм, совмещенный с верховенством закона, может нейтрализовать радикальный политический ислам. Другими словами, только страна с сильными политическими и правовыми институтами, диверсифицированным социумом, институционализированным верховенством закона и уважением прав человека может быть успешной в долгосрочной перспективе.

Будущее политического ислама в Центральной Азии

Центральноазиатские элиты, особенно в наиболее авторитарных государствах, с особой осторожностью относятся к политическому исламу и к неконтролируемым религиям в целом, несмотря на то, что гордятся своей «мусульманскостью». Поэтому, похоже, что в краткосрочной и даже в среднесрочной перспективе мы не сможем увидеть проявления классического политического ислама в политической жизни стран региона. Неоднозначный таджикский опыт указывает на эту крайнюю осторожность центральноазиатских режимов.

Можно предположить два основных сценария развития ислама в социальной сфере в Центральной Азии.

1) Зарождение так называемой «мусульманской политики» вместо классического политического ислама. «Мусульманская политика» означает «политика, проводимая верующими мусульманами, сознательно стремящимися отразить свои ислам-

ские ценности и принципы без преследования идеи создания исламского государства». Первые сроки правления турецкой Партии Справедливости и Развития (ПСР) и большая часть правления партии «Нахда» в Тунисе продемонстрировали возможность сосуществования «мусульманской политики» и с либерализмом, и с интеграцией с западными институтами (хотя, после явного провала турецкой модели, явно проявившегося начиная с 2013 года, мало что может подтвердить трансформацию исламизма в консервативную демократию и трансформацию исламистов в консервативных демократов). Такое положение не угрожает светским основам ряда государств, в которых большинство населения исповедует ислам, и представляет хорошую альтернативу политическому исламу. В конце концов, основные исламские источники не приоритизируют установление исламского государства, так же как и не предлагают определенные детальные структуры особой «исламской» политической системы или режима. Проще говоря, Коран упоминает о муравье, пауке и формировании эмбриона, но не упоминает об исламском государстве.

2) Центральноазиатские элиты и общественность могут найти хорошие примеры за пределами Ближнего Востока - в Малайзии и Индонезии - странах, которые проявляют не только демократию, плюрализм и терпимость, но и значительно более высокий уровень следования исламским канонам, нежели в Египте, Марокко или Турции. Как упоминает Шади Хамид, «ислам может быть исключительным, но политическая система больше заинтересована в приспособлении к этой реальности, нежели в ее подавлении». Положительные примеры мусульманских обществ Юго-Восточной Азии говорят о том, что исламизм (политический ислам), как таковой, не обязательно имеет отношение к исламистам, а относится к широкой массе населения, открытого исламу, которое играет важную роль в публичной сфере (разновидность «рационального» и умеренного политического ислама в относительно либеральной и плюралистичной политической среде). И все же второй сценарий маловероятен, ввиду постатеистического характера общества Центральной Азии. Вместе с тем можно утверждать, что политический ислам и в общем «независимый ислам» может занять свою нишу в правовой среде в будущем, если будут установлены сильные государственные институты в странах Центральной Азии.

Заключение

Преувеличение роли политического ислама и чрезмерная озабоченность политическим исламом, который по сути является ограниченным, в традиционном постсоветском контексте является не чем иным, как чрезмерным упрощением, если не ошибочным восприятием причин возникновения и роста религиозного радикализма и политического насилия в Центральной Азии. Более того, одержимость вопросами безопасности и тревожными сценариями с очевидным акцентом на радикальном политическом исламе может послужить оправданием секьюритизации религиозного пробуждения, диверсификации социальной жизни и применения репрессивных практик в постсоветских условиях. В широком смысле ошибочно характеризировать исламское возрождение в Центральной Азии как носящее имманентно радикальный характер и создающее политически влиятельный миф о постсоветской мусульманской радикализации в Центральной Азии[155]. Радикальный политический ислам в центральноазиатском регионе ограничен как в общественном, так и в географическом пространствах. Тем не менее, если не будут предприняты шаги к социальным, экономическим и политическим преобразованиям в существующей системе с преобладанием мусульманского населения, топпозиционный и даже радикальный, милитаризованный политический ислам может предстать как одна из альтернатив изменения существующей несправедливой системы для населения с наиболее ущемленными правами.

Важность критического анализа широко обсуждаемой угрозы политического ислама в Центральной Азии заключается в попытках найти решения для истинных нужд большинства обычных людей (требования и ожидания центральноазиатских людей в своей основе не отличаются от требований и ожиданий людей, проживающих на Западе или в других странах), особенно проживающих в странах с жестким авторитарным режимом, которые на протяжении двух десятилетий под лозунгом борьбы против радикального исламизма потеряли многие свободы и права, будущее, надежды и человеческий капитал.

В свою очередь, центральноазиатскому мусульманскому сообществу необходимо ознакомиться с прогрессивными и реформистскими учениями (Эль-Фадл, Амина Вадуд, А. Ан-Наим и др.), которые способны успокоить подозрительность светских элит и помочь мусульманским активистам обратиться к реальным проблемам стран региона: отсутствие меритократии, недостаток доступа к глобальным знаниям и технологиям, необходимость в системной защите прав человека и окружающей среды.

155 John Heathershaw, David Montgomery, *The Myth of Radical Islam in Central Asia,* November 2014, Chatham House.

Евразийское движение в Кыргызстане

Денис Бердаков

политолог, член Экспертного совета по укреплению национального единства и религиозной политике при Президенте Кыргызской Республики

Развитие евразийского вектора в Центральной Азии среди молодежи

Любой анализ по теме «евразийства» сталкивается с проблемой понимания и трактовки самого термина. Как «свобода», «демократия» и ряд других понятий, активно используемых в общественно-пропагандисткой риторике, концепт евразийства трактуется в рамках широкого спектра подходов, иногда полярно различающихся.

В экспертную среду вопрос о евразийской интеграции был внесен в начале 90-х годов президентом Казахстана Н. Назарбаевым. Это была попытка связать удобной идеологической концепцией ту противоречивую реальность, которая была в начале 90-х годов на постсоветском пространстве: разрыв экономических связей, рост национализма, национальное строительство (а в Казахстане на тот момент почти 50% населения составляли этнические русские), вынужденная необходимость выстраивать целый спектр торгово-экономических и приграничных отношений с Россией. Но эта идея (как и ее политический аналог СНГ) не нашла тогда широкого отклика в российской элите, увлеченной, как и все постсоветские элиты, осваиванием суверенитета и оффшоризацией элит.

К идее евразийской экономической интеграции вернулись после кризиса 2008 года, когда на постсоветском пространстве совпал ряд факторов:

- в силу целого комплекса причин один из российских элитных кланов стал делать ставку на традиционные ценности, патриотическую риторику, противопоставление Западу.
- рост ресурсных экономик (Казахстан, Россия) за счет продажи леса, нефти, газа, металлов на мировых рынках, который шел с начала 2000-х годов, позволял поддерживать социальное государство в РФ и РК, а через трансферты трудовых мигрантов (экономики Таджикистана, Кыргызстана, Армении) и рост рынка сбыта товаров (Белоруссия, Узбекистан) – почти все страны СНГ. Но после кризиса 2008 года, и особенно по мере того как начался очередной цикл падения стоимости сырьевых ресурсов (2013–2014 годы), встал вопрос об эффективности экономик, которые отличались высоким уровнем коррупции, низкой технологичностью, высокой стоимостью кредита.

Выход из этой ситуации виделся в активизации целого комплекса договоренностей по общему рынку, снижении взаимных барьеров, введении унифицированных стандартов и т.д. В это время в широкий обиход входит определение «евразийский», которое имеет скорее оттенок характеристики пространства, географии, чем реальный философско-политический конструкт.

Если не брать в расчет китайский (Шелковый путь), турецкий («пантюркизм») проекты, которые часто употребляют прилагательное «евразийский» в своих культурных, образовательных, экономических проектах на территории ЦА, то имеется три российских концепта и один казахстанский.

Суть казахстанского евразийства – это попытка, с одной стороны, показать свою историческую общность со странами Юга (Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан) и Севера (Россия). Это объективная необходимость, учитывая огромные размеры страны и ее малую заселенность, желание быть центром транзита и торговли. С другой стороны, это обозначение своих претензий на роль регионального лидера.

Российское «евразийство», которое, так или иначе, транслировалось в ЦА, имеет десятки толкований, ценностных баз, точек зрения. Их (кроме самых маргинальных) можно условно разделить на три концепта:

1) Неоевразийство А. Дугина. Имеет некоторую скандальную известность в Казахстане и почти неизвестно в других странах ЦА. Неоевразийство - идеологическая доктрина, предложенная Александром Дугиным, в которой синтезированы классическое евразийство 20-х годов, европейский традиционализм, а также элементы нового правого дискурса. Основными ценностями «неоевразийцев» Дугина являются иерархия, порядок, социальная справедливость, сакральность, соборность, противостояние цивилизаций суши и моря: евразийства и атлантизма. Главным своим идеологическим противником евразийство называет либерализм. С середины 2000-х годов это учение постепенно стало одним из основных направлений патриотического самосознания в постсоветской России.

2) Молодежное общественное движение, существующее с 2010 года и возглавляемое Юрием Кофнером «Молодая Евразия». Движение конфликтует

с А. Дугиным, который не признает движение, считая его пустым и лишенным смыслов. Основу движения оставляют малочисленные студенты и молодые специалисты в ряде крупных городов СНГ. Движение - крайне слабое в идейном плане, отсутствует финансирование, и весь запал держится на понимании того, что по мере развития евразийской экономической интеграции появится потребность в молодых лидерах, способных вести диалог со всеми странами. В странах ЦА есть клубы этой организации, но функционируют они изредка и больше в формате взаимных видеоконференций.

3) Техноевразийство. Прикладная, явным образом не сформулированная концепция постсоветских технократов, экономистов, работающих в рамках методологии реальной политики. Основные тезисы: реальная политика, власть – это ответственность политических элит за социальный уровень жизни перед своими гражданами; странам СНГ нужна новая индустриализация на основе шестого техноуклада; в данный момент страны СНГ не обладают суверенитетом, необходимо его достичь; создание экономического макрорегиона на основе ЕАЭС – это метод выживания; переосмысление социализма как базовой платформы экономики. Яркие представители-экономисты: С. Глазьев, М. Делягин, М. Хазин; политтехнологи: М. Леонтьев, С. Уралов. Так или иначе, к этим постулатам в силу их рациональности прислушивается часть постсоветских технических элит в странах ЦА.

Ни одно из этих течений не признается элитами России официально, так как в том или ином виде все эти концепты идут вразрез с олигархической оффшорной системой власти на основе медиа, формирующих повестку дня. Для широких слоев молодежи ЦА вышеописанные концепты евразийства малопонятны, они не имеют поддержки в силу малой информационной представленности. Молодежь Кыргызстана воспринимает «евразийство» как нечто относящееся к российской политике (как с положительным, так и отрицательным контекстом, в зависимости от ситуации).

Вызовы в продвижении евразийства

Если рассматривать евразийскую экономическую интеграцию, то здесь после достижения ощутимых результатов («эффект низкой базы») со снятием таможенных границ между РК, РБ и РФ экономика столкнулась с политической реальностью постсоветских стран. Сейчас ряд национальных элит рассматривают евразийскую экономическую интеграцию как шанс остаться у власти, ничего не меняя, но улучшив ситуацию в экономике (за счет запуска экономических цепочек, увеличение объема рынка, российских грантов и кредитов). Это девальвирует и саму идею, и любую потенциально привлекательную евразийскую идеологию. Эффективная интеграция должна основываться только на новых принципах и образах будущего, в которых трайбализма, коррупции, чиновничьего беспредела будет значительно меньше, а свободы ведения бизнеса, независимости судов, здравой налоговой политики и социальной защищенности граждан – значительно больше.

Поэтому проблема заинтересованности национальных элит в евразийской интеграции и является основным слабым звеном всего интеграционного процесса. Элиты по определению способны формировать общественное мнение и противостоять даже объективной необходимости и экономической целесообразности интеграции, если идет ущемление их интересов и возможностей контролировать ресурсы (денежные потоки, правовое прикрытие бизнеса, распределение госбюджета, доступ к приватизации госсобственности и неформальное право на частичную или полную неподсудность).

Поэтому основной вопрос в рамках отношений между национальными элитами и евразийской интеграции – это вопрос того, как мотивировать национальные элиты к построению наднационального проекта.

Хотя имеются и существенные различия в структуре элит постсоветских стран, но все же ключевой характер здесь имеет борьба за доступ к ресурсам (госсобственность, бюджет, экономические преференции). В ряде стран наблюдается политическая стабильность, когда несколько тысяч (десятков тысяч) представителей элиты смогли прийти к консенсусу на основе «справедливого» доступа к вышеозначенным ресурсам. Это, к примеру, Азербайджан и Казахстан.

В современных условиях с развитием экономико-политических макрорегионов перед евразийским пространством стоит выбор: превратиться в арену столкновения внешних проектов (как «глобальных», так и «региональных») или приступить к экономической и военно-политической интеграции, позволяющей объединить силы для совместной защиты своего экономического, политического и культурного суверенитета. С этой точки зрения евразийская интеграция является для постсоветских государств единственным способом дать ответ на исторический вызов, сохранить в новых, чрезвычайно сложных международных обстоятельствах как перспективы самостоятельного развития, так и контроль над ресурсами, позволяющими обеспечить высокое качество жизни как для населения в целом, так и для элит.

Будущее ЕАЭС и его поддержки

ЕАЭС, как и любой интеграционный проект, – это вопрос десятков лет согласования экономических интересов, выработки стандартов и т.д. Как показывает опыт Европейского Союза, процесс делегирования экономических полномочий (не говоря уже о политических) - это процесс всегда принудительный, недемократический, в том плане, что решение принимается вопреки мнению народа через клубные, корпоративные элиты, которые на протяжении десятилетий формируют общую повестку дня, единое информационное поле, выращивают бюрократию. ЕАЭС пока не заработал на полную мощь: отсутствуют единые рынки капитала, товаров, услуг. Рынок рабочей силы почти создан. Ближайшие 10 лет будут самыми решающими для союза, но, к сожалению, большого эффекта ждать не приходится без смены социально-правовых отношений внутри ведущих экономик союза. Персонализированные политические системы, опирающиеся на оффшорную олигархию и коррумпированное чиновничество, не могут создать экономику нового техноуклада, а без этого регион не сможет получить достаточной прибавочной стоимости в мировых цепочках добавленной стоимости.

Вступление в ЕАЭС дало социально-экономический базис для сохранения политической стабильности в Кыргызстане, так как переводы мигрантов по объему соизмеримы с бюджетом страны. Но дальнейшее экономическое развитие, связанное с индустриализацией, привлечением инвестиций и технологизацией сельского хозяйства, напрямую зависит от политической системы: объективность судов, исполнение законов, правовое сознание граждан, эффективность работы госаппарата. Вхождение республики в ЕАЭС хотя и имело объективные выгоды, но было инициировано и претворено в жизнь благодаря политической воле действующего президента А. Атамбаева, который получил от России необходимые финансовые ресурсы для поддержания бюджета и институтов развития Кыргызстана с целью укрепления своей власти. Если Россия прекратит финансовую поддержку страны и/или сменится элита, стоящая у власти в Кыргызстане, в таком случае может быть поднят вопрос о выходе республики из ЕАЭС. Но даже в таком случае Китай будет поддерживать участие Кыргызстана в ЕАЭС, так как для успешной реализации проектов в рамках стратегии Экономического пояса Шелкового Пути необходимо наличие целостной таможенной и экономической территории (ЕАЭС).

Легче и быстрее вести диалог на уровне Евразийской экономической комиссии, чем с каждой из стран по отдельности. Учитывая рост зависимости от китайских инфраструктурных кредитов (около 1,4 млрд долларов только Экспортно-импортному банку Китая на май 2016 года), проектов (нефтеперерабатывающие заводы, месторождения, предприятия, работающие на рынок ЕАЭС) и грантов, кыргызстанские политики будут крайне серьезно относиться к «пожеланиям» китайских коллег.

В ближайшие годы восприятие «евразийства» в Кыргызстане во многом будет зависеть от экономической ситуации с мигрантами и борьбы элитных кланов за власть, которые непременно будут разыгрывать карту «хорошего» и «плохого» отношения в КР, надеясь на бонусы от различных геополитических полюсов. В целом концепт «евразийства» не обладает самостоятельностью среди кыргызстанцев и является лишь производным от культурно-исторических отношений и текущей политической конъюнктуры между КР и РФ. На идеологической повестке Кыргызстана стоят вопросы противопоставления не автохтонного ислама националистическим тенденциям, опирающимся на тенгрианство, родоплеменную идентичность и ислам ханафитского мазхаба.

Этнорелигиозные идентификации казахстанской молодежи[156]

Бахытжамал Бектурганова
председатель правления АСиП

Мадина Нургалиева
руководитель представительства КИСИ при Президенте РК в г. Алматы, член АСиП

В последнее десятилетие наблюдается рост распространения этнорелигиозных идентификаций в среде казахстанской молодежи. Учитывая, что степень этноконфессионального плюрализма в Казахстане – одна из самых высоких в мире, рост этнорелигиозных идентификаций в молодежной среде может вести к самым разным последствиям – как к взаимной аккультурации этнических групп молодежи, так и, наоборот, к изоляции их друг от друга и усилению конфликтных отношений между ними.

Несмотря на объективную потребность, проблема этнорелигиозных идентификаций молодежи в нашей стране так и не вышла за рамки теоретических обсуждений – в практическую плоскость, где требуется превентивное регулирование социально значимых процессов, оказывающих влияние на жизненную среду, сознание и поведение молодежи с целью предотвращения нежелательных девиаций.

Между тем серьезно осложняют ситуацию усиливающиеся в глобализирующемся мире контрпродуктивные тенденции, под «перекрестным огнем» которых оказалась молодежь как главный объект пропаганды. Речь идет о влиянии таких мегатрендов, как прогрессирующая политизация ислама и миссионерская активность христианских общин, которая приобретает характер «гуманитарной интервенции».

Вопрос этнорелигиозной идентичности перед лицом новых вызовов безопасности является одним из наиболее реагирующих на политические перемены в стране и мире. Учет этого обстоятельства актуализирует необходимость формирования информационной основы для понимания причин, стимулирующих распространение этнорелигиозных идентификаций среди молодежи, особенно в том ее сегменте, социально-демографические характеристики которого сдвинуты в направлении социальной маргинальности. Важность и одновременно малоизученность регионального сегмента казахстанской молодежи, дискуссионность вопросов количественной и качественной оценки этнорелигиозных идентификаций определяют актуальность исследования, его научную и практическую значимость.

Этническая и религиозная идентификации тесно взаимосвязаны, но их взаимодействие в разные периоды истории менялось. В рамках статьи в качестве основополагающего вида идентификации принята этническая, под которой понимается кровнородственная взаимосвязь, отождествление себя со своими «корнями», что и составляет основу самоопределения любого человека, независимо от наличия/отсутствия религиозной, гражданской и иной принадлежности. Под религиозной и гражданской идентификацией понимается осознанное либо неосознанное причисление себя к определенной конфессии/национальной общности (под последней подразумевается принадлежность к одной политической нации/одному государству).

По результатам исследования эмпирически установлена дробная структура казахской группы, внутри которой образовались несколько религиозных групп, различающихся не только по языковой, но и по конфессиональной принадлежности: самая многочисленная группа – казахоязычные казахи, исповедующие ислам и его разновидности; среди русскоязычных казахов встречаются представители ислама, православного христианства и

156 Статья подготовлена на основе отчета по исследовательскому проекту «Как живешь, молодежь?» при финансовой/экспертной поддержке Фонда «Сорос - Казахстан». Исследование включало в себя массовый молодежный опрос, а также полуформализованное интервью с неформальными лидерами молодежи. Сбор информации проводился с помощью стандартизированной раздаточной анкеты на казахском и русском языках по месту жительства (для молодежи), а также с помощью бланка-интервью с открытыми и закрытыми вопросами (на казахском и русском языках) по месту работы для (для интервьюирования молодежных лидеров). Метод опроса - Face-To-Face. Для построения конструкции выборки использовалась многоступенчатая территориальная случайная выборка. В качестве фрейма для географического соотнесения выборки применялось принятое Комитетом по статистике Министерства национальной экономики РК административно-территориальное деление Казахстана на области. Статистическая погрешность составляет менее 1%. Всего опрошено – 1404 человека в возрасте 15-29 лет (включительно). Из них городские респонденты – 393 человека, сельские респонденты – 1011 человек. В разрез анализа включено 1398 анкет. Опрос неформальных молодежных лидеров проводился методом полуформализованного интервью с записью на диктофон в 14 областях республики. Объем выборочной совокупности молодежных деятелей – 15 человек.

религиозных меньшинств (по своим ментальным характеристикам они находятся ближе к этническим русским).

Распространение этнорелигиозных идентификаций молодежи происходит на фоне усиливающегося противоречия между потребностью в возрождении этноказахской идентичности, с одной стороны, и необходимостью формирования национальной идентичности на общегражданской основе – с другой.

Региональная молодежь 15–19 лет и 20–29 лет – это поколения (в меньшей или большей степени) ровесников независимости страны. По данным исследования, их характеризует общая черта – повышенный интерес к консолидации в первичных, естественных общностях (этнических и конфессиональных).

Справочно:

Согласно официальной статистике за 2015 год, доля региональной молодежи 15–29 лет составляет 58,9% от общего числа молодежи указанного возраста. Состав: преимущественно казахи (оценочно 69%–70%), уроженцы сельской местности (72,4%), юга и запада республики (в совокупности 65,3%).*

* *Данные о численности населения по национальностям в разрезе возрастных групп по текущему учету Комитетом по статистике МНЭ РК не формируются. Приведенные оценочные данные отражают общую численность казахов в структуре регионального населения, безотносительно к возрастным спецификациям. Среди опрошенных казахов 86,8% – казахоязычные.*

Характеристики этнорелигиозных идентификаций региональной молодежи

Анализ результатов исследования выявил коллизии гражданской идентификации. В структуре личностной/групповой идентификации региональной молодежи доминирует гражданская самоидентификация *(см. рис. 1)*. Однако прямая аппликация этого соображения осложняется тем, что на основе использования методов группировки и таблиц сопряженности в составе региональной молодежи выявлены две полярные по критериям гражданской самоидентификации группы.

Сильным маркером, очерчивающим границы между ними, является этноязыковой фактор *(см. рис. 2)*. Первую группу составляют преимущественно представители казахоязычной молодежи, сельской и городской (последние даже чаще, чем первые), отождествляющие свое гражданство с этноказахским государством (слияние этнической и гражданской идентификаций), сторонники интенсивного развития государственного казахского одноязычия, признающие в качестве претендентов на высокие государственные должности только этнических казахов. Эта группа неоднородна, в ней выделяются две подгруппы:

- «умеренные этнонационалисты» («казахи – государствообразующий народ, все другие национальности – этнические меньшинства, но вместе должны определять и нести ответственность за будущее страны»);
- «узкие этнические националисты» («Казахстан – для казахов»).

Вторую группу образуют представители русскоязычной молодежи (казахи и неказахи), сельчане и горожане – сторонники гражданской

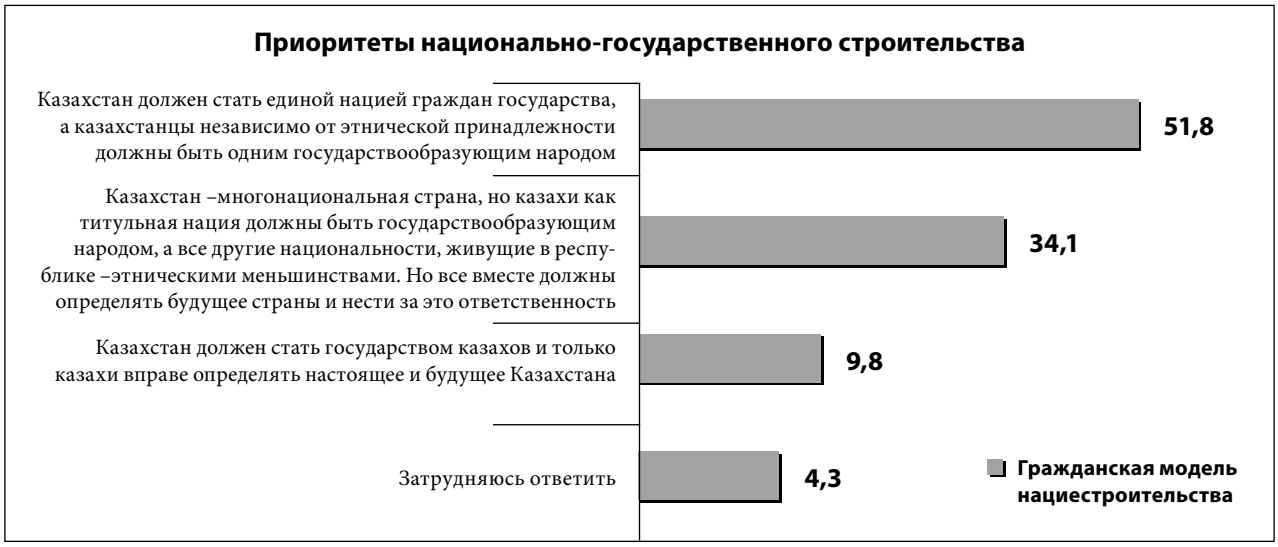


Рис. 1

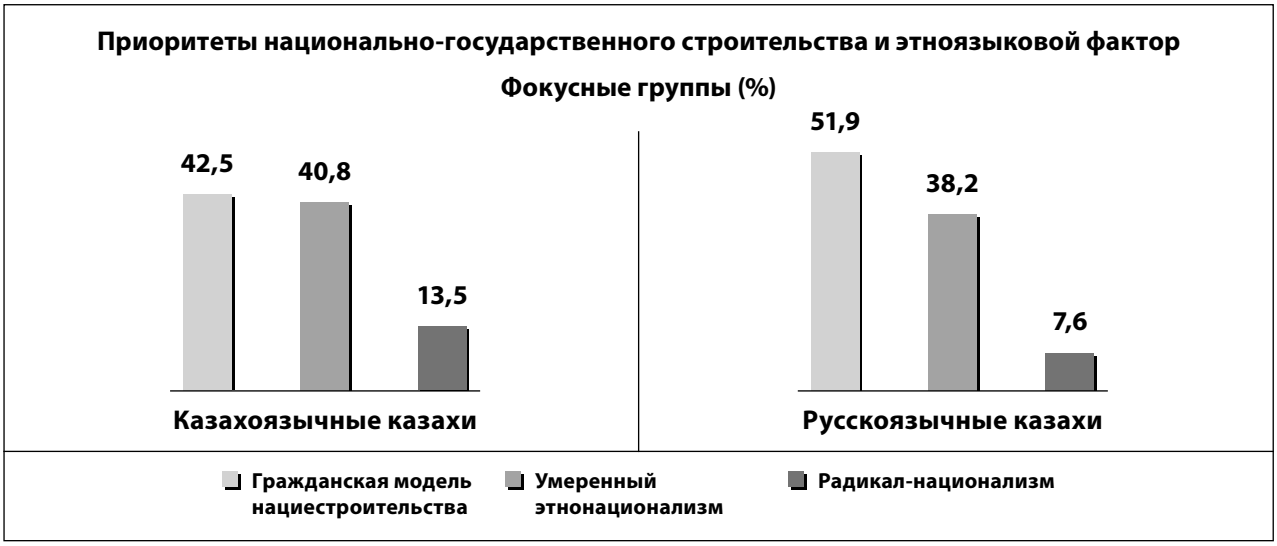


Рис. 2

модели нациестроительства, официального двуязычия, демонстрирующие высокий уровень толерантности и открытости к иноэтническим и инаковерующим группам. Здесь также можно выделить две подгруппы:

- отождествляющие свое гражданство со страной (надэтнический характер гражданской идентификации);
- так называемые «внутренние эмигранты», отождествляющие свою гражданскую принадлежность с обозначенной проживанием территорией («Малой Родиной»). Указанный тренд наиболее выражен на севере. В данном случае не исключено, что какая-то часть респондентов под «Малой Родиной» подразумевает в том числе и этнически обозначенную территорию. Допустимо предположить, что за «местечковым» характером гражданства может стоять утрата чувства Родины по отношению к Казахстану.

Что касается этнорелигиозных идентификаций региональной молодежи, то для них характерно отсутствие жесткой связи между религиозностью и верой. В среднем 71% считают себя верующими. Однако за высокими цифрами религиозности не стоит осознанное обращение молодежи к религии. Молодые люди чаще идентифицируют себя с какой-либо религией и реже объявляют себя верующими. В отдельных случаях отмечают, что у них своя вера и религия для них ничего не значит. Поверхностный, колеблющийся характер религиозности молодежи подтверждает роль религии в качестве «этнического маркера». Системообразующим механизмом регулирования молодежных отношений религия не стала.

Религиозная идентификация предполагает более рационально-методичное поведение, чем то, которое фиксируется у «верующей» молодежи. В ее религиозном поведении преобладает внешняя, обрядово-культовая сторона. При этом исполнение религиозных обрядов не является воплощением стремления реализовать священные тексты. Большинство их просто не знает: не читает религиозные первоисточники (Коран, Библию и др.) и в целом религиозную литературу. Основная масса «верующих» чувствует себя относительно свободной или вообще манкирует всяческие религиозные каноны и предписания. Поэтому религиозная принадлежность молодых людей – не тождественна вере. Она представляет собой весьма специфическое явление, непреодолимо далекое от своего классического стандарта. Произошла банализация религии. По сути, религия в молодежном исполнении освобождается от сакрального содержания и все больше секуляризируется, превращаясь в бытовую ритуальную практику.

Сам приход к вере преобладающей части региональной молодежи мотивирован не внутренними духовными поисками, а семейным воспитанием. Абсолютное большинство «верующих» – выходцы из религиозных семей, где оба родителя либо один из родителей (чаще всего мать) – верующие. Под влиянием семейного воспитания и традиционалистского уклада жизни практически каждый второй «верующий» участвует в жизни своей религиозной общины[157]. Скорее всего, за этим участием стоит конформизм по отношению к своей этнической религии. В деятельность

157 Религиозная община – сообщество людей определенной местности какого-либо вероисповедания, объединенных по принципу этнической общности, по идейным взглядам и т.д. Традиционная форма социальной организации.

религиозных общин наиболее активно вовлечены 20–29 летние приверженцы ислама и представители религиозных меньшинств.

Результаты интервью с неформальными лидерами неожиданно выявили критически высокий уровень религиозности представителей общественного актива региональной молодежи (93,3%), из которых 86,7% исповедуют ислам. При этом почти половина (46,7%) – активные/практикующие верующие (посещают мечеть/церковь, регулярно участвуют в пятничной молитве, раздают садака и т.п.).

Большинство опрошенных лояльно относится к тенденции усиления этнорелигиозных идентификаций в молодежной среде, несмотря на критический настрой в оценке причин и факторов, детерминирующих рост этой тенденции: безработица, особенно в сельской местности, маргинализация сельских трудовых мигрантов в городах, низкий уровень образования, подверженность религиозной пропаганде, избыточность деструктивной информации в интернете, соцсетях, бесконтрольность пользования интернетом подростками и др. При этом практически все региональные лидеры указывают на наличие вызовов и угроз безопасности страны в связи ростом числа радикально настроенных верующих из молодежной среды. К числу наиболее серьезных рисков относят изменение конституционного строя (постепенный отход от светского к клерикальному/религиозному государству); сокращение гражданских установок при одновременном усилении религиозных; распространение повседневных религиозных практик.

«Очаг напряженности» сконцентрирован на западе республики – Атырауская, Актюбинская, Мангистауская, Западно-Казахстанская области (подобного мнения придерживаются все опрошенные эксперты). По оценкам интервьюируемых, государство «упустило» ситуацию и вовремя не предприняло меры для управления рисками, связанными с трансформацией этнорелигиозного сознания населения, особенно молодежи в этих регионах. Приблизительный срок запаздывания реакции властей колеблется в промежутке 10–15 лет. Идеологическая работа большинством экспертов характеризуется как провальная.

Оценка политики государства в религиозной сфере колеблется от поддержки в той или иной степени до полной критики, с указанием необходимости ужесточения текущего курса в целях обеспечения национальной безопасности и недопущения распространения радикальных религиозных течений на территории Казахстана.

Рост этнонационального самосознания казахской молодежи: возможные политические последствия для Казахстана

Анализ результатов исследования свидетельствует, что сегодня в Казахстане есть социальная база для формирования гражданской нации казахстанцев. Поверх разделяющих региональную молодежь этнорелигиозных «перегородок» все же существует общее понимание необходимости сохранения межэтнического/межконфессионального мира и согласия в стране. Об этом говорят доминантные тенденции:

- Патриотический компонент этнической идентификации проверялся с помощью вопроса: «Что для Вас является Родиной?». Судя по полученным данным, этническая самоидентификация большинства казахов, русских, представителей иноэтнических групп имеет позитивную направленность.
- Высокая толерантность молодежной среды по отношению к казахско-русскому двуязычию, в том числе в сегменте казахоязычной молодежи.
- В высокой степени толерантное отношение этноконфессиональных групп к иноэтническим/иноконфессиональным группам и их представителям.
- Этнорелигиозному самосознанию большей части молодежи чужды сколько-нибудь выраженные националистические устремления. Вместе с тем это не исключает национал-патриотические настроения, в первую очередь среди казахоязычной молодежи.

Межэтнические/межрелигиозные отношения в среде региональной молодежи беспроблемными и бесконфликтными не назовешь. Однако тот факт, что этнорелигиозное самосознание ее большинства не обременено ни чувством собственной исключительности, ни враждебностью по отношению к другим, служит залогом укоренения их гражданской идентичности – «быть казахстанцами».

На фоне общего позитива в исследовании тем не менее отмечены признаки усиления этноказахского национализма. Отдельные из них напрямую связаны с проявлениями радикал-национализма («Казахстан – для казахов»). Результаты исследования свидетельствуют о тенденции формирования негативной этноказахской солидарности, основанной на этническом противопоставлении.

Стоит учесть, в случае если политизация этничности достигнет критического предела (этноказахское самоопределение приобретет негативные критерии) раньше, чем сформируется политическая нация, то Казахстан может превратиться в «испытательный полигон» для самых разных тенденций

этноказахского самоутверждения – от проявления этнических фобий и предрассудков по отношению к «чужим» этническим группам до попыток закрепить за казахским народом государственный суверенитет. В последнем случае в качестве возможных политических последствий можно предположить реализацию одной из двух моделей построения нации на этнооснове:

- Эволюционная модель, предполагающая сохранение существующей динамики этнодемографических процессов.
- Революционная модель, предполагающая резкие, радикальные трансформации существующей динамики этнодемографических процессов.

Однако обе модели содержат в себе ряд ограничивающих факторов:

- Жесткие пределы экономического роста страны в долгосрочной перспективе (узкий рынок труда, ограниченная конкурентоспособность на мировых рынках).
- Сложность обеспечения суверенитета над обширными территориями.
- Депопуляция населения после завершения процесса урбанизации.
- Перманентный конфликт с остающимися в стране этническими меньшинствами (соответственно со странами-соседями).
- Невозможность с помощью социальных технологий подключить меньшинства к решению общегосударственных проблем.

В условиях глобализации ни одна традиционалистская этническая идея не может быть конкурентоспособной, поскольку работает не на полноценную интеграцию в мировое сообщество и создание притягательного образа страны. А создает угрозу замыкания и самоизоляции, что пагубно в условиях роста взаимозависимости современного мира.

В настоящее время казахский этнос даже внутри самого себя не является некоей единой общностью и разделяется как по внеэтническим линиям (например экономической, определяющей разрыв бедных и богатых), так и по внутриэтническим, затрагивающим признаки, являющиеся сущностными для определения каждого этноса (например культурно-символические).

У Казахстана как у моноэтнического государства нет будущего. В условиях глобализирующегося мира это «бесперспективный исторический антиквариат», блокирующий путь в цивилизацию.

Возможные направления эволюции этнонационального сознания казахской молодежи с позиций сегодняшнего дня кажутся неопределенными. Повышение способности государства желательным для него образом воздействовать на ситуацию в стране требует оперативного подключения (в системном режиме) регулятивных механизмов, позволяющих обеспечить совместимость эволюции этнонационального сознания молодежи с модальным направлением нациестроительства для предотвращения нежелательных девиаций (отклонений).

Казахстан переживает период незавершенных исторических перемен. В этот период почти невозможно избежать кризиса идентичности, связанного с трудностями гражданского самоопределения. Образ кризиса реален и опасен, особенно в головах молодых людей. Саморазрушение страны начинается с запроса на различие, формируемое радикалами разного этнического плана. Сегодня – это проведение границ вовнутрь молодежного сообщества. А что будет завтра в условиях разделенного пространства? Национальную (гражданскую) идентичность молодых казахстанцев необходимо последовательно утверждать не только высказываниями и призывами главы государства, но прежде всего средствами государственной молодежной политики.

У национализма есть два лица, одно – государственное, другое – этническое. Государственный национализм направлен в сторону интеграции, обеспечения гражданского единства. Этнонационализм – в сторону дезинтеграции, т.к. в его основе лежит противопоставление по принципу «мы» - «они», «свои» - «чужие». Этнонационализм нельзя отождествлять с шовинизмом и ксенофобией. Но между ними – очень тонкая грань. Трудно различить, имеет ли место естественное проявление национальных чувств или националистическая истерия.

Понимание нелиберальных настроений кыргызской молодежи

Гулжигит Ерматов
Независимый исследователь

Основы

Противодействие либеральным ценностям стало наиболее яркой чертой современных политических процессов в Кыргызстане. Местные политические активисты успешно продвигали принятие законов, направленных против НПО-«иностранных агентов» и сообщества ЛГБТ. Комментарии на тему внутренних и международных дел часто строятся на антилиберальной теории заговора, обвинениях гражданского общества и агентств международной поддержки в подрыве национальной безопасности и местных норм морали. Такое противодействие оказывается со стороны молодежи - той части общества, от которой обычно не ожидается подобных проявлений.

Появление молодежи в политике и ее активное участие часто начинается с позиций этнической «чистоты», мизогинии, совмещенной с исламом салафитского толка. При этом на протяжении почти двух десятилетий в стране активно развивались различные национальные и международные программы, нацеленные на формировании молодежи как агентов трансформаций в сторону демократии и мира. Эта работа анализирует, почему и как молодежь протестует против либерализма в среде, открытой к широкой и либеральной перспективе.

Применение гражданского привлечения и участия на кыргызской земле

Учение о либеральной демократии с акцентом на молодежи является одной из основных стратегий, применяемых международным сообществом в деле оказания поддержки развития развивающимся странам. Основной аргумент таких учений состоит в том, что в результате гражданской активности политические и ценностные ориентации молодежи с высокой долей вероятности могут быть либеральными. Считается, что молодежь более гибка и восприимчива, а также более предприимчива и обладает широким видением в сравнении со своими старшими соотечественниками.

Также существует менее явная причина особого отношения к молодежи. Кыргызстан как бедная страна, не имеющая выхода к морю и не обладающая природными ресурсами, может рассчитывать только на свое молодое население, высокообразованное и обладающее потенциалом. Известно, что молодежь проявила себя в участившихся случаях политического насилия, особенно во время двух кыргызских революций в 2005 и 2010 годах и крупных межэтнических конфликтов на юге страны в июне 2010 года. По грубым подсчетам, за последние семь лет международная финансовая помощь, направленная на «расширение возможностей молодежи», превышает 20 млн долларов США. Ниже представленные программы гражданского образования и расширения возможностей молодежи, реализованные с помощью международных агентств по развитию, не являются исчерпывающим списком всевозможных проектов. Однако эти программы представляют общую картину положения дел в рассматриваемой области.

Правовое обучение в школах

Первый курс под названием «Личность и Общество» появился в программе средних школ примерно в период обретения независимости в 1991 году. Среди наиболее часто упоминаемых организаций, задействованных во внедрении и развитии знаний о гражданских правах, отмечаются Фонд Открытого Общества Джорджа Сороса, Международный Комитет Красного Креста (ICRC), Международный Фонд избирательных систем (IFES). К началу 2000-х годов почти всем школам в Кыргызстане были предоставлены учебные материалы, хотя не все учителя прошли соответствующее обучение.

Программа обучения основам гражданских прав, включая формальную часть и неформальные внеклассные упражнения, была насыщенной – и по содержанию, и по методам обучения. Ученикам преподавали знания о правах человека, законах, законных и институциональных основах государства, экономических правах, партиях и выборах, средствах массовой информации и общественном мнении. Разработчики этих программ включили в них ценности терпимости и многообразия, а также некоторые знания о коррупции и методы контроля над коррупцией в попытках создать курс, наиболее подходящий к местному контексту.

Методы обучения также включали в себя как преподавание отдельного предмета, так и применение таких компонентов, как дебатные клубы, школьное самоуправление или совместное управ-

ление и социальное партнерство в широких сообществах. Программы делали упор на обучении «навыкам» или тому, как действовать и справляться в различных социальных ситуациях и условиях. Таким образом, акцент был направлен на практические навыки, нежели на знание теории. Целью было научить учеников оценивать ситуацию и применять знания гражданского права, полученные во время занятий.

Детские лагеря, обычно функционирующие в период продолжительных летних и зимних каникул, также являются важным компонентом в предоставлении знаний о гражданских правах. Они часто используются как продолжение формальной и неформальной школьной программы. Дети обычно едут из дома в детские лагеря на побережье озера Иссык-Куль или в Бишкек, реже – в другие крупные города.

Ко второй половине 2000-х годов уровень международной донорской помощи в области предоставления знаний о гражданских правах пошел на спад. Теперь ответственность за поддержание уровня знаний возлагалась на местный сектор образования. Отмечалось, что к 2005 году поставка учебных материалов для студентов и учителей в области гражданских прав прекратилась. Маловероятно при этом, что местные органы образования обладали способностью продвигать дальнейшее распространение знаний без помощи доноров. Большинство занятий на тему гражданских прав проводились в консервативном формате, где знания передавались напрямую от учителя ученику с применением автоматического запоминания. Интерактивные и инновационные методы обучения не использовались. Все это привело к снижению интереса к предмету.

Образование в области гражданских прав и расширение возможностей в деле миротворчества

Политические кризисы, возникшие в результате насильственного свержения режима Бакиева, и наступивший вскоре этнический конфликт на юге страны в 2010 году, названный в то время ООН комплексным кризисом, придали стимул деятельности активистов в области образования гражданских прав и международных агентств развития. Расширение возможностей молодежи в роли «агентов мирных/демократических изменений» рассматривалось как способ снижения накала межэтнического противостояния и возможность предотвращения погружения страны в условия авторитаризма.

Этот подход представляет другой ракурс концепции «позитивного развития молодежи», широко популяризированной с начала 2000-х годов. Этот подход рассматривает молодежь как актив и ресурс, имеющий свое мнение, особенно относительно касающихся ее вопросов, и чей вклад имеет значение для развития сообществ. Этот подход противоположен консервативному, патологизированному отношению к молодежи как к источнику проблем и социальной группе, находящейся в зоне риска, которой необходимо управлять через постоянное задействование в различных мероприятиях.

Программа по расширению прав Международного Фонда Молодежи Jasa.kg, финансируемая USAID, «Будущее для молодежи» – проект GIZ, Молодежные центры - проект UNICEF и программа UNDP для местной молодежи являются примером проектов расширения возможностей молодежи, осуществленные различными международными донорами развития в годы после политических кризисов и межэтнического противостояния 2010 года.

Программы по расширению возможностей молодежи, разработанные в ответ на комплексный кризис 2010 года и его последствия, в основном исключали среднее образование и, за редким исключением, образование в области гражданских прав. Некоторые разрозненные инициативы, направленные на возрождение школьного самоуправления, занятий по гражданским правам и школьных упражнений, продолжались и касались вопросов подростковых правонарушений и проявления насилия среди детей. Пилотная реализация этих проектов осуществлялась в статистически незначительном количестве сообществ и школ страны. Большинство мероприятий были нацелены на большее количество молодых людей, которые должны были получить преимущества от программы расширения возможностей. Молодежь в лучшем случае стала более осведомленной в вопросах демократии, прав человека и ценностях этнического многообразия. В немногих случаях программы отмечали изменения в подходах и ценностях среди молодежи, а также увеличение их эффективности и участия в общественных делах. Тем не менее расширение возможностей вряд ли было внедрено в основной поток услуг, оказываемых государством на местном и национальном уровнях.

На самом деле гражданское образование является хорошим примером программ расширения возможностей молодежи, основанных на главенстве ценностей либеральной демократии, которые полностью продвигаются донорами. При этом со стороны местных игроков не наблюдается желания самостоятельно продолжать подобные инициативы. Энтузиазм доноров в отношении предоставления образования в области гражданских

прав снизился после того, как они стали наблюдать ограниченные результаты в долгосрочной перспективе, особенно в изменении взглядов и ценностей[158]. Программы по развитию образования в области гражданских прав в небольшом количестве школ приобрели характер «пилотных» проектов. Тем не менее это не говорит о том, что программы образования в области гражданских прав прекратили свое действие. Они продолжались в разных формах во многих школах по инерции, во многом благодаря энтузиазму и единичной поддержке международных доноров по развитию.

Институционализированная нелиберальность

Возросшая политическая осведомленность и участие стали характеризоваться высоким уровнем участия молодежи в политике посредством быстро растущих добровольных учреждений[159] и квазиполитических групп и личностей. Обычно движимые молодежью, политические движения набирали силу во время переворотов, приведших к смене режимов в 2005 и 2010 годах. Государство даже было вынуждено создать министерство по делам молодежи на национальном уровне, а также различные квазипредставительские органы, часто называемыми советами или комитетами молодежи на местном уровне. Целью таких институтов было сдерживание энергии политически активных молодых людей.

Министерство молодежи Кыргызстана в его первые годы представляет яркий пример институционализированного крайне правого популизма, смешанного с исламизмом. Оно продвигало среди молодых людей ценности религиозности/духовности, этноцентричного патриотизма, мужественность, антиэлитизм и в то же время противостояло проявлениям либерального модернизма, ценностям многообразия и прав человека. Так, например, министерство последовательно продвигало кыргызскую национальность в качестве фундамента нации, ответственной за представителей других национальностей, проживающих в стране. Эту сомнительную установку пытались внедрить в основу молодежной политики. Из программы формального и неформального обучения упорно исключались вопросы сексуальности и репродуктивного здоровья, так как они считались противоречащими так называемым «традиционным ценностям» кыргызской нации. На их взгляд, сексуальность и репродуктивное здоровье должны рассматриваться религиозными и традиционными нормами, что бы они ни означали.

Нелиберальное молодежное «гражданское общество»

Добровольная группа под названием «Кыргыз чоролору» или зачастую называемая «Кырк чоро» (Сорок Рыцарей) является ярким примером негосударственного молодежного участия, происходящего под консервативными традиционными, антилиберальными слоганами. «Кырк Чоро» – местное историческое наречие, относящееся к эпосу «Манас», основное наследие кыргызского народа, определяющее его идентичность и насчитывающее тысячелетний возраст. «Сорок рыцарей» сопровождали Манаса в его делах.

«Рыцари» отличались самыми громкими, провокационными действиями, часто выходящими за рамки Уголовного кодекса, с проявлением насилия против иностранного бизнеса, секс-работниц и сообщества ЛГБТ. Первым политическим шагом, принесшим «рыцарям» известность в общественной сфере, стало их требование освободить торговые помещения на местном рынке «Мадина» от уйгуров, чтобы их могли занять представители кыргызской национальности[160]. Они также выступили в роли наблюдателей за процессом, названным ими нелегальной миграцией китайских граждан. Они продвигали стереотипные страхи о распространяющемся китайском экономическом влиянии, которое постепенно превращается в культурный и политический захват, по мере того как проникает в социальную ткань и политическую элиту[161].

«Рыцари» получили дурную славу среди организаций гражданского общества и сообщества защитников прав человека за их рейды про-

158 Официальные исследования оценки изменений в подходах или ценностях в результате образования в области гражданских прав не проводились. Однако интервью с представителями донорских организаций и Министерства образования и науки указывают на повышенную осведомленность о правовых и институциональных аспектах демократии.

159 Использование термина «гражданский » в отношении молодежных институтов, выступающих против либеральной демократии, вызывает и смысловую, и философскую трудности, которые не могут быть рассмотрены в данной работе. Поэтому в целях упрощения изложения здесь я использую термин «добровольный».

160 Anna Leilik, «Kyrgyzstan: Nationalist Vice Squad Stirs Controversy,» Eurasianet.org, 10 February 2015, *http://www.eurasianet.org/node/71996*

161 Среди многих других материалов см. «Прецедент»: во что может перерасти Кырк чоро», 3 февраля 2015, Knews.kg, *http://knews.kg/2015/02/03/pretsedent-vo-chto -mojet-pererasti-kyirk-choro/*

тив секс-работников или тех, кого они таковыми считали. Они врываются в места досуга, где могут находиться иностранцы, и определяют женщин, которые, по их мнению, занимаются оказанием секс-услуг. Обычно «рыцари» врываются в толпу большой группой, толкают женщин, ставят их в ряд и снимают на камеру. Затем они выкладывают запись в интернет, пытаясь вызвать публичное осуждение. Они очерняют этих женщин и осуждают их за «непристойное поведение и попрание кыргызских ценностей»[162].

ЛГБТ-сообщество также все чаще становится мишенью для неистовых нападок «рыцарей» и их соратников, разделяющих общие взгляды. Их позиция против гомосексуализма открыто возникла после того, как они жестко сорвали попытку ЛГБТ-сообщества отметить 17 мая 2015 года как День против гомофобии и трансфобии в приватном порядке в Бишкеке. Любые попытки вынести обсуждение прав ЛГБТ в средства массовой информации или другие социальные платформы сталкиваются с крайне агрессивным противостоянием со стороны этих группировок. Такие негативные действия обычно сопровождаются грубыми угрозами в отношении ЛГБТ и призывом принять жестокие меры против них и активистов, поддерживающих их права[163].

Нельзя достоверно утверждать о политических связях и приверженности «рыцарей» и им подобных. Очевидно, они не раскрывают источников финансирования своих кампаний. Также нет достаточно информации о социальном составе таких групп. Судя по их действиям и посылам, а также по сопровождающим их символам, «рыцари» и подобные группы могут быть определены как этнонационалисты. Они в гротескной манере сопровождают свои кампании такими символами кыргызской культуры, как войлочный *калпак* (традиционный кыргызский головной убор), а в своих сообщениях прибегают к кыргызской истории, ценностям и «ментальности».

В связи с «рыцарями» стоит упомянуть группу молодых людей, самопровозглашенных в интернете как «Патриоты» (парадоксально, что используется русский или западный термин патриот, а не кыргызский эквивалент *мекенчил*). Они получили известность в стране и за ее пределами, публикуя видеоматериалы, содержащие сцены грубого насилия над молодыми женщинами кыргызской национальности. Акции насилия над женщинами - трудовыми мигрантами, обвиненными в свиданиях с мужчинами «неправильной» национальности, то есть с некыргызами, обычно проводились за границей, в основном в России[164].

Подобные «патриотичные» акции насилия происходили в Кыргызстане. По-видимому, их участники были воодушевлены кыргызскими мигрантами-«патриотами» в России и общим дискурсом «истинных кыргызских ценностей», согласно которым женщины не обладают правами и имеют статус подчиненной мужской собственности. Этот дискурс является основным связывающим звеном между «рыцарями» и «патриотами». Обе группировки поддерживают жестокость в отношении женщин, которые отваживаются встречаться с мужчинами других национальностей.

Некоторые предварительные выводы

Молодежное нелиберальное участие и активность в большей степени имеют местные корни. Но внешние факторы способствовали постановке нелиберального противоборства в надлежащие смысловые рамки, выраженно привнося в риторику категории «традиционные ценности» или «национальная независимость».

Нелиберальные настроения молодежного участия тесно связаны с подъемом примордиальной традиционной идентификации в связке с религиозным консерватизмом. Согласно некоторым последним опросам, один из которых был проведен USAID, другой - Safer World, когда молодым задают вопрос о ценностях, они часто упоминают ислам, семью, здоровье и патриотизм. Тревожит то, как эти ценности проявляются на практике молодыми людьми посредством нарушений прав женщин и других социально уязвимых слоев населения. Кража невесты до сих пор рассматривается некоторыми как «красивая древняя кыргызская традиция»[165]. Для кыргызского мужчины стало нормой быть хорошим мусульманином и подчинять свою жену или невесту оказывать услуги по хозяйству семье своих родителей, особенно

162 Leilik, «Kyrgyzstan: Nationalist Vice Squad Stirs Controversy».

163 Andrew North, «Kyrgyzstan's Beacon of Tolerance Under Threat From Manufactured Kremlin Homophobia,» Eurasianet.org, 4 May 2016, *http://www.eurasianet.org/node/78631*

164 «Кыргызские «патриоты» заставляют женщин любить «своих» угрозами и побоями», Azattyk, 16 February 2016, *http://rus.azattyk.org/media/video/27556905.html*

165 Согласно часто цитируемым источникам активистов в области прав человека, около 12 000 юных девушек были похищены в целях насильственного брака. См. *http://www.rferl.org/content/bride-kidnapping-in-kyrgyzstan/25403604.html.*

пожилым родственникам. Уровень терпимости среди женщин в отношении мужей, которые бьют своих жен за несоблюдение определенных гендерных норм, составляет 33%[166]. Некоторые молодые активисты строят свои политические платформы вокруг отрицания сексуального образования для детей, особенно для девочек, на основании несовместимости с традиционными ценностями и религиозными нормами.

Опросы также показывают отрицательное отношение молодых людей к представителям других социальных категорий[167]. Идея о том, что кыргызы являются титульной нацией, получила большой вес, в отличие от противоположной концепции «Кыргызстан – наш общий дом», популяризированной в 1990-х годах при режиме Акаева. Местные языки, за исключением кыргызского, становятся менее и менее используемыми в общественных местах. Эти тенденции создают огромный разрыв с либеральными идеями предоставления равных прав всем и каждому независимо от его/ее этнической или религиозной принадлежности.

Нелиберальность, оправдываемая традиционными и религиозными ценностями, зачастую основана на рациональных расчетах и анализе. Молодые люди, особенно молодые мужчины титульной национальности, видят, что продвижение прав женщин и меньшинств либеральной демократией подрывает основы их влияния. С другой стороны, в стремлении к действенному участию и получению доступа к ресурсам молодые люди в политике копируют модель поведения старшего поколения. Молодые люди поняли, что их сторонники лучше воспринимают традиционные посылы, так как они отвечают их коренным культурным интересам, чем либеральные ценности прав человека и этнического многообразия. На практике либерализм был дискредитирован, его ассоциируют с распространенной бедностью, коррупцией и повсеместной жестокой несправедливостью. Либерализм также обвинили в так называемом «моральном разложении и дегенерации» в обществе. Более глубокую и сложную проблему либерализму представляет неискренность со стороны тех, кто его предоставляет, и со стороны тех, кто получает эти либеральные посылы. Либеральное влияние было сфокусировано на элите и поощрялось стимулами, тогда как развитие сильных, истинных политических платформ коренной природы, которые бы по-настоящему отвечали интересам прав и свобод личности, было ограничено[168].

Либерализм стал учением в основном изолированного круга высшей социальной категории, часто называемого *интеллигенцией,* представленной городскими жителями, говорящими по-русски, с унаследованными связями с коммунистической *номенклатурой* и связанными с ней социальными благами. Эта группа имеет слабые связи с сельскими жителями, которые составляют примерно три четверти состава населения страны. Таким образом, либерализм, по сути, усугубил разрыв между уменьшающейся в размере советской *интеллигенцией,* элитой и постсоветскими, зачастую глубоко традиционалистскими, сельскими сообществами.

Рекомендации

Программы развития молодежи не должны ожидать, что расширение возможностей молодежи, особенно посредством так называемого гражданского участия, сделают ее более склонной к принятию ценностей либеральной демократии. Поэтому гражданскому обществу и организациям по развитию следует более внимательно распространять «институционализированное участие и расширение возможностей», то есть поддерживать национальные органы по работе с молодежью, так как явно наблюдаются жалобы на их слабые возможности и склонность к поддержке привилегированного большинства.

И гражданское общество, и организации по развитию должны быть готовы к откровенному и открытому диалогу с основными «спойлерами», то есть с лидерами молодого поколения из нелиберального лагеря, резкими на язык и обладающими влиянием и полномочиями принятия решений. Содержание и цель таких дебатов могут быть наце-

166 United Nations, *United Nations Children's Funds and United Nations Population Fund's Multiple Indicator Cluster Survey,* 2014, 177.

167 См. Safer World, «Nobody has ever asked about young people's opinions.» Young people's perspectives on identity, exclusion and the prospects for a peaceful future in Central Asia, 2012, *http://www.saferworld.org.uk/resources/view-resource/640-nobody-hasaever-asked-about-young-peoples-opinions,* p. 4 and 12; USAID, Youth of the Kyrgyz Republic: Values, Social Mood and Conflict Behavior, 2014, *https://www.usaid.gov/documents/1861/youth-kyrgyz-republic-values-social-moods-and-conflict-behavior-report-research,* 17; UNDP National Human Development Report, Kyrgyzstan: Successful Youth – Successful Country, 2009, *http://hdr.undp.org/sites/default/files/kyrgyzstan-nhdr-2010-en.pdf,* 2; Sinus Institute, Youth Kyrgyzstan: Bridging Tradition and Modernity, 2015, *http://www.sinus-institut.de/en/publications/whats-new/detail-en/news/youth-in-kyrgyzstan-bridging-tradition-and-modernity-2015/news-a/show/news-c/NewsItem/news-from/13/,* 17-18.

168 James Dawson, and Sean Hanley, «What's wrong with East-Central Europe? The fading mirage of the «liberal consensus», Journal of Democracy 27 (2016): 21.

лены на деконструкцию взглядов, основанных на теориях заговора, обвинениях в двойных стандартах, опасениях пятой колонны и т. д.

Либеральные посылы также должны быть адаптированы к местному языку, культурным ценностям, а также историческому наследию - настоящему или выдуманному. Это поможет обеспечить устойчивую поддержку, которая в среднесрочной перспективе может снизить неприятие либеральных ценностей. Основной посыл также должен соответствовать контексту путем использования средств массовой информации и каналов распространения информации, пользующихся популярностью среди широких масс. Активистам в области распространения либерализма и предоставления гуманитарной поддержки и развития следует уделять меньше внимания видимости деятельности и больше фокусироваться на результатах, связанных со знаниями и ценностями.

Также важно обратиться к структурным причинам растущих нелиберальных настроений. Для начала необходимо определить стратегически проблемные сферы. Сектор образования является той областью, где требуется проявить усердие и терпение для проведения реформ. Необходимо больше инвестиций для развития «мягких»/жизненных навыков, таких как критическое мышление, коммуникабельность, лидерство, совместные действия и т.д. с целью развития способности принимать информированные и ответственные решения об участии, даже если это не приведет к моментальным либеральным результатам.

Долгая трансформация: страны Центральной Азии на пороге перемен

Константин Бондаренко

Независимый экономист

Несмотря на то, что с обретения независимости и перехода к рыночным отношениям центральноазиатских республик прошло уже 25 лет, в среднесрочной перспективе им еще предстоит серьезная трансформация своих экономических моделей и пересмотр позиций к взаимной интеграции.

Причем чем быстрее начнется такая трансформация, тем менее она будет болезненной и тем более ощутимый дополнительный импульс получат интеграционные процессы в регионе. В свою очередь, без смены экономической модели зависимые от внешних факторов экономики Центральной Азии ждет перспектива либо долгой стагнации, либо даже экономического коллапса, а большинство интеграционных инициатив, как и все последние годы, будут оставаться на уровне политических деклараций.

На паузе…

Распад Советского Союза застал центральноазиатские республики с разным экономическим потенциалом, возможно также с разным характером и степенью накала политических страстей, но фактически не оставил возможности сохранить советскую модель плановой экономики. Свобода торговли, приватизация и либерализация цен были не только и не столько стремлением местных элит распределить основные активы в свою пользу (как это, возможно, представляется сегодня), сколько вопросом выживания.

В 90-е годы новоиспеченные государства с разной степенью энтузиазма внедряли рыночные механизмы. Если Узбекистан изначально взял курс на относительную закрытость и сохранял значительный государственный контроль над экономикой, то Казахстан пошел по пути большей либерализации и даже провел первую пенсионную реформу в регионе.

Тем не менее к середине 2000-х во всех постсоветских республиках Центральной Азии рыночная трансформация угасла, так и не завершившись до конца. Несменяемые элиты стран (что не характерно только для Кыргызстана) почувствовали себя очень комфортно в рамках моделей экспорта природных (и/или трудовых) ресурсов, не утруждая себя построением эффективных институтов.

Даже кризис 2008 года, приведший к резкому падению экономических показателей, не стал тем тревожным сигналом, который бы заставил элиты задуматься над эффективностью сложившихся рентоориентированных экономик и соответствующими рисками. Поставив «на паузу» процессы реформ и даже проведя ряд контрреформ (национализация частных пенсионных фондов в Казахстане, увеличение налогового бремени в Таджикистане и др.), руководства стран региона предпочли краткосрочные выгоды рискованным преобразованиям.

Начиная с 2014 года, новым вызовом становится падение мировых цен на отдельные сырьевые

товары и кризис российской экономики, совокупно приведшие к заметному ухудшению экономической ситуации в центральноазиатском регионе. При этом, несмотря на попытки официальных лиц представить ситуацию более глобально, никакого «мирового кризиса» нет. Признаки кризиса есть в странах, паразитировавших на использовании собственных ресурсов и не создавших основы для устойчивого развития. Какой ответ в данной ситуации предлагают руководства стран Центральной Азии? Хотя в целом их стратегии далеко не идентичны, они, как и раньше, не предусматривают радикальных изменений. Это скорее разновидности «старой, доброй» стратегии взять паузу в надежде, что ситуация сама скоро стабилизируется.

Скажи мне, кто твой друг…

Не последним фактором в консервации существующего «статус-кво» является роль России в Центральной Азии. Хотя изначально только Казахстан был членом Таможенного союза, позднее преобразовавшегося в Евразийский экономический союз (ЕАЭС), остальные страны региона (кроме, возможно, Туркменистана) также сильно завязаны на российскую экономику, если не товарообменом, то фактором трудовой миграции. Вступление Кыргызстана в ЕАЭС, а также возможные перспективы вступления в данный союз Таджикистана пока сохраняют тренд прошлых лет, когда именно Россия играла роль «старшего брата» и даже модератора различных форматов взаимодействия стран региона. И если смотреть на проект ЕАЭС в некоем «идеальном» варианте, это пока единственная реально действующая интеграционная площадка для центральноазиатских государств. Другой вопрос – насколько она в целом перспективная?

Россия в последние годы стала гораздо менее привлекательна в качестве экономического партнера и довольно неоднозначна в качестве партнера политического. Экономический кризис, продолжающийся в России, имеет глубокие системные корни. Усиленный возрастающей изоляцией от мировой экономики, конфронтацией со странами соседями и мировым сообществом, он не обещает быть краткосрочным явлением. Что при этом предлагает проект ЕАЭС странам региона? Кроме некоторых краткосрочных выгод, таких как, к примеру, свободное перемещение рабочей силы и льготный режим для мигрантов, в нем нет ничего нового и тем более прогрессивного. По сути, выстраиваемая в ЕАЭС модель скорее напоминает «модернизированную плановую экономику» или «совок 2.0», союз, где принцип «против кого» объединяться важнее, чем «с кем». Таким образом, «старший брат» предлагает поступиться частью своего суверенитета, не предлагая взамен долгосрочную и значимую для социального и экономического развития стран региона ценность, в виде тех же эффективных институтов.

Такое «территориальное» расширение без изменения самой экономической модели создает скорее негативную перспективу для центральноазиатских государств, дополнительно препятствуя их модернизации и обрекая в будущем на хроническое отставание. Но, несмотря на сохраняющееся значительное влияние России, уже сегодня нельзя однозначно сказать, кто именно тот самый «Большой брат» для государств региона.

Так, главным торговым партнером Кыргызстана и Таджикистана является Китайская Народная Республика. Порядка двух третей от всего таджикского и кыргызского импорта составляют поставки именно из Китая (по данным Международного торгового центра за 2015 год - для Таджикистана доля китайского импорта 58,7% и 62,7% для Кыргызстана). Для Казахстана и Узбекистана китайский импорт составляет пока около четверти от общих объемов (26,2% и 22,5% соответственно). При этом в отношении экспорта из стран региона в Китай также есть положительная динамика. Тут чемпионом является Узбекистан с долей экспорта в КНР в размере 22,4% всего экспорта[169].

Еще более внушительно выглядят объемы и темпы роста китайских инвестиций в некоторые страны региона. Китайские средства абсолютно доминируют в структуре внешних заимствований для Таджикистана (порядка 48% от внешнего долга на апрель 2016 года) и Кыргызстана (более 37% от внешнего долга). Для Казахстана Китай лишь третий в списке основных стран-инвесторов (порядка 9% внешнего долга на конец 2015 года), но в абсолютных цифрах это в любом случае миллиарды долларов[170].

169 Сайт Международного торгового центра ITC Trade Map: *http://www.trademap.org/*

170 Официальный сайт Министерства Финансов Республики Таджикистан, раздел «государственный долг», *http://minfin.tj/index.php?do=static&page=gosdolg#vdolg,* официальный сайт Министерства Финансов Кыргызской Республики, раздел «внешний долг», *http://www.minfin.kg/ru/novosti/mamlekettik-karyz/tyshky-karyz/struktura-gosudarstvennogo-vneshnego-dolga-kr-po-s3440.html,* «Кому должен Казахстан? Рейтинг стран по внешнему долгу», Курсив.kz, 24 ноября 2015 г., *http://www.kursiv.kz/news/top_ratings/komu-dolzen-kazahstan-rejting-stran-po-vnesnemu-dolgu/*

Китайская экономическая экспансия может оказать влияние и на перспективы региональной интеграции. Хотя как таковая идея центральноазиатской интеграции и не является целью китайских интересов в регионе, ее возможные последствия вполне с ними согласуются. Так, реализация проекта Экономического пояса Шелкового пути предусматривает ликвидацию торговых и инвестиционных барьеров между всеми участниками проекта, а также создание крупных логистических и торговых узлов, что и есть на практическом уровне развитие интеграции региона.

И хотя обсуждается вопрос «сопряжения» формата ЕАЭС с китайским проектом, ситуация, когда «и волки сыты, и овцы целы», вряд ли реально возможна. В регионе идет соперничество российских и китайских интересов, и центральноазиатским странам придется-таки делать выбор – кто будет их «лучший друг», а кто просто «приятель».

Интеграция и трансформация «снизу-вверх»

Конечно, не только позиция внешних сил влияет на перспективы региональной экономической интеграции. Сам характер режимов в странах региона не только формирует неэффективные экономические модели, но и является одним из факторов, препятствующим интеграционным процессам. Несмотря на крайнюю взаимную выгодность интеграции, она пробуксовывает, пока центральноазиатские элиты не могут наладить отношения и продолжают верить в свои концепции «многовекторности», «особого пути» и т.п. идейные конструкции, в конечном итоге выражающиеся в создании разнообразных взаимных барьеров.

Но как часто бывает, когда «верхи не могут, но низы хотят», процесс интеграции в регионе идет даже в отсутствии воли элит. Драйвером процесса при этом выступают не политическое руководство стран, а предприниматели, находящие способы обхода барьеров. Для бизнесменов интеграция носит настолько естественный характер, что, как только политическая конъюнктура позволит ослабить барьеры, объемы взаимной торговли стран региона вырастут в разы за довольно короткое время.

Собственно, именно предприниматели, а вернее их часть, не имеющая отношения к «потокам», могла бы стать той жизнеспособной силой, которая не только предъявляет спрос на изменения, но и может их непосредственно реализовывать. Ведь, несмотря на свою относительную малочисленность и неактивность в политических процессах, средний класс является наиболее компетентной прослойкой общества в странах региона. В свою очередь, формировавшиеся годами бюрократические элиты на глубокую трансформацию, скорее всего, не способны.

Более того, модернизация и интеграция «сверху» подразумевают построение неких крупных управляемых конструкций, основанных на активном участии государства в экономике, а в плане интеграционных процессов – вновь-таки реализации масштабных проектов на межгосударственном уровне.

Конечно, решение многих вопросов на уровне правительств просто необходимо – это, в первую очередь, решение вопросов свободного перемещения граждан, транзита грузов, технические стандарты и реализация отдельных трансграничных инфраструктурных проектов. Вместе с тем дискуссия на тему того, какие отрасли должны стать локомотивами роста национальных экономик стран Центральной Азии, в каких секторах необходимо развивать взаимодействие и т.п., не имеет смысла.

Сторонники индустриальных концепций имеют свое мнение, другие интеллектуалы тяготеют к идеям развития «экономики знаний» и, соответственно, видят будущее в современных услугах, основанных на телекоммуникационных технологиях, кто-то делает ставку на транзитный потенциал региона. Но в конечном итоге не так важно, какие именно отрасли будут хэдлайнерами и как решать вопрос «взаимодополняемости» экономик центральноазиатских стран.

Инвестиции невозможно привлечь одной демонстрацией амбициозных стратегий, для них гораздо важнее – фактор степени благоприятности бизнес-климата. Если государства региона пойдут по пути реформ и рыночной трансформации, а институциональная среда в них будет развиваться, сектора экономики с конкурентными преимуществами определятся сами собой. Причем о перспективности той или иной отрасли предприниматели знают больше, чем чиновники. Задача чиновников – создать условия, которые бы не мешали такому развитию ситуации.

Остается вопрос – когда и почему масштабные изменения должны произойти? Скорее всего, серьезных перемен не стоит ожидать в ближайшие годы. Возможные преобразования будут носить либо декоративный (как это, скорее всего, будет в Узбекистане), либо вообще имитационный характер (Таджикистан).

Но вполне возможно, что необходимые условия сложатся уже в среднесрочной перспективе – через пять-семь лет. С высокой вероятностью экономическое ослабление России продолжится,

лишая страны региона значительных ресурсов для поддержания их неэффективных экономик. В этом случае такое объединение, как ЕАЭС, либо не сможет препятствовать самоопределению центральноазиатских государств, либо вовсе прекратит свое существование. Поток китайских инвестиций также не гарантирован на десятилетия вперед. Тогда может в определенной мере повториться ситуация, которая имела место во время распада Советского Союза, – перемены станут предметом не столько выбора, сколько жесткой необходимости и даже вопросом сохранения государственности.

Важно, чтобы к этому моменту и без того небольшая прослойка прогрессивного среднего класса не была в значительной мере ликвидирована, т.к. без ее участия трансформационные процессы не будут иметь успеха. А для элит наступает ключевой момент, когда изменяющиеся условия внешней среды следует рассматривать не как угрозу своему благополучию, пытаясь либо избегать перемен, либо, что еще хуже, «закручивать гайки». Ведь ситуация в перспективе может открыть «окно возможностей», пройдя через которое центральноазиатские страны получат шанс сделать серьезный рывок на пути устойчивого развития.

МАРЛЕН ЛАРЮЭЛЬ
Директор, Программа Центральной Азии, Институт европейских, российских и евразийских исследований, Университет Дж. Вашингтона

В целях освещения четверти века независимости стран Центральной Азии мы решили предоставить возможность выразиться исключительно представителям рассматриваемого региона. Это возможность высказать свое мнение об основных достижениях и ошибках 25-летнего периода национальной независимости, а также о тех вызовах, с которыми столкнется общество в краткосрочной и долгосрочной перспективах.

Книга включает в себя эссе 31 автора: Дилором Абдуллаева, Аида Алымбаева, Умед Бабаханов, Бахытжамал Бектурганова, Денис Бердаков, Алима Бисенова, Константин Бондаренко, Светлана Горшенина, Шаирбек Джураев, Гулжигит Ерматов, Галым Жусипбек, Наргис Касенова, Диана Кудайбергенова, Собир Курбанов, Санат Кушкумбаев, Гузель Майтдинова, Парвиз Муллоджанов, Анар Мусабаева, Даврон Мухамадиев, Парвиз Мухамадиев, Мадина Нургалиева, Адиль Нурмаков, Мирзохид Рахимов, Айдос Сарым, Талант Султанов, Санжар Султон, Фарход Толипов, Валихан Тулешов, Умида Хашимова, Александра Цай, Айнабат Яйлымова.

ISBN 978-0-9988143-0-8
90000>
9 780998 814308

CAP CENTRAL ASIA PROGRAM

Institute for European, Russian, and Eurasian Studies
THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY